

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 43

**Томск
2012**

УЧРЕДИТЕЛЬ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО,
заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Богомаз С.А., д-р психол. наук, проф.; **Бохан Т.Г.**, д-р психол. наук, доц.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО; **Залевский В.Г.**, канд. психол. наук, доц.; **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (зам. главного редактора); **Козлова Н.В.**, д-р психол. наук, доц.; **Красноярцева О.М.**, д-р психол. наук, проф.; **Левицкая Т.Е.**, канд. психол. наук, доц.; **Лукьянов О.В.**, канд. психол. наук, доц.; **Мещерякова Э.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Муравьева О.И.**, канд. психол. наук, доц.; **Серый А.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Финогенова Г.А.** (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г., д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Бохан Н.А.**, д-р мед. наук, проф. (Томск); **Вассерман Л.И.**, д-р мед. наук, проф. (Санкт-Петербург); **Вяткин Б.А.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Пермь); **Демина Л.Д.**, д-р социол. наук, проф. (Барнаул); **Доценко Е.Л.**, д-р психол. наук, проф. (Тюмень); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (Томск); **Залевский Г.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Томск); **Зинченко В.П.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Карнышев А.Д.**, д-р психол. наук, проф. (Иркутск); **Клочко В.Е.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Коробейников И.А.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Кунце Г.**, д-р медицины, проф. (Кассель, Германия); **Мухина В.С.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Павлик К.**, д-р психологии, проф. (Гамбург, Германия); **Санжаева Р.Д.**, д-р психол. наук, проф. (Улан-Удэ); **Семке В.Я.**, д-р мед. наук, проф., действительный член РАМН (Томск); **Смирнова С.В.**, канд. психол. наук, доц. (Благовещенск); **Соловьев А.В.**, канд. психол. наук, проф. (Москва); **Тхостов А.Ш.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Ушаков Д.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Шюлер П.**, д-р психологии (Марбург, Германия); **Юревич А.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАН (Москва); **Яницкий М.С.**, д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – **Свидетельство ПИ**
№ 77-12789 от 31 мая 2002 г. Международным Центром ISSN (Париж)
от 4 января 2003 г., печатный вариант – ISSN 1726-7080

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ 5

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Суховершин А.В. ИЗБЫТОЧНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ОДИН
ИЗ ФАКТОРОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) 6
Юсупов П.Р. ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У ЛИЦ С ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНОЙ
СИМПТОМАТИКОЙ В КОНТЕКСТЕ ПСИХИЧЕСКОЙ РИГИДНОСТИ 10
Осинская С.А. ЗНАЧИМЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПЕРВИЧНОЙ СОЗАВИСИМОСТИ 18
Иванов М.В. ОЦЕНКА СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
У ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАССТРОЙСТВАМИ ШИЗОФРЕНИЧЕСКОГО СПЕКТРА ... 23

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Грачев В.В., Попова Л.А., Ениколопов С.Н. БИОПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД
К ПРОБЛЕМЕ ПСИХИЧЕСКОГО ИНФАНТИЛИЗМА У ПОДРОСТКОВ 30
Лола Е.В. ИЗУЧЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ 39
Шишкина И.А. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫМИ ПОДРОСТКАМИ 43

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Шевченко Т.И. СМЫСЛОВАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЖАРНЫХ 48
Айзман Н.И., Зинченко Ю.П. ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОК ВУЗА 59

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Колесникова С.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕНТАЛЬНОСТИ
БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП 68
Шайдакова Н.В., Радина Н.К. ПРОБЛЕМА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 72

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Габер И.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ
КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ 80

В ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГУ: ИССЛЕДОВАТЕЛЮ И ПРАКТИКУ

Виноградова М.Г., Рыжов А.Л. МЕТОД КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА В РАБОТЕ С ТЕСТОМ
РИСУНОЧНОЙ ФРУСТРАЦИИ С. РОЗЕНЦВЕЙГА. II. Контроль и критичность, динамика,
инструментальный аспект 92

ПСИХОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ: ЭТО ИНТЕРЕСНО ВСЕМ

Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В. РАЗНОВОЗРАСТНЫЕ БРАКИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ... 107

ИНФОРМАЦИЯ

Из диссертационных советов 116
Наши авторы 119
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале» 122

CONTENTS

ADDRESS TO READERS	5
CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH	
<i>Sukhovshin A.V.</i> SURPLUS PROFESSIONAL IDENTIFICATION AS ONE OF FACTORS OF BURN-OUT (ON FORMULATED PROBLEM)	6
<i>Yusupov P.R.</i> STUDY OF PERFECTIONISM IN PERSON WITH ANXIETY AND DEPRESSIVE SYMPTOMS IN THE CONTEXT OF MENTAL RIGIDITY	10
<i>Osinskaya S.A.</i> SIGNIFICANT FACTORS OF DEVELOPMENT PRIMARY CODEPENDENCY	18
<i>Ivanov M.V.</i> SPATIAL NOTIONS FORMEDNESS RATING AMONG SCHOOL AGE CHILDREN WITHIN THE SCHIZOPHRENIC SPECTRUM DISORDERS	23
PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT	
<i>Gratchev V.V., Popova L.A., Enikolopov S.N.</i> BIOPSYCHOSOCIAL APPROACH TO A PROBLEM OF TEENAGER MENTAL INFANTILISM	30
<i>Lola E.V.</i> THE STUDY OF THE PICTURE OF THE WORLD INTELLECTUALLY GIFTED STUDENTS	39
<i>Shishkina I.A.</i> FEATURES OF PERCEPTION OF OTHER PERSON INTELLECTUALLY GIFTED TEENAGERS	43
GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON	
<i>Shevchenko T.I.</i> PERSONAL OBJECTIVES AS A PSYCHOLOGICAL COMPONENT OF MEANINGFUL SELF-REGULATION OF LIFE ACTIVITY OF THE STATE FIRE-FIGHTING SERVICE PROFESSIONALS, EMERCOM OF RUSSIA	48
<i>Aizman N.I., Zinchenko Ju.P.</i> FEATURES OF SEXUALITY AT STUDENTS OF HIGH SCHOOL DEPENDING ON AGE, THE PROFILE OF TRAINING AND PERSONAL CHARACTERISTICS	59
SOCIAL PSYCHOLOGY	
<i>Kolesnikova S.V.</i> PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF MENTALITY OF LARGE SOCIAL GROUPS	68
<i>Shaidakova N.V., Radina N.K.</i> THE ISSUE OF CONSUMER BEHAVIOR IN RUSSIAN AND FOREIGN ECONOMIC PSYCHOLOGY	72
PSYCHOLOGY OF EDUCATION	
<i>Gaber I.V.</i> PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF CONTENTMENT BY QUALITY OF LIFE OF EDUCATORS	80
FOR PSYCHOLOGIST HELPING: RESEARCHERS AND PRACTITIONERS	
<i>Vinogradova M.G., Ryzhov A.L.</i> QUALITATIVE ANALYSIS IN WORK WITH PICTURESQUE FRUSTRATION S. ROSENZWEIG. II. Control and Criticism, Dynamics, Instrumental aspect	92
PSYCHOLOGY AND LIFE: IT IS INTERESTING FOR ALL	
<i>Zalevskij G.V., Kuzmina Y.V.</i> MISALLIANCES (DIFFERENT AGE MARRIAGES): PSYCHOLOGICAL PROBLEMS	107
INFORMATION	
From dissertation advices	116
Our avtors	119
Rules of registration of materials in SPM	122

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ И ДРУЗЬЯ!

Настоящий номер нашего журнала (№ 43) выходит в дни работы 5-го Съезда Российского психологического общества. Это знаковое событие в жизни психологического сообщества нашей страны, своеобразный смотр сил, возможность оценить достижения отечественной психологической науки и практики, их место в мировой психологии. Важной задачей Съезда является, на мой взгляд, оценка степени востребованности психологии и психологов российским обществом во всех сферах жизнедеятельности. Предметом обсуждения стали вопросы перспектив развития психологической науки и практики, их сближения и взаимного обогащения.

В предыдущем номере нашего журнала были опубликованы вопросы Президиума РПО и Оргкомитета 5-го Съезда к психологам. Пока редакция журнала не получила прямых откликов на эти вопросы, хотя материалы данного выпуска СПЖ можно считать косвенными ответами. Мы и впредь ждем Вашей реакции на поставленные вопросы, а также отзывов и впечатлений участников съезда. И, конечно, мы будем рады новым материалам по актуальным проблемам психологической науки и практики.

В этом номере журнала, как Вы заметили, уважаемый читатель, мы открыли рубрику «Психология и жизнь: это интересно всем» и ждем от Вас научно-популярных и просто популярных, т.е. интересных для всех, материалов.

В завершение своего обращения хочу пожелать всем читателям и в их лице всем психологам крепкого здоровья и пригласить к активному сотрудничеству с нашим журналом.

Будьте здоровы!

*Главный редактор
Г.В. Залевский*

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159

ИЗБЫТОЧНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

А.В. Суховершин (Белокуриха)

Аннотация. В постановочном плане дискутируется вопрос о том, что одним из основных факторов, ведущих к формированию синдрома эмоционального выгорания, является чрезмерная (избыточная) профессиональная идентификация, которая чаще встречается в сфере «помогающих профессий». Нередко именно представители этих профессий – учителя, врачи, соцработники, психологи и др. – нуждаются прежде всего в психологической помощи, оказавшись в санаторно-курортных условиях.

Ключевые слова: профессиональная идентификация; синдром эмоционального выгорания; стресс; личность; поведение; образ жизни; помогающие профессии.

Синдром эмоционального выгорания (СЭВ) – это реакция человека, возникающая вследствие продолжительного воздействия профессиональных стрессов средней интенсивности. На Европейской конференции ВОЗ (2005 г.) было отмечено, что стресс, связанный с работой, является важной проблемой примерно для одной трети трудящихся стран Европейского союза и стоимость решения проблем с психическим здоровьем в связи с этим составляет в среднем 3–4% валового национального дохода.

СЭВ – это процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, проявляющийся в симптомах эмоционального, умственного истощения, физического утомления, личной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы. В литературе в качестве синонима синдрома эмоционального выгорания используется термин «синдром психического выгорания».

СЭВ есть выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия; это приобретенный стереотип эмоционального, чаще всего профессионального, поведения. «Выгорание» – отчасти функциональный стереотип, поскольку позволяет дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы. В то же время могут возникать его дисфункциональные следствия, когда

«выгорание» отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности и отношениях с партнерами. Иногда СЭВ (в иностранной литературе – burnout) обозначается понятием «профессиональное выгорание», что позволяет рассматривать это явление в аспекте личной деформации под влиянием профессиональных стрессов.

Первые работы по этой проблеме появились в США. Американский психиатр Г. Фриденберг [1] в 1974 г. описал феномен психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с пациентами (клиентами) в эмоционально нагруженной атмосфере при оказании профессиональной помощи (burnout). Это состояние было определено как синдром физического и эмоционального истощения, включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе, утрату понимания и сочувствия по отношению к клиентам или пациентам [2]. Первоначально под СЭВ подразумевалось состояние изнеможения с ощущением собственной бесполезности. Позже симптоматика данного синдрома существенно расширилась за счет психосоматического компонента. Исследователи все больше связывали синдром с психосоматическим самочувствием, относя его к состояниям предболезни. В Международной классификации болезней (МКБ-Х) СЭВ отнесен к рубрике Z73 – «Стресс, связанный с трудностями поддержания нормального образа жизни».

Среди профессий, в которых СЭВ встречается наиболее часто (от 30 до 90% работающих), следует отметить врачей, учителей, психологов, социальных работников, спасателей, работников правоохранительных органов. Почти 80% врачей-психиатров, психотерапевтов, психиатров-наркологов имеют различной степени выраженности признаки синдрома выгорания; 7,8% – резко выраженный синдром, ведущий к психосоматическим и психовегетативным нарушениям. По другим данным, среди психологов-консультантов и психотерапевтов признаки СЭВ различной степени выраженности выявляются в 73% случаев; в 5% определяется выраженная фаза истощения, которая проявляется эмоциональным истощением, психосоматическими и психовегетативными нарушениями. Среди медицинских сестер психиатрических отделений признаки СЭВ обнаруживаются у 62,9% опрошенных. Фаза резистенции доминирует в картине синдрома у 55,9%, выраженная фаза «истощения» – у 8,8% респондентов в возрасте 51–60 лет и со стажем работы в психиатрии более 10 лет. Те или иные симптомы выгорания имеют 85% социальных работников. Сложившийся синдром отмечается у 19% респондентов, в фазе формирования – у 66%.

По данным английских исследователей, среди врачей общей практики обнаруживается высокий уровень тревоги в 41% случаев, клинически выраженная депрессия – в 26% случаев. Треть врачей использует медикаментозные средства для коррекции эмоционального напряжения, количество употребляемого алкоголя превышает средний

уровень. В исследовании, проведенном в нашей стране, у 26% терапевтов отмечен высокий уровень тревожности, а у 37% – субклиническая депрессия. Признаки СЭВ выявляются у 61,8% стоматологов, причем у 8,1% – синдром в фазе «истощение».

СЭВ обнаруживается у трети сотрудников уголовно-исполнительной системы, непосредственно общающихся с осужденными, и у трети сотрудников правоохранительных органов.

Главной причиной СЭВ считается психологическое, душевное переутомление. Когда требования (внутренние и внешние) длительное время преобладают над ресурсами (внутренними и внешними), у человека нарушается состояние равновесия, которое неизбежно приводит к СЭВ.

Установлена связь выявленных изменений с характером профессиональной деятельности, сопряженной с ответственностью за судьбу, здоровье, жизнь людей. Эти изменения расценены как результат воздействия продолжительного профессионального стресса. Среди профессиональных стрессоров, способствующих развитию СЭВ, отмечаются обязательность работы в строго установленном режиме дня, большая эмоциональная насыщенность актов взаимодействия. У ряда специалистов стрессогенность взаимодействия обусловлена тем, что общение длится часами, повторяется в течение многих лет, а реципиентами выступают больные с тяжелой судьбой, неблагополучные дети и подростки, преступники и пострадавшие в катастрофах, рассказывающие о своем сокровенном, страданиях, страхах, ненависти.

Стресс на рабочем месте – несоответствие между личностью и предъявляемыми к ней требованиями – является ключевым компонентом СЭВ. К основным организационным факторам, способствующим выгоранию, относят: высокую рабочую нагрузку; отсутствие или недостаток социальной поддержки со стороны коллег и руководства; недостаточное вознаграждение за работу; высокую степень неопределенности в оценке выполняемой работы; невозможность влиять на принятие решений; двусмысленные, неоднозначные требования к работе; постоянный риск штрафных санкций; однообразную, монотонную и бесперспективную деятельность; необходимость внешне проявлять эмоции, не соответствующие реалиям; отсутствие выходных, отпусков и интересов вне работы.

К профессиональным факторам риска относят «помогающие», альтруистические профессии (врачи, медицинские сестры, учителя, социальные работники, психологи, священнослужители). Весьма предрасполагает к выгоранию работа с тяжелыми больными (геронтологические, онкологические пациенты, агрессивные и суицидальные больные, пациенты с зависимостями). В последнее время синдром выгорания выявляется и у специалистов, для которых контакт с людьми вообще не характерен (программисты).

Проблема профессиональной идентификации, лояльности, преданности и взаимосвязи действий сотрудников с целями организации –

ключевая в организационной психологии. Корпоративный имидж, система обслуживания клиентов, организационный климат и подвижность персонала, да и в целом конкурентоспособность организаций тесно связаны с преданностью и идентификацией персонала. Для практических организационных психологов важным является проблема влияния преданности и идентификации сотрудников с организацией на другие показатели деятельности сотрудников и организации – удовлетворенность работой; эффективность профессиональной деятельности; ориентацию на карьеру и возможность ее осуществления; наличие стресса; продуктивность деятельности организации; организационный климат; имидж организации и т.п.

К сожалению, отсутствуют исследования, отражающие методологию и конкретные техники осуществления коррекционных процедур (интервенций), направленных, с одной стороны, на повышение уровня преданности и идентификации сотрудников с организацией, с другой – на ликвидацию негативных последствий чрезмерной или избыточной идентификации работника с организацией, со своей деятельностью, своей Миссией, откуда черпают свои возможности трудоголизм и перфекционизм. Одним из таких негативных проявлений является трудоголизм. В контексте идентификации с организацией также были предприняты некоторые попытки операционализировать многоуровневые концепты идентификации. Однако до сих пор исследовались лишь отдельные специфические комбинации, а все возможные комбинации измерений и объектов идентификации так и не изучены, при наличии отдельных попыток заполнить этот пробел.

Литература

1. *Freudenberger H.J.* Staff burnout // *Journal of Social Issues*. 1974. № 30. P. 159–165.
2. *Maslach C., Jackson S.E.* The measurement of experienced burnout // *Journal of Occupational Behaviour*. 1981. № 2. P. 99–113.

SURPLUS PROFESSIONAL IDENTIFICATION AS ONE OF FACTORS OF BURN-OUT (ON FORMULATED PROBLEM)

Sukhovshin A.V. (Belokurikha)

Summary. In the article on formulated plane the question is discussed about the one of the basic factors determined burn-out – excessive or surplus professional identification, which are more often in the sphere of «help professions». Infrequently just the representatives of this professions – teaches, doctors, social workers, psychologists and others – are needed first of all on psychological help found one self in sanatoria and health resort conditions.

Key words: professional identification; burn-out stress; personality; behavior; life style; help professions.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У ЛИЦ С ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНОЙ СИМПТОМАТИКОЙ В КОНТЕКСТЕ ПСИХИЧЕСКОЙ РИГИДНОСТИ

П.Р. Юсупов (Барнаул)

Аннотация. Рассмотрен перфекционизм как многомерный психологический конструкт, связанный с возникновением тревожно-депрессивной симптоматики. Кратко описаны основные подходы к исследованию перфекционизма. Внимание сконцентрировано на навязчивом стремлении следовать высоким стандартам и требованиям, а также на убеждении, что несовершенный результат неприемлем. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи перфекционизма с психической ригидностью и ранними неадаптивными схемами, предложенными Дж. Янгом.

Ключевые слова: перфекционизм; тревожно-депрессивная симптоматика; психическая ригидность; ранние неадаптивные схемы; когнитивная сфера личности.

Перфекционизм вовсе не является открытием XX в., однако именно в этом столетии данный личностный паттерн стал все чаще упоминаться в связи с неадаптивными особенностями поведения, когнитивной и мотивационной сферы. Перфекционизм можно определить как стремление к совершенству, достижению наилучшего результата, который можно и нужно достичь. Неадаптивный же перфекционизм характеризуется навязчивым стремлением следовать высоким стандартам и требованиям, а также убеждением, что несовершенный результат неприемлем. Данные современных исследований указывают на связь выраженности перфекционизма с развитием некоторой психопатологической симптоматики: высокие показатели депрессии, тревожности, нарушение пищевого поведения, суицидальное поведение [4].

Стремление к совершенству является лейтмотивом западной культуры эпохи Нового времени, что нашло свое выражение в классических философских учениях, прежде всего в философии Г.В. Лейбница, М.-Ж. Кондорсэ, И. Канта. Истоки перфекционизма можно обнаружить в протестантизме, где в XIX в. сложился один из способов достижения святости при жизни: стремление достичь совершенства, заслужить прощение у Бога и освободить свою природу от греха.

В психологии понятие перфекционизма впервые, по всей видимости, встречается в работах последователей З. Фрейда – К. Хорни и А. Адлера. А. Адлер не использует понятие перфекционизма, но постулирует достаточно близкий по смыслу принцип «стремления к превосходству и совершенству» [1]. К. Хорни развивает идеи З. Фрейда о формировании супер-эго, где значительную роль играет стремление к моральному совершенствованию [8].

Невротическую потребность в совершенстве З. Фрейд рассматривал в качестве могущественной, инстинктивной силы, которая состоит из нарциссических, мазохистских и прежде всего деструктивных влечений.

К. Хорни, полемизируя с З. Фрейдом, делает акцент не столько на потребности во все возрастающем совершенстве, сколько на потребности в видимом совершенстве, в навязчивом стремлении не иметь изъянов. По мнению К. Хорни, человек, стремящийся к совершенству, часто несвободен, он находится «в тисках» своих перфекционистских устремлений, кроме того, он часто неадекватно воспринимает реальное положение дел и прежде всего свои ресурсы для достижения высокой цели [8]. Не соглашаясь с фрейдовским биодетерминизмом, К. Хорни пытается рассмотреть навязчивое стремление к совершенству как результат неудачных социальных взаимодействий, как неадекватную (невротическую) форму борьбы за жизнь в неблагоприятных условиях.

К. Хорни подчеркивает влияние культурных факторов, идейно обосновывающих перфекционистские тенденции, когда говорит о распространности таких образцов поведения, как «стремление преуспеть в жизни», «опередить других», «заработать больше» и т.д. Однако в случае перфекционизма эти стремления предстают в безальтернативном виде, когда соответствие высоким стандартам воспринимается как что-то само собой разумеющееся и единственно возможное. Кроме этого, К. Хорни указывает на еще одну важную составляющую перфекционизма – на скрываемое чувство собственного превосходства. Навязчивое стремление к высоким стандартам отбирает возможность реалистичной оценки своих достижений и способностей и заставляет постоянно искать подтверждения собственной уникальности.

В 1965 г. американские психологи М. Холлендер и В. Миссилдайн дали первое определение перфекционизма. Они предложили рассматривать перфекционизм как личностную черту, характеризующуюся высокими требованиями, предъявляемыми к себе и другим людям, прежде всего в отношении выполняемой деятельности, стремление к безукоризненному выполнению работы [12, 13].

Практически все исследователи отмечают связь перфекционизма и депрессии. В 1970–1980-х гг. феномен перфекционизма получает дальнейшую концептуализацию в теории социотропности / автономности и теории когнитивной уязвимости к депрессии А. Бека, в концепции аналитической и интроективной форм депрессий С. Блата [6]. Известный когнитивный психотерапевт Д. Бернс определяет перфекционизм как особую «сеть когниций», которая включает ожидания, интерпретации событий, оценки себя и других [4]. С точки зрения Д. Бернса, лица, страдающие перфекционизмом, устанавливают нереалистично высокие цели, компульсивно стремятся к труднодостижимым целям и определяют собственную ценность исключительно в терминах достижений и продуктивности [9]. К «высоким стандартам» Д. Бернс добавляет еще один когнитивный параметр – мышление в терминах «все или ничего». Решая эту дилемму, человек имеет только два варианта решения задачи: или полное соответствие высоким стандартам, или полный крах.

Постепенно из одномерного параметра перфекционизм превращается в многомерный исследовательский конструкт. Широкою известностью конструкт «перфекционизм» получает в 1990-х гг. благодаря двум группам исследователей: группе британских клинических психологов под руководством Р. Фроста и группе канадских ученых, возглавляемой П. Хьюиттом. Обе группы, с некоторыми существенными различиями, предложили многомерную модель перфекционизма и инструменты его измерения. И те и другие настаивали на введении интерперсональных параметров оценки данного конструкта. Р. Фрост с коллегами разработали инструмент для тестирования различных параметров перфекционизма – Многомерную шкалу перфекционизма (MPS-F) [10, 11].

Заметный вклад в изучение феномена перфекционизма внесли российские авторы – А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян, Т.Ю. Юдеева, В.А. Ясная. Развивая тезис о многомерной структуре перфекционизма, Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогорова предложили оригинальную модель психологической структуры патологического перфекционизма, а также инструмент измерения [4]. Анализ зарубежных разработок инструментов измерения перфекционизма и опыт психотерапевтической работы с пациентами в формате когнитивной терапии позволили им выделить пять параметров перфекционизма.

В настоящем исследовании (в рамках дипломной работы, выполненной Я.Ю. Апаринной) был обобщен опыт прежних авторов, сделан акцент на когнитивной модели перфекционизма [3], предпринята попытка рассмотреть особенности структуры данного феномена у лиц с тревожно-депрессивной симптоматикой в контексте психической ригидности. Выбор этой категории лиц в качестве испытуемых обусловлен тем, что большинство классиков указывают на связь перфекционизма с такой негативной симптоматикой, как депрессия, тревога, вина, разочарование, стыд, нарушения адаптации, затруднения в общении, пассивность, прокрастинация и т.д. [4].

Дополнительным предположением стало ожидание взаимосвязи между перфекционизмом и психической ригидностью. Психическая ригидность / гибкость – это ключевой параметр модели фиксированных форм поведения Г.В. Залевского. В соответствии с этой моделью под фиксированными формами поведения понимаются акты поведения индивидуальной или групповой системы, упорно повторяющиеся и/или продолжающиеся в ситуациях, которые объективно требуют их прекращения и/или изменения; уровень осознания и/или принятия личностью (группой) этой необходимости может быть разным [5]. Психическая ригидность в нашем исследовании определялась как трудность коррекции программы поведения в целом или ее отдельных элементов в связи с необходимостью и разной степенью осознания и принятия этой необходимости.

Как показывает клиническая практика, депрессивная симптоматика тесно связана с феноменом фиксированных форм поведения, с психической ригидностью.

Феноменологию перфекционизма и фиксированных форм поведения сближает нарушение гармонии внутреннего и внешнего, поскольку детерминация поведения обуславливается только его внутренним состоянием без учета объективных требований внешней ситуации [5]. То есть навязчивость следования высоким стандартам обусловлена системой внутренних ригидных убеждений, занижающих собственные успехи и отдаляющих достижение значимых целей.

Первоначально в работе перфекционизм был операционализирован как многомерный личностный конструкт, характеризующийся навязчивым стремлением личности к совершенству, включающий персональный параметр – завышенные, по сравнению с индивидуальными возможностями, стандарты деятельности и притязания, предъявляемые к собственной личности в значимых сферах жизни; интерперсональные параметры – перфекционизм, адресованный другим людям, и социально предписываемый перфекционизм; когнитивные параметры: поляризованное мышление по типу «все или ничего», селективное информирование о собственных неудачах, ошибках; персонализация: постоянное сравнение себя с другими людьми при ориентации на полюс «самых успешных»; восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания при постоянном сравнении себя с ними.

Логика когнитивно-бихевиорального подхода к исследованию и терапии психических расстройств заставляет рассмотреть перфекционизм не только как личностную черту, но и как когнитивный паттерн, набор убеждений в отношении оценок собственной состоятельности в контексте значимых достижений, включая все вышеперечисленные параметры. Тем более что перфекционизм находит свое отражение в когнитивных моделях дезадаптивного поведения. Так, в русле когнитивной терапии перфекционизм рассматривается как когнитивное искажение, ошибка мышления, представленная нереалистично завышенным уровнем притязаний человека. В концепции когнитивной уязвимости к депрессии А. Бек связывает навязчивое следование высоким стандартам с набором дисфункциональных убеждений [2].

В рамках исследования были сформулированы три гипотезы:

1. С ростом тревожно-депрессивной симптоматики структура перфекционизма окажется все более дифференцированной с вероятным выделением разных групп перфекционизма.

2. При нарастании тревожно-депрессивной симптоматики будут увеличиваться такие параметры перфекционизма, как «восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими)», «селективное информирование о собственных неудачах и ошибках» и «завышенные стандарты деятельности при ориентации на полюс самых успешных».

3. Лица с высокими показателями перфекционизма будут отличаться повышенной психической ригидностью.

В исследовании приняли участие пациенты Алтайской краевой клинической психиатрической больницы им. Ю.К. Эрдмана (г. Барнаул), которые составили *клиническую* группу испытуемых. В группу *нормы* вошли люди без наличия тревожно-депрессивных расстройств в анамнезе. Возраст обеих групп варьировал от 21 до 43 лет.

В качестве основных методов сбора данных были избраны:

- 1) опросник психопатологической симптоматики SCL-90-R [7];
- 2) опросник перфекционизма Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогоровой;
- 3) Томский опросник ригидности Залевского [5];
- 4) опросник ранних неадаптивных схем Дж. Янга [6].

Подробнее рассмотрим шкалы опросника перфекционизма Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогоровой. В исследовании были использованы 5 шкал опросника:

1. Восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими). Стремление соответствовать воспринимаемым ожиданиями окружающих может вести к самоотчуждению и постоянному предвосхищению «публичного разоблачения и позора».

2. Завышенные притязания и требования к себе. Параметр описывает чрезмерные требования, предъявляемые к собственной личности в разных сферах жизни. Их эмоциональным последствием, по мнению разработчиков, может стать высокий уровень негативного аффекта – страх и предчувствие «неотвратимых терзаний» в начале деятельности, стойкая неудовлетворенность качеством выполняемой работы. Поведенческими последствиями может стать прокрастинация – откладывание начала деятельности или сверхмобилизация, сопряженная с риском сгорания.

3. Высокие стандарты деятельности при ориентации на полюс «самых успешных». Аффективные последствия таких сравнений – переживания интенсивного недовольства собой и зависти. Может проявляться в конкурентности в отношениях, обесценивании коммуникации и избегании контактов.

4. Селектирование информации о собственных неудачах и ошибках. Параметр отражает склонность фиксироваться на неудачах при избирательной «слепоте» на собственные достижения и удачи. Сочетаясь с интернальным стилем каузальной атрибуции неуспеха, усиливает негативный аффект.

5. Поляризованное мышление – «все или ничего». Дихотомическая оценка результата деятельности и ее планирование по типу «все или ничего». Параметр отражает особый стиль мышления, при котором индивид представляет лишь два варианта выполнения деятельности – полный провал и блестящее выполнение, достижение очень трудной цели или отказ от активности.

Прежде всего было показано, что клиническая группа, в сравнении с группой нормы, имеет достоверно более высокие баллы по всем параметрам.

рам перфекционизма и по большинству шкал SCL-90-R. Для проверки первой и второй гипотез с помощью кластерного анализа общая выборка была разделена на две группы по уровню выраженности тревожно-депрессивной симптоматики: группа с «пониженной тревогой и депрессией» и группа с «высокой тревогой и депрессией». Оказалось, что в группе с «высокой тревогой и депрессией» в большей мере возрастают «интерперсональный» параметр перфекционизма – «восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими)». То есть окружающие люди воспринимаются как максимально критичные к «моим» достижениям и провалам. В группе с «пониженной тревогой и депрессией» перфекционизм связан в основном с персональным и когнитивными параметрами, а также с «завышенными притязаниями и требованиями к себе» (персональный параметр) и тремя когнитивными параметрами: «высокие стандарты деятельности при ориентации на полюс самых успешных», «селектирование информации о собственных неудачах и ошибках», «поляризованное мышление – “все или ничего”». Вероятно, повышение тревожно-депрессивной симптоматики связано с актуализацией когнитивных структур, ответственных за снижение адаптивности в межличностных взаимодействиях и восприятии других людей как ожидающих от человека непомерно высоких достижений. Таким образом, были выделены профили перфекционизма с различной выраженностью тревожной и депрессивной симптоматики и подтверждены первая и вторая гипотезы.

Для проверки третьей гипотезы, для выявления связи между перфекционизмом и психической ригидностью, был применен корреляционный анализ. Метод показал наибольшую достоверную положительную связь между интерперсональным параметром перфекционизма («восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими)»), одним когнитивным параметром (селектирование информации о собственных неудачах и ошибках), с одной стороны, и психической ригидностью – с другой.

Кроме этого, были получены интересные корреляции между параметрами перфекционизма, ранними неадаптивными схемами и психической ригидностью. Перфекционизм почти во всех своих проявлениях связан с такими неадаптивными схемами Дж. Янга, как «ущербность / стыд», «несостоятельность», «зависимость / некомпетентность», «повышенная восприимчивость к ущербу / болезни». Теперь рассмотрим самые значимые корреляции между параметрами перфекционизма и неадаптивными схемами.

Оказалось, что интерперсональный перфекционизм – «восприятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими)» – в большей мере связан с такими неадаптивными схемами, как «несостоятельность» ($r = 0,68$), «зависимость / некомпетентность» ($r = 0,61$) и «подчинение» ($r = 0,60$). То есть восприятие других людей как ожидающих от респондента только вы-

соких достижений, связано в основном с низкой оценкой собственных способностей, убежденностью в неизбежности неудач в будущем, а также со стремлением передать контроль над своими «малозначимыми» чувствами и желаниями другим людям.

Персональный параметр перфекционизма – «завышенные притязания и требования к себе» – значимо коррелирует только с двумя неадаптивными схемами: «подавлением эмоций» ($r = 0,52$) и «жесткими стандартами / чрезмерной критичностью» ($r = 0,52$). Как видно, классический перфекционизм – неадаптивное стремление к совершенству – ожидаемо связан с чрезмерной самокритикой; подавлением спонтанных действий, чувств, стремления к общению; формированием высоких труднодостижимых стандартов.

Когнитивный параметр перфекционизма – «высокие стандарты деятельности при ориентации на полюс “самых успешных”» – высоко и значимо связан с тремя неадаптивными схемами Дж. Янга: «несостоятельностью» ($r = 0,71$), «ущербностью / стыдом» ($r = 0,62$), «повышенной восприимчивостью к ущербу и болезни» ($r = 0,55$). Вероятно, навязчивое стремление соответствовать во всем самым успешным людям связано с ощущениями собственной несостоятельности, некомпетентности, ущербности, которые могут возрастать в связи с чувствительностью к внешним фрустрациям и собственным недостаткам.

Другой когнитивный параметр перфекционизма – «селектирование информации о собственных неудачах и ошибках» – положительно связан с такими схемами, как «несостоятельность» ($r = 0,66$), «зависимость / некомпетентность» ($r = 0,65$). Но особенно интересными выглядят высокие корреляции со схемами «жертвенность» ($r = 0,59$) и «подчинение» ($r = 0,53$). То есть перфекционизм, проявляющийся в стремлении занижать свои успехи и завышать значение неудач, кроме «несостоятельности» и «некомпетентности», связан еще с такими поведенческими паттернами, как «чрезмерная добровольная озабоченность тем, чтобы удовлетворять потребности других людей в повседневной жизни, в ущерб своим интересам», а также с «избыточной необходимостью передать контроль над своими действиями другим людям – обычно во избежание гнева, возмездия или заброшенности» [6. С. 403].

Наконец, последний параметр перфекционизма – «поляризованное мышление – “все или ничего”» – высоко коррелирует с неадаптивными схемами «социальная изоляция / отчуждение» ($r = 0,71$) и «жертвенность» ($r = 0,58$). Личность, склонная жить по перфекционистскому принципу «все или ничего», «черное или белое», «полное совершенство либо абсолютная несостоятельность», склонна ощущать себя оторванной от остального мира, непричастной к группе в силу своих «невыгодных» отличий от других людей.

Из всех пяти параметров перфекционизма с показателем общей психической ригидности достоверно высоко коррелируют два: «вос-

приятие других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими) и «селектирование информации о собственных неудачах и ошибках». Как видно, к наиболее «психически ригидным» когнитивным паттернам относятся восприятие других как ожидающих от нас совершенства, а также занижение значимости собственных успехов и завышение значения собственных неудач.

Таким образом, результаты исследования в целом подтвердили теоретические предположения, с одной стороны, о высоких показателях перфекционизма у лиц с тревожно-депрессивной симптоматикой, с другой – о связи перфекционизма с психической ригидностью.

Литература

1. Адлер А. Индивидуальная психология: теория и практика. СПб. : Изд-во ЛГУ, 1993. 107с.
2. Бек А. Когнитивная психотерапия депрессий // Моск. психотерапевт. журн. 1995. № 3. С. 69–92.
3. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Моск. психотерапевт. журн. 2001. № 4. С. 18–49.
4. Гаранян Н.Г. Перфекционизм и психические расстройства (обзор зарубежных эмпирических исследований) // Современная терапия психических расстройств. 2006. № 1. С. 23–31.
5. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии). Москва ; Томск : Том. гос. ун-т, 2004. 460 с.
6. Клиническое руководство по психическим расстройствам / под ред. Д. Барлоу. СПб. : Питер, 2008. 912 с.
7. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб. : Питер, 2001. 272 с.
8. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М. : Прогресс, 1993. 480 с.
9. Burns D. Feeling good: a new mood therapy. Signet. N.Y., 1980.
10. Flett G.L., Hewitt R.L., Blankstein K.R., Koledin S. Dimensions of perfectionism and irrational thinking // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 1991. № 9 (3). P. 185–201.
11. Frost R., Marten P., Lahart C., Rosenblate R. The dimensions of perfectionism // Cognitive Therapy and Research. 1990. Vol. 14. P. 449–468.
12. Hollender M. Perfectionism // Comprehensive Psychiatry. 1965. Vol. 6. P. 94–103.
13. Missildine W. Perfectionism – If you must strive to «do better» // You rinner child of the past / ed. by W. Missildine. N.Y. : Pocket Books, 1963. P. 75–90.

STUDY OF PERFECTIONISM IN PERSON WITH ANXIETY AND DEPRESSIVE SYMPTOMS IN THE CONTEXT OF MENTAL RIGIDITY

Yusupov P.R. (Barnaul)

Summary. This article describes perfectionism as a multidimensional psychological construct associated with the occurrence of anxiety and depressive symptoms. Brief overview of basic approaches to the study of perfectionism. Focuses on the obsession to follow high standards and requirements, as well as on the belief that an imperfect result is unacceptable. Presents the results of an empirical study the relationship of perfectionism with mental rigidity, and early maladaptive schemas (J. Young).

Key words: perfectionism; anxiety and depressive symptoms; mental rigidity; early maladaptive schema; the cognitive sphere of personality.

ЗНАЧИМЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПЕРВИЧНОЙ СОЗАВИСИМОСТИ

С.А. Осинская (Владивосток)

Аннотация. Приведены значимые факторы формирования созависимости как нарушения личности – характер взаимоотношений в семье и особенности семейного функционирования, а также незавершенность определенных критических стадий развития в первые годы жизни.

Ключевые слова: эмоциональная зависимость; эмоциональная связь; созависимость; автономная личность; критическое развитие; симбиоз.

Проблема зависимостей является одной из наиболее актуальных в современном обществе, что подтверждается не уменьшающимся количеством людей с аддиктивным поведением. Специалисты в области зависимостей чаще всего рассматривают созависимость как семейную проблему. Многие отечественные и зарубежные исследователи выявили связь между нарушениями функционирования семьи и формированием зависимого поведения. Созависимые индивиды имеют определенные особенности, которые проявляются в состоянии, поведении и взаимоотношениях с другими людьми, особенно их близкими. Анализ различных теоретических подходов к проблеме зависимости позволяет понимать феномен созависимости не как вторичное явление (в связи с алкогольной или наркоманической зависимостью близкого), а как нарушение личности, формирующееся в ранних детско-родительских отношениях [5].

Представители различных психологических направлений огромное значение придают раннему детству, относя его к особенно критическим этапам развития каждого человека. От того, насколько правильно будут пройдены эти важные стадии развития, зависит психологическое и личностное благополучие «взрослого ребенка». Процесс индивидуального развития человека включает в себя важные с точки зрения формирования созависимости стадии: 1-я стадия – созависимости; 2-я стадия – противозависимости; 3-я стадия – независимости; 4-я стадия – взаимозависимости [9].

Главной задачей 1-й стадии является соединение (связь) с матерью, отцом, другими значимыми лицами и развитие чувства доверия. Для того чтобы стадия соединения, симбиотических взаимоотношений между матерью и ребенком прошла успешно, мать должна быть доступна для ребенка эмоционально. Под связью здесь понимается установление эмоционального контакта родителей с ребенком, формирование привязанности. Джон Боулби (2003) считал, что существуют некие врожденные компоненты специфической системы регуляции поведе-

ния, которая с самого начала направляет активность младенца по отношению к взрослому. Особенно активизируется поиск контакта со взрослым в ситуациях опасности, тревоги или разного рода дискомфорта. Взрослый становится источником успокоения и чувства защищенности, наличие которого позволяет ребенку активно осваивать окружающий мир. Хотя тенденция к формированию привязанности имеет эволюционно-генетическое происхождение, само качество привязанности (связи) зависит от внешних факторов – главным образом от опыта первых отношений с матерью. Ребенок воспринимает себя через отношение к нему близкого взрослого. В случае надежной и безопасной привязанности ребенок воспринимает себя как любимого, достойного уважения, смелого, умного, а близкого взрослого – как источник любви, защиты и уважения. Отношение ребенка к себе и его представление о себе определяют его отношение к близким взрослым [1, 8].

В случае незавершенного процесса соединения ребенок будет чрезмерно эмоционально привязан к родителям, демонстрируя поведение зависимости. «Привязанные» дети боятся окружающего мира и перемен. Они приближаются к другим людям застенчиво и осторожно, что затрудняет для них исследование неизвестного. В конце концов, такой ребенок учится скрывать свои чувства и вырабатывает у себя вынужденное поведение, которое использует для того, чтобы успокоить растущее чувство тревоги о неопределенности своей жизни [9].

Вторая стадия сопровождается появлением у ребенка стремления к независимости от взрослого. В этот период разрывается первичная связь со взрослым и возникает весьма относительная автономность ребенка, пока еще только физическая. Возникают собственные, независимые от взрослого желания. Исследование окружающего мира, тем не менее, без участия взрослых невозможно, поскольку исследовательское поведение должно быть безопасным. Главной задачей развития в этот период является отделение, процесс которого колеблется между возрастом 2–3 лет. Согласно теории привязанности именно период раннего детства связан с развитием поведения привязанности, которое проявляется в постоянном требовании внимания и присутствия отца или матери. Осознавая свою отделенность, ребенок испытывает потребность в чувстве успокоения и защищенности, которые обеспечивает взрослый.

Потребность ребенка в любви и безопасности, а также другие появившиеся потребности должны удовлетворяться достаточным образом и в должное время. Когда ребенок отдаляется слишком далеко, он чувствует себя уязвимым и надеется, что родители окажутся рядом. Отсутствие матери может сопровождаться сильным протестом, вспышками злости и гнева, что является проявлением амбивалентности чувств, присущей и детям, и взрослым. Базисный интрапсихический конфликт между любовью и ненавистью сопровождается переживани-

ем чувств страха и вины, которые лежат в основе многих психических расстройств [2, 7].

Важным навыком, который приобретает ребенок при успешном завершении данной стадии развития, является умение полагаться на свою внутреннюю силу, то есть заявлять о себе, а не ожидать, что кто-то другой будет управлять его поведением. У ребенка развивается целостное внутреннее ощущение своего «Я», которое дает ему возможность научиться брать на себя ответственность за свои действия, делиться, взаимодействовать и сдерживать агрессию, адекватно относиться к авторитету других, выражать свои чувства словами и эффективно справляться со страхом и тревогой. Они могут эффективно удовлетворять свои потребности, обращаясь непосредственно к другим лицам, если им необходима помощь, не чувствуя себя униженными или обязанными. И, наконец, они не теряют общего позитивного представления о самом себе, когда окружающие их критикуют. Если эта стадия не завершена до конца, ребенок становится психологически зависимым от других и не имеет своего четко ощущаемого «Я», которое выделяло бы его среди других [8].

По мере взросления уменьшается зависимость ребенка от матери, и к возрасту трех лет наступает стадия независимости, длящаяся примерно до шести лет. Психологическое отделение от близких взрослых в норме сопровождается формированием «постоянства объекта» – способности видеть себя и других отдельными объектами с хорошими и плохими качествами. При помощи постоянства объекта внутренние конфликтующие силы могут найти разрешение. Эта способность, развитое полное постоянство в восприятии близких людей позволяет сохранять положительный образ отца и матери. Ребенок может страстно желать присутствия родителей, но при этом не считает, что его бросили, не любят и «они плохие». Он даже может думать о родителях со злостью или ненавистью, так же, как и о себе, но он не должен быть переполнен этими чувствами [9].

Успешность благополучного прохождения этих двух важных стадий развития зависит также от того, насколько родители завершили свои собственные задачи соединения и отделения. Тревога родителей, связанная с низким уровнем дифференцированности, выражается в родительской опеке, внимании, заботе, приобретающих чрезмерный характер и не соответствующих потребностям ребенка. Родители, не завершившие свой собственный процесс отделения, могут бояться как близости, так и психологической отделенности: «Они боятся, что более тесная близость, чем они хотели бы, может привести к тому, что ребенок поглотит их полностью и они потеряют свое не очень прочное чувство отделенности. С другой стороны, у них может возникнуть страх отделения, когда ребенок отрывается от них, чтобы стать отдельной, автономной личностью» [9. С. 51]. Подобная амбивалентность между

желанием близости и страхом перед ней, между страхом отделения и желанием автономности приводит к тому, что родители транслируют детям противоречивые послания, а это мешает нормальному процессу развития. Такие родители испытывают трудности в проявлении чувств к ребёнку, излишне строги, с одной стороны, а с другой – не доверяют ребёнку, контролируют, опекают, не умеют передавать ему ответственность. Иногда такая симбиотическая связь сохраняется всю жизнь [6, 9].

Стадия взаимозависимости обычно соответствует 6–12 годам и характеризуется тем, что ребенок то ищет близости, то вдруг старается отдалиться. Главной задачей развития на данной стадии является приобретение способности двигаться вперед и назад между соединением и отделением, не испытывая при этом какого-либо дискомфорта. Через внутренние конфликты с самим собой и с другими ребенок продолжает обретать чувство личности. В этот период происходит активный поиск собственной уникальной сущности, собственного «Я». Стремление обрести себя как личность порождает потребность в отчуждении от всех тех, кто привычно оказывал на него влияние, и в первую очередь это относится к родительской семье. Происходит обособление от семейного «Мы», однако реально находиться наедине со своим «Я» подросток еще не может. Он еще не способен глубоко и объективно оценить самого себя, в одиночестве предстать перед миром людей как уникальная личность, которой он стремится стать [6, 9].

Подростковый возраст, традиционно называемый в психологии вторым психологическим рождением, имеет с точки зрения формирования созависимости большое значение. Этот период сопровождается большими изменениями в развитии: период становления личности, начало периода самоидентификации, самоопределения. Происходит апробация личностных ценностей подростка и ценностей его родительской семьи. Согласно Э. Эриксону, данную стадию в развитии личности характеризует самый глубокий жизненный кризис. В подростковом кризисе идентичности заново встают все пройденные (или не пройденные) критические моменты развития. От того, чем были наполнены и как пройдены предыдущие стадии развития, будут зависеть способность подростка сознательно и самостоятельно решать старые и новые задачи, умение делать выбор, значимый для него и для общества. Нередко подростковый период сопровождается бурным проявлением кризиса, обусловленным как внутренними, так и внешними причинами. И если к моменту вступления в этот возрастной этап предыдущие стадии были пройдены успешно, ребенок обретает чувство уверенности, способность создавать взаимозависимые отношения [6].

Таким образом, стадии развития имеют последовательный характер, и если мы не завершаем в своем развитии одну стадию, то прохождение следующих стадий нарушается. Блокирование развития лично-

сти может наступить практически на любом этапе. Степень созависимости, проявляемая во взрослом состоянии, определяется не только благополучием прохождения периода младенчества, но и тем, насколько эта форма взаимоотношений менялась в последующие периоды жизни, поддерживались ли эти изменения ближним и дальним социальным окружением. Значимыми факторами являются вся семейная атмосфера для эмоционального развития и то, насколько автономные формы взаимоотношений поддерживались на всех возрастных этапах развития [4, 5].

Литература

1. Боулби Д. Привязанность. М. : Гардарики, 2003. 232 с.
2. Боулби Д. Создание и разрушение эмоциональных связей. М. : Академический проект, 2004. 477 с.
3. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. СПб. : Речь, 2004. 368 с.
4. Манухина Н. Созависимость глазами системного терапевта. М. : Независимая фирма «Класс», 2009. 280 с.
5. Москаленко В. Зависимость: семейная болезнь. М. : ПЕРСЭ, 2006. 352 с.
6. Мухина В.С. Возрастная психология. М. : Академия, 2004. 456 с.
7. Поттер-Эфрон Р.Т. Стыд, вина и алкоголизм: клиническая практика. М. : Ин-т общегуманит. исследований, 2002. 416 с.
8. Смирнова Е.О. Детская психология. М. : ВЛАДОС, 2003. 368 с.
9. Уайнхолд Б., Уайнхольд Д. Освобождение от созависимости. М. : Независимая фирма «Класс», 2003. 224 с.

SIGNIFICANT FACTORS OF DEVELOPMENT PRIMARY CODEPENDENCY

Osinskaya S.A. (Vladivostok)

Summary. The article presents the significant factors of codependency as a personality disorder. It is the nature of relationships within the family and especially family functioning, as well as the incompleteness of certain critical developmental stages in the first years of life.

Key words: Emotional dependence; emotional connection; codependency; autonomous personality; critical development; symbiosis.

ОЦЕНКА СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАССТРОЙСТВАМИ ШИЗОФРЕНИЧЕСКОГО СПЕКТРА

М.В. Иванов (Москва)

Аннотация. Анализируются результаты оценки сформированности пространственных представлений у детей школьного возраста с расстройствами шизофренического спектра. Выявленные нарушения пространственных представлений специфичны для лиц с расстройствами круга шизофрении.

Ключевые слова: пространственные представления; расстройства шизофренического спектра.

Проблема пространства на протяжении веков остается одной из фундаментальных тематик научных исследований. Еще Аристотель пространство¹ наряду со временем выделял в одну из категорий бытия [3]. Естественно-научное понимание пространства и времени заложено в трудах И. Ньютона и Г.В. Лейбница [11, 14]. По И. Ньютону, пространство есть первоначальная субстанция, а по Г.В. Лейбницу, оно выступает результатом отношения. В учении И. Ньютона реальное и абсолютное пространства предшествуют вещам, делают возможным частные протяженности. Согласно Г.В. Лейбницу, напротив, реально существуют частные вещи и протяженности, а общее пространство является только результатом их сравнения и обобщения.

Позднее И. Кант пространству и времени придавал характеристику способов познания человеком объективной реальности: первоначальное представление о пространстве есть априорное созерцание, а время – чистая форма чувственного созерцания [7, 8]. Согласно Г.В.Ф. Гегелю, пространство и время – это предпосылки мысли [6].

Основоположниками гештальт-психологии были заложены некоторые концептуальные идеи изучаемой проблемы (М. Вертгеймер, В. Келлер, К. Коффка, Э. Рубин), которые сформировали один из подходов к определению универсальных структур, лежащих в основе восприятия пространства.

В отечественной психологии субъективные представления об окружающем пространстве были рассмотрены через выделение единиц пространственных представлений (глубина, длина, цвет, форма и пр.) и проблему точности репрезентации пространства [4, 5, 11].

¹ Аристотель не пользовался категорией пространства, вводя вместо нее категорию «место»: внешняя граница тела, определяемая соседствующими телами.

Во многих отечественных и зарубежных работах рассматривался вопрос формирования пространственных представлений в возрастной динамике, а также их влияния на становление ряда других психических функций [1, 2, 15, 18, 19].

Большое внимание уделялось особенностям пространственных и пространственно-временных представлений при различных формах патологии: у слабовидящих и слепых людей (П. Бюрклен, Е.Б. Гордон, Г.В. Козловская, А.Г. Литвак, М.Н. Наумов, А.А. Цыганок), при задержках психического развития (А.Н. Корнев, Х. Левинсон, В.И. Лубовский, Л.Г. Парамонова, Р.Д. Тригер), а также при различных вариантах дизонтогенеза (Н.П. Вайзман, О.П. Гаврилушкина, Л.И. Солнцева, Б. Стратфорд и др.). Имеются данные о нарушении представления о пространстве и времени при различных формах заболеваний головного мозга – опухолях, травмах, ДЦП и другой церебральной патологии (О. Зангвилл, Б.В. Зейгарник, К. Клейст, Е.П. Кок, А.Р. Лурия, Ю.В. Микадзе, О.В. Титова, Е.Д. Хомская, С. Ульман).

Представления о пространстве являются важными показателями, свидетельствующими об изменениях психического здоровья. Остается открытым вопрос изменения представлений о пространстве у лиц с расстройствами шизофренического спектра (при разной степени выраженности болезни). Группой американских исследователей были выявлены нарушения опознавания фрагментарных зрительных объектов (нейропсихологических проб) у больных шизофренией [16]. Однако пространственные представления именно в этом ракурсе психической патологии изучены недостаточно.

В связи с наибольшей распространенностью расстройств шизофренического спектра в обществе [9] теоретическое и практическое значение для науки обретает изучение особенностей пространственных представлений в детско-юношеском возрасте при данном виде психической патологии.

Пространственные представления – это особая гетерогенная функция познавательного процесса, включающая пространственное восприятие, пространственное ориентирование и другие составляющие и непосредственно влияющая на поведение человека, в том числе на то, как он взаимодействует с людьми, как выполняет свои профессиональные функции и пр.

Данное исследование позволит медицинским психологам и психиатрам выявлять нарушения в сфере познания на разных этапах психопатологического процесса (включая латентные формы).

Теоретико-методологические основания исследования составляют: фундаментальные положения С.Л. Рубинштейна о принципах неклассической психологии, изложенные в «Принципе творческой самодетельности»; положения теории Л.С. Выготского о развитии высших психических функций; положения деятельностного подхода А.Н. Леон-

тьева (в том числе о пространственных координатах как составляющих психологической структуры образа мира); идеи ряда авторов о патологии познавательной деятельности при психических заболеваниях (А.Р. Лурия, С.Я. Рубинштейн, В.В. Николаева, Б.В. Зейгарник, В.В. Лебединский и др.); концепция А.В. Снежневского о соотношении «patos» и «nosos» (1971) и идеи о малопрогрессирующей шизофрении в трудах отечественного психиатра А.Б. Смулевича.

Цель исследования: изучить особенности пространственных представлений в рамках расстройств шизофренического спектра разной степени выраженности у детей школьного возраста.

Объект исследования: пространственные представления у лиц с расстройствами шизофренического спектра.

Предмет исследования: особенности пространственных представлений у лиц с расстройствами шизофренического спектра разной степени выраженности.

Гипотеза исследования: пространственные представления в рамках расстройств шизофренического спектра нарушаются по типу основных шизотипальных дисфункций, их особенности связаны со степенью выраженности психопатологических нарушений и пола испытуемых.

Материал и методы исследования

В исследовании принимали участие испытуемые в возрасте от 9 до 14 лет, общее количество которых составило 40 человек. В экспериментальную и контрольную группы (по 20 человек в каждой) вошли испытуемые, проходившие амбулаторное и стационарное лечение на клинических базах отдела по изучению психической патологии раннего детского возраста НЦПЗ РАМН.

Экспериментальную группу составили больные с психотическими и непсихотическими формами шизофрении в возрасте 9–14 лет (20 человек).

Критерий включения в экспериментальную группу: шизофрения (по МКБ-10, F20.x), шизотипическое расстройство (F21.x), возраст от 9 до 14 лет.

Критерий исключения: органические поражения ЦНС, умственное отставание (F70-F79), эпизодические и параксизмальные расстройства (G40-G47).

Контрольную группу составили школьники с нормативным психическим развитием в возрасте от 9 до 14 лет (20 человек), обучающиеся в учебных заведениях г. Москвы.

Для реализации цели исследования были применены следующие группы методик:

- методики по исследованию пространственных представлений: восприятие перечеркнутых изображений (на основе проб Поппельрейтера В.); фигуры в шуме (по И.М. Тонконогову с соавт.); субтесты из диагностического альбома (по Н.М. Семаго и Н.Я. Семаго);
- исследование мышления, методика «исключение предметов»;
- методика «слепые часы»;
- методы статистической обработки данных, входящие в пакет программы StatSoft Statistica 7.0 (США).

Помимо общепринятых нейро- и патопсихологических диагностических инструментов, нами предложена методика исследования пространственных представлений. В качестве стимульного материала выбраны кубики Никитина. Данный стимульный материал был использован для создания методики, с помощью которой можно оценить в полной мере пространственные представления. Методика состоит из пяти заданий (фигуры, изображенные на карточках, с помощью кубиков и блоков, которые нужно собрать с помощью соответствующего им стимульного материала).

В данном исследовании необходимо оценить статистическую значимость различий в полученных показателях между независимыми выборками при помощи параметрических и непараметрических статистических критериев, входящих в пакет программы Statistica 7.0. Использовались следующие критерии:

- t-критерий Стьюдента для независимых выборок, который позволяет прямо оценить различия в средних;
- U-критерий Манна–Уитни, основывающийся на максимальной разности между функциями распределения;

Результаты

Исследование пространственных представлений выявило грубые искажения пространственного восприятия в экспериментальной группе (испытуемые с расстройствами шизофренического спектра), что подтверждает выдвинутую гипотезу об особенностях искажения пространственных представлений по типу основных шизотипальных дисфункций. Имеются достоверные различия (при $p \leq 0,05$) между экспериментальной и контрольной группами. Важно отметить, что по мере усложнения заданий у испытуемых экспериментальной группы количество ошибок не увеличивалось. В группе контроля статистически значимые различия не обнаружены, но качественный анализ показал, что девушкам в большей степени присущи нарушения пространственных представлений (например, восприятия формы объекта).

Выявлены различия (как количественные, так и качественные) по полу в способах выполнения проб на пространственные представления.

Ретестовая надежность предложенной методики исследования пространственных представлений варьирует в диапазоне 0,58–0,89.

Диагностическая проба «Слепые часы» показала, что дети обеих групп не справляются с заданиями. Это можно трактовать как отсутствие упроченного в опыте современных школьников определения часов в «классическом» варианте (не электронном).

На основании результатов данной пробы диагностировать сформированность пространственных представлений современных школьников нецелесообразно.

Обсуждение и выводы

Нарушения пространственного восприятия при расстройствах шизофренического спектра выступают в виде выхолащивания, искажения образа объекта, повторения мелких деталей, расщепления, а также парадоксальности стратегии выполнения, их амбивалентности и других дисфункций, свойственных расстройствам круга шизофрении. Эти нарушения квалифицировались как особые негативные психопатологические проявления изменения мышления и восприятия при шизофрении.

Помимо отмеченных выше особенностей, встречались и дисфункции, «внешне» напоминающие типы нарушений межполушарного взаимодействия и корково-подкорковой регуляции. Следует отметить, что данного рода нарушения пространственных представлений свойственны лицам с органическими поражениями ЦНС в форме органической агнозии. Однако в рамках данного исследования лица с органическими поражениями мозга исключались из экспериментальной группы (в соответствии с предъявляемыми критериями). В то же время эти нарушения могли расцениваться как проявления шизофренической энцефалопатии (вследствие искажения citoархитектоники коры, глии и пр.), которая развивается в случаях хронического прогрессирующего ядерного шизофренического процесса [13].

Еще в первой половине XX в. С.И. Консторум с коллегами отмечал течение шизофрении с «мягким» шизофреническим процессом (вялотекущем, малопродвигательным), при котором у больных, образно говоря, «трясло» диэнцефальную область головного мозга [10]. Из анамнестических данных известно, что психопатологическая симптоматика обследованных носила функциональный характер (невротический или истерический) и не была стереотипной, как при органическом диэнцефальном синдроме.

По сути дела, описанные выше нарушения пространственных представлений носят эндогенный прогрессирующий диэнцефалоподобный характер и рассматриваются в рамках своеобразия негативных психопатологических проявлений мышления и восприятия при расстройствах шизофренического спектра.

Были выявлены количественные при $p \leq 0,05$ (t-критерий Стьюдента в средних значениях, U-критерий Манна – Уитни в по разности функций распределений) и качественные различия в способах выполнения проб на сформированность пространственных представлений. По способам решения задач у юношей отмечались более абстрактные и нестандартные решения, тогда как у девушек – более конкретные и фрагментарные стратегии выполнения.

Сопоставление группы больных шизофренией и больных с шизотипическими расстройствами показывает наличие схожих нарушений когнитивной сферы. Следует отметить, что в рамках шизотипических (непроцессуальных) расстройств существует возможность коррекции выполнения заданий с переводом мышления в более традиционные формы познания. Эти лица более обучаемы и восприимчивы к помощи по сравнению с больными процессуальными формами шизофрении.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что такая гетерогенная функция познавательного процесса, компонент, а то и фактор психической деятельности, как пространственные представления у лиц с расстройствами шизофренического спектра, связаны со степенью выраженности заболевания, т.е. нарушения носят нозологический характер отклонения психического здоровья.

Оценка сформированности пространственных представлений у лиц с шизотипическими особенностями выявила нарушения последовательности и логичности процесса мышления, специфические для расстройств шизофренического спектра. Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что пространственные представления в рамках шизоидных особенностей личности нарушаются по типу основных шизотипальных дисфункций (схизис, парадоксальность, персеверации, фрагментарность). Существенно, что имеются различия в способах решения задач, связанные с полом испытуемых.

Проведенное исследование показывает, что лица с шизотипическими расстройствами воспринимают свой предметный мир в известной мере парадоксально, у них имеется специфика образно-знаковых систем.

Данное исследование открывает возможность диагностировать нарушения в мыслительной сфере на ранних этапах психической патологии; таким образом, появляется возможность выявлять специфические дисфункции при психических расстройствах (в малопрогрессирующих, латентных формах).

Литература

1. *Ананьев Б.Г., Ломов Б.Ф.* Проблемы восприятия пространства и времени. Л. : АПН РСФСР, 1961. 197 с.
2. *Ананьев Б.Г., Рыбалко Е.Ф.* Особенности восприятия пространства у детей. М. : Просвещение, 1964. 303 с.
3. *Аристотель.* Физика // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 3.

4. *Блинникова И.В.* Роль зрительного опыта в развитии психических функций. М. : ИП РАН, 2003. 142 с.
5. *Величковский Б.М., Капица М.С.* Психологические проблемы изучения интеллекта // Интеллектуальные процессы и их моделирование. М. : Наука, 1987. С. 120–141.
6. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1975. Т. 2.
7. *Кант И.* Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. С. 229.
8. *Кант И.* Собрание сочинений. М. : Мысль, 1964. Т. 3.
9. *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Клиническая психиатрия : в 2 т. М. : Медицина, 1998.
10. *Консторум С.И., Окунева Э.Г., Барзак С.Ю.* Ипохондрическая форма шизофрении // Проблемы пограничной психиатрии / под ред. Т.А. Гейера. Москва ; Ленинград, 1935. С. 150–202.
11. *Лапин Е.А.* Пространственные репрезентации в деятельности человека : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1987. 23 с.
12. *Ньютон И.* Всеобщая арифметика, или Книга об арифметическом синтезе и анализе. М., 1948. 442 с.
13. *Снежневский А.В., Вартамян М.Е.* Структурно-функциональные соотношения в патогенезе шизофрении и их наследственная обусловленность. М., 1972.
14. *Спасский Б.И.* История физики. М. : Высшая школа, 1977. Т. 1. С. 135–137.
15. *Шемакин Ф.Н.* К психологии пространственных представлений // Уч. зап. Гос. ин-та психол. М., 1940. С. 197–256.
16. *Doniger G.M., Silipo G., Rabinowicz E., Snodgrass J.G., Javvitt D.C.* Impaired sensory processing as a basis for object recognition deficits in schizophrenia // *American Journal of Psychiatry*. 2002. № 158. P. 1818–1826.
17. *Piaget J., Inhelder B.* La representation de l'espace chez l'enfant. Presses universitaire de France. Paris, 1947.
18. *Wallon H.* Psychologie et education de l'enfance, numero special de l'enfance, recueil d'articles et conferences. Paris, 1959.

SPATIAL NOTIONS FORMEDNESS RATING AMONG SCHOOL AGE CHILDREN
WITHIN THE SCHIZOPHRENIC SPECTRUM DISORDERS

Ivanov M.V. (Moscow)

Summary. Spatial notions' formedness rating among school age children with schizophrenic spectrum disorders research results are analyzed in the article. Spatial notions' distortions exposed are specific for the persons with schizophrenic range disorders.

Key words: spatial notions; schizophrenic spectrum disorders.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159

БИОПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ПСИХИЧЕСКОГО ИНФАНТИЛИЗМА У ПОДРОСТКОВ

В.В. Грачев, Л.А. Попова, С.Н. Ениколопов (Москва)

Аннотация. Социальная значимость проблемы психического инфантилизма обусловлена высокой распространенностью психической незрелости среди подростков, что играет существенную роль в развитии социальной дезадаптации и девиантного поведения. К сожалению, понятие «инфантилизм» остается не в полной мере определенным; единого мнения о характере этого феномена при различных психических заболеваниях и механизме его формирования до сих пор нет. Изучение такого сложного феномена, проявляющегося в различных сферах психической деятельности и функциональных системах организма человека, требует междисциплинарных подходов.

Ключевые слова: подростки; инфантилизм; физиологическая и психическая незрелость; социальная дезадаптация.

Подростковый, отроческий возраст – переходная стадия между детством и взрослостью. Это возраст открытия своего Я, оформления личности и мировоззрения. Психологи, социологи и политологи сегодня говорят об инфантилизации общества. В развитых странах период подросткового возраста постепенно увеличивается и уже охватывает почти десятилетие – от 11 до 20 лет [17]. Социальная значимость проблемы психического инфантилизма обусловлена высокой распространенностью психической незрелости среди подростков и существенной ролью, которую психический инфантилизм играет в развитии социальной дезадаптации и девиантного поведения в этой возрастной категории [7, 37]. Несмотря на значимость психической зрелости для нормального функционирования человека и его психического здоровья, инфантилизм редко оказывается в центре внимания исследователей, проблема психического инфантилизма остается недостаточно изученной психологами и психиатрами.

Термин «инфантилизм» в психиатрическую практику ввел французский невролог Е. Ласег в 1864 г. Инфантильными он называл лиц, которые остаются детьми на всю жизнь. В современной отечественной психиатрической литературе инфантилизм понимается как патологическое состояние, характеризующееся задержкой физического и (или) психического развития с сохранением черт, присущих детскому или подростковому возрасту. Термином «психический инфантилизм» обо-

значают личностную незрелость с отставанием преимущественно эмоционально-волевых свойств [5, 10, 19]. С психологической точки зрения инфантилизм – это регрессия в эволюции организма, физическое и психическое недоразвитие [24].

Для описания феноменологии инфантилизма обратимся к различным литературным источникам. Рассмотрим физиологические особенности детей и подростков с чертами инфантилизма. Многие авторы отмечают недостаточность развития физиологических структур в организме инфантильных подростков: недоразвитие в росте (сохраняются детские пропорции тела), недостаточно сформированные первичные, а следовательно, и вторичные половые признаки. Такая «инфантильная» конституция может быть результатом негрубых, в большей степени обменно-трофических заболеваний, которые подросток перенес на ранних этапах развития [10]. По мнению Лорена и Ласега, инфантильности облика часто соответствуют инфантильный тип телосложения, детская пластичность мимики и моторики [11].

Психологический взгляд на недостаточность в развитии телесных функций говорит о психосоматическом дизонтогенезе по типу задержки телесного развития, выражающегося более поздним, по сравнению с общенормативными сроками, формированием культурных навыков отправления и регуляции телесных потребностей. У таких подростков часто отмечается задержка психосексуального развития в виде несформированности полоролевой идентификации, неумении позиционировать себя перед сверстниками противоположного пола [15].

Кроме недостаточности развития физиологических функций и задержки психосоматического развития, необходимо обратить внимание на когнитивные особенности подростков с органическим инфантилизмом. У них отмечаются недостаточность произвольного внимания, непосредственного запоминания, в мышлении – недостаточность развития уровня обобщения и абстрагирования [11].

Немаловажная роль при рассмотрении феноменологии инфантильных черт принадлежит личностной структуре. Для описания феноменов в исторической интраспективе следует вернуться к вопросу о формировании личности. В психоаналитических моделях формирование личности зависит от правильности и своевременности прохождения этапов развития. Нарушение хода развития может привести к инфантильности в сексуальной и других сферах жизни человека [1, 2, 33]. В отечественной психологии подчеркивается, что формирование личности есть особый процесс формирования новых мотивов и потребностей, их преобразование, соподчинение. Эти новые потребности и мотивы, их иерархия возникают как результат не усвоения их, а переживания или проживания. Выстраивание иерархии мотивов начинается в раннем детстве и продолжается в подростковом возрасте. Этот процесс всегда эмоционально насыщен и является субъективно творческим

[12]. При инфантилизме в мотивационно-потребностной сфере отмечается недостаточность развития структуры иерархии мотивов: преобладают мотивы и потребности, свойственные более раннему возрасту (желание играть и развлекаться, празднично проводить время) [11]. В личностной сфере отмечаются слабость личностной направленности и личностных установок, недостаточность самосознания, саморегуляции, рефлексии, самооценки [6]. У подростков с инфантильными чертами преобладают простые психологические защиты и пассивные копинг-стратегии [16, 20].

Наряду с личностной незрелостью у подростков с инфантилизмом отмечается недостаточность эмоциональных проявлений. Становится актуальным описание эмоциональной сферы через понятие эмоционального интеллекта (англ. *emotional intelligence*), который отражает идею единства аффективных и интеллектуальных процессов [26, 34, 35]. В отечественной психологии идея единства аффекта и интеллекта изначально нашла отражение в трудах Л.С. Выготского, который пришёл к выводу о существовании динамической смысловой системы, представляющей собой единство аффективных и интеллектуальных процессов [2]. В соответствии с подходом к пониманию эмоций как особому типу знания и интеллекту как совокупности взаимосвязанных друг с другом умственных способностей понятие «эмоциональный интеллект» можно охарактеризовать как совокупность ментальных способностей к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей и к управлению эмоциональной сферой. Структура эмоционального интеллекта определяется умением понимать, различать, выражать эмоции, осознанно их регулировать, использовать в мыслительной активности [27–29, 34, 35]. Недостаток одного из этих компонентов может привести к низкому уровню эмоционального интеллекта. У подростков с инфантильностью есть затруднения в выражении и регуляции эмоций [11, 40], а значит, уровень развития эмоционального интеллекта недостаточен.

В настоящее время эмоциональный интеллект рассматривают как подструктуру социального, которая включает способность наблюдать собственные эмоции и эмоции других людей, различать их и использовать эту информацию для управления мышлением и действиями. Эмоциональный интеллект является предпосылкой просоциального и иного позитивного поведения. Его развитие оптимизирует межличностные взаимодействия. Эмоциональный интеллект позитивно коррелирует с эмоциональным благополучием человека и отрицательно – с агрессивным поведением, жестокостью, употреблением наркотиков, курением, асоциальным поведением [5, 13, 21, 30, 31]. Асоциальная направленность подростков с чертами инфантилизма может быть опосредована недостаточностью эмоционального интеллекта. Защитными реакциями могут быть не только асоциальные поступки, но и вторичные симбиозы.

тические отношения с ближайшим взрослым, которому подростки перепоручают ответственность за свое поведение, отстраняясь от зрелого социального взаимодействия. Такие подростки не берут на себя ответственность за свои поступки [14, 18, 23].

Все вышеперечисленные особенности связаны в той или иной степени с работой различных мозговых структур. В нейропсихологии известны синдромы, при которых происходит нарушение эмоций. Нарушения эмоционально-личностной сферы наблюдаются при поражении лобных долей, височных долей, гипофизарно-гипоталамической или диэнцефальной области мозга [3, 4, 22]. С лобными долями связывают социальную зрелость: моральное развитие, эффективное совладание с дистрессом. При поражении правого полушария эмоциональные нарушения встречаются чаще. У правополушарных больных наблюдаются лабильность эмоциональной сферы, неспособность к контролю эмоциональных реакций, непонимание эмоционального смысла ситуации. Правое полушарие более чувствительно к восприятию отрицательных переживаний, а левое – положительных [9]. Эмоциональные нарушения наиболее выражены при поражении медиобазальных отделов, особенно в правом полушарии, и распространяются на все типы эмоциональных явлений (эмоциональный фон, реагирование, эмоционально-личностные качества). При этом характерны ограничения объема эмоционального реагирования, исчезновение дифференцированности, адекватности эмоций, отсутствие переживания болезни, уплощение эмоциональной сферы, эйфория, нескритичность, дурашливость на фоне общего расторможения, злобность и агрессивность до «гневливой мании». При поражении левого полушария больше страдает когнитивная оценка эмоций. Следствием поражения базальных и медиальных отделов височной коры являются эмоциональные расстройства, которые занимают ведущее место в картине заболевания и представлены следующими видами:

1) чрезмерное усиление аффекта (приступы ярости, страха, тревоги) с выраженными висцеро-вегетативными нарушениями (правое полушарие);

2) резкое снижение аффективного тонуса (депрессия, ажитированная депрессия, ипохондрия) (левое полушарие).

В последнем случае у больных сохраняются критичность и личностный уровень эмоциональной сферы, в отдельных случаях возможны изменения личности по типу эпилептоидных. При деструкции миндалевидного ядерного комплекса уменьшаются или полностью исчезают агрессивность и пароксизмальные аффективные состояния. Для нарушения гипофизарно-диэнцефальной области характерны нестабильность, эмоциональная реактивность, «гипофизарная деменция» (возбуждение, эйфория, агрессивность). Однако в целом остаются сохраненными критика к состоянию и личностная сфера [3, 4]. Кроме того,

указанные нарушения часто сопровождаются эндокринной патологией, отклонениями неспецифических активационных процессов (возбуждение, бессонница) или, наоборот, вегетативной симптоматикой. При поражении задних отделов коры отмечаются различия в поражении правого и левого полушарий. Массивные сосудистые поражения правого полушария сопровождаются беспечностью, благодушием, эйфорией, а при поражении левого полушария наблюдаются сдвиги в сторону депрессии. Недостаточность когнитивных процессов может быть связана с работой тех или иных мозговых структур в разной степени, но особенно она выражена при поражении лобных отделов [4, 22].

Можно говорить, что проявления инфантилизма встречаются в разнообразных сферах жизнедеятельности человека: физиологических, когнитивных, эмоционально-личностных, социальных. Сегодня единого мнения о структуре этого феномена при различных заболеваниях и механизме его формирования не выявлено. Мы можем говорить об инфантилизме как симптоме неблагополучия. Не ясно, почему при одних нарушениях (например, задержка психического развития конституционального характера) больше выражена недостаточность развития физиологических структур [10, 11], а при шизофрении, личностных расстройствах, психосоматических заболеваниях, посттравматических расстройствах более ярко выступает несформированность эмоционально-личностной сферы [6, 7, 19]. Кроме того, при различного рода заболеваниях, как психических, так и соматических, часто проявляется нарушение социализации в сторону асоциальности [5, 13, 21, 32] и в сторону построения симбиотических отношений с ближайшим взрослым и последующей психологической инвалидизацией [14, 18, 23].

Проблему механизма формирования инфантилизма как симптома неблагополучия можно рассматривать через призму исследования взаимосвязи инфантильных черт с психическими и соматическими расстройствами. Важным следует считать выявление первичности в этом взаимовлиянии: инфантильные черты как следствие какой-либо патологии или как один из предикторов, факторов почвы различных психических и психосоматических нарушений. В пользу точки зрения о формировании инфантилизма в результате патологического процесса говорят зарубежные исследования аутизма и шизофрении [36, 38, 39]. В подтверждение возможного влияния инфантильных черт на клиническую картину может служить феномен алекситимии. Недостаточность рефлексии приводит к несформированности самосознания как одной из подструктур эмоционального интеллекта. В свою очередь слабость самосознания выступает предпосылкой формирования психосоматической патологии, а значит, алекситимия является предиктором психосоматических расстройств. Однако алекситимические черты встречаются при соматических и психических заболеваниях, следовательно, могут являться предпосылкой и некоторых психических рас-

стройств [9, 14]. Так как есть данные о взаимовлиянии патологии и инфантилизма, первично можно отметить недостаточность физиологического, эмоционально-личностного, когнитивного или социального развития по типу задержки психического развития. Это является одним из предикторов последующего возникновения психического или психосоматического расстройства. Если подросток заболевает, то может ухудшаться физиологическое функционирование, возможны также социальная дезадаптация и эмоционально-личностные изменения по типу инфантилизации.

При проведении исследования, проверяющего эту гипотезу, авторы выделили несколько аспектов. Первый из них касается выявления степени выраженности феноменов инфантилизма при различных психических заболеваниях; второй – исследование механизма формирования: подтверждение или опровержение нашей гипотезы. Указанные вопросы могут быть решены в ходе комплексного медико-психолого-социального исследования.

Достижение цели по дифференциации черт инфантилизма при различных психических заболеваниях возможно при проведении исследования на нескольких нозологических группах.

В выявлении факторов причастных к недостаточности социального, физиологического, когнитивного и эмоционально-личностного развития, существенное место занимает анализ анамнестических данных.

Другим значимым моментом является изучение структуры инфантилизма на момент обращения подростков в медицинский стационар или при амбулаторном обследовании.

Уже первоначальный медицинский осмотр позволяет определить особенности физического развития подростков – наличие или отсутствие в отставании роста-весовых показателей в биологическом развитии. Первостепенное значение для качественного и количественного анализа функционального состояния головного мозга имеет электроэнцефалографическое исследование. Суммарная фоновая электроэнцефалограмма коры и подкорковых образований мозга человека варьирует в зависимости от уровня филогенетического развития и отражает цитоархитектонические и функциональные особенности структур мозга. Дополнительные данные для оценки функционального состояния мозга могут быть получены в ходе проведения нейропсихологического исследования с применением стандартных нейропсихологических проб, разработанных А.Р. Лурия.

Исследование психического развития подростков подразумевает определение степени зрелости в различных сферах функционирования: когнитивной, личностной и эмоциональной.

Анализ когнитивных особенностей можно осуществлять на основе результатов многочисленных тестов отечественной и зарубежной психологии. Мы рекомендуем использование 8 наиболее распростра-

ненных и эффективных методик: для исследования внимания – метод «отыскивания чисел» (таблицы Шульте) и «методика Струпа»; особенности мнестической функции можно оценивать с разных сторон: слухоречевое («запоминание 10 слов») и зрительное («запоминание 6 фигур») непосредственное запоминание, опосредованное запоминание (метод «пиктограммы»); мыслительный процесс и общие интеллектуальные показатели оценивают классическими психологическими методами: «исключение предметов», «сравнение понятий», «понимание пословиц».

Для оценки личностной сферы желательно использовать как проективные, так и тестовые методики. При количественном описании личностных особенностей перспективным может оказаться тест Клониджера, который дает возможность выявить врожденные особенности темперамента и социально обусловленные черты характера. Для качественного исследования личностных особенностей возможно использование двух классических проективных методик: «рисунок несуществующего животного» и «рисунок человека». Эти тесты эффективны и для выявления качества защитных механизмов. Определение копинг-стратегий можно осуществить с помощью опросника «Копинг-стратегии в критических жизненных ситуациях».

Описание особенностей эмоциональной сферы возможно по результатам опросников, направленных на выявление характерных черт эмоционального интеллекта.

Использование приведенных выше методов позволяет произвести комплексную оценку функционирования подростка в различных сферах жизни, степень его психической и физиологической незрелости. Это важно для выработки эффективных медико-психолого-социальных подходов к адаптации инфантильных подростков с психическими расстройствами к сложным условиям межличностного и социально обусловленного взаимодействия.

Литература

1. Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Клиническая патопсихология: руководство для врачей и клинических психологов. М. : Изд-во МПСИ, 2006. 624 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. М. : Эксмо, 2006. 1136 с.
3. Голдберг Э. Управляющий мозг: лобные доли, лидерство и цивилизация. М. : Смысл, 2003. С. 190–214.
4. Доброхотова Т.А. Эмоциональная патология при очаговом поражении головного мозга // Хрестоматия по нейропсихологии / под ред. Е.Д. Хомской. М. : Изд-во МПСИ, 2004. С. 640–642.
5. Житловский В.Е. Нарушения поведения при пограничных нервно-психических состояниях у подростков с явлениями психического инфантилизма // Материалы международного симпозиума детских психиатров социалистических стран. Раздел У, № 11. М., 1986. С. 47–48.
6. Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. М. : Изд-во МГУ, 2006. 159 с.

7. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста. М. : Медицина, 1979. 159 с.
8. Корсакова Н.К., Московичюте Л.И. Клиническая нейропсихология. М. : Академия, 2003. 144 с.
9. Коростелева И.С., Ротенберг В.С. Проблема алекситимии в контексте поведенческих концепций психосоматических расстройств // Телесность человека: междисциплинарные исследования. М. : Изд-во МГУ, 1991. С. 136–143.
10. Лебединская К.С. Задержка психического развития // Детская патопсихология : хрестоматия. М. : Когито-центр, 2004. С. 50–63.
11. Лебединский В.В. Нарушения психического развития. М. : Академия, 2006. 144 с.
12. Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: ранние работы / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М. : Смысл, 2003. 439 с.
13. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения : пособие для вузов. СПб. : Речь, 2008. С. 70–155.
14. Николаева В.В. О психологической природе алекситимии // Телесность человека: междисциплинарные исследования. М. : Изд-во МГУ, 1991. С. 80–88.
15. Николаева В.В., Арина Г.А. От традиционной психосоматики к психологии телесности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. № 2. С. 8–17.
16. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. СПб. : Речь, 2006. 352 с.
17. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М. : Тривола, 1998. 351 с.
18. Олифирович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. СПб. : Речь, 2008. С. 69–74.
19. Снежневский А.В. Общая психопатология. М. : МедПресс, 2001. 208 с.
20. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М. : Педагогика, 1993. 144 с.
21. Фурманов И.А. Психология детей с нарушениями поведения: пособие для психологов и педагогов. М. : Владос, 2004. С. 17–120.
22. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Нейропсихологический подход к изучению эмоциональных нарушений // Хрестоматия по нейропсихологии / под ред. Е.Д. Хомской. М. : Изд-во МПСИ, 2004. С. 643–653.
23. Шнайдер А.Б. Основы семейной психологии. М. : Изд-во МПСИ, 2003. 928 с.
24. Юрчук В.В. Словарь по психологии. Минск : Элайда, 2000. С. 213.
25. Abraham K. The influence of oral erotism on character formation in selected papers on psycho-analysis. N.Y. : Basic Books, 1953. P. 393–406.
26. Aguirre F., Sergi M.J., Levy C.A. Emotional intelligence and social functioning in persons with schizotypy // Schizophrenia research. 2008. Vol. 104. P. 255–264.
27. Barrett L.F., Bliss-Moreau E., Duncan S.L. et al. The amygdale and the experience of affect // Social, cognitive and affective neuroscience. 2007. Vol. 2. P. 73–83.
28. Barrett L.F., Wager T.D. The structure of emotion: Evidence from the neuroimaging of emotion // Current Directions in Psychological Science. 2006. Vol. 15. P. 79–85.
29. Blair K.S., Smith B.W., Mitchell D.G.V. et al. Modulation of emotion by cognition and cognition by emotion // Neuroimage. 2007. Vol. 35(1). P. 430–440.
30. Ehrenreich J.T., Fairholme C.P., Buzzella B.A. et al. The role of emotion in psychological therapy // Clinical psychology. N.Y., 2007. Vol. 14(4). P. 422–428.
31. Eisenberg N., Cumberland A., Spinrad T.L. Parental socialization of emotion // Psychological inquiry. 1998. Vol. 9(4). P. 241–273.
32. Ivanova M.Y., Israel A.C. Family stability as a protective factor against psychopathology for urban children receiving psychological services // Journal of clinical child and adolescent psychology. Mahwah, 2006. Vol. 35, iss. 4. P. 564.
33. Klein M. On observing the behaviour of young infants. London : Hogarth, 1975. Vol. 3. P. 94–121.

34. Mayer J.D. A Field Guide to Emotional Intelligence // Emotional intelligence and every day life / eds. by J. Ciarrochi, J.P. Forgas, J.D. Mayer. N.Y. : Psychology Press, 2001. P. 3–24.
35. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. Models of emotional intelligence // The handbook of intelligence / ed. by R.J. Sternberg. N.Y. : Cambridge University Press, 2000. P. 396–420.
36. Phillips L.K., Seidman L.J. Emotion processing in persons at risk for schizophrenia // Schizophrenia bulletin. 2008. Vol. 34(5). P. 888–903.
37. Popov I. Autonomic infantilism // Med pregl. 1989. Vol. 42(1–2). P. 41–44.
38. Prakash V., Chandy S. Meerabai, Manoranjitham S. Infantile autism // Nursing journal of India. 2007. Vol. 98(12). P. 269–270.
39. Rechinberg A., Weizar M., Rapp M.A. et al. Premorbid intra-individual variability in intellectual performance and risk for schizophrenia: a population-based study // Schizophrenia research. 2006. Vol. 85. P. 49–57.
40. Waldinger R.J., Hauser S.T., Schulz M.S. et al. Reading others' emotions: the role of intuitive judgments in predicting marital satisfaction, quality, and stability // Journal of family therapy. 2004. Vol. 18(1). P. 58–71.

BIOPSYCHOSOCIAL APPROACH TO A PROBLEM OF TEENAGER MENTAL INFANTILISM

Gratchev V.V., Popova L.A., Enikolopov S.N. (Moscow)

Summary. Social concernment of mental infantilism is caused by prevalence of teenagers' psychical immaturity. It can reduce to social disadaptation increase and deviation of behavior. In spite of numerous investigations concept of «infantilism» is not well-defined. Consensus of opinion about this phenomenon is absent. Character of psychical immaturity by different psychical diseases and forming mechanism didn't be investigated yet. It needs to receive the study by interdisciplinary approach.

Key words: adolescents; infantilism, physiological and mental immaturity; social disadaptation.

ИЗУЧЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ

Е.В. Лола (Иркутск)

Аннотация. Анализируется картина мира интеллектуально одаренных учащихся. Констатируются различия картины мира интеллектуально одаренных и нормативных учащихся.

Ключевые слова: интеллектуальная одаренность; картина мира; одаренные учащиеся.

Изучение картины мира интеллектуально одаренного ребенка позволяет реализовать целостный, системный подход к его психологическим особенностям, добавляет новое важное «измерение» в методологическом осмыслении одаренности и открывает новые практические возможности. Вопросы адаптации личности к социальной действительности, ее оптимальной интегрированности, психологического обеспечения процессов обучения, проектирования деятельности, регуляции поведения необходимо решать, в том числе и в контексте картины мира человека.

В отечественной психологии изучению картины мира как особой психологической реальности посвящен целый ряд исследований [1–5, 7–10, 12].

Представление о мире является основой психической жизни и предметной деятельности субъекта: человек моделирует действительность, образы самого себя, других людей, социальных систем и др. В результате моделирования создается картина мира, включающая научные знания, житейский опыт субъекта, жизненные ценности культуры, к которой он принадлежит, и личностные смыслы самого субъекта, которые индивидуализируют его мировосприятие [9]. Картина мира синтезирует все образы и понятия, о которых у человека есть какие-либо представления. Эта многослойная конструкция является основой мировосприятия человека.

В.Д. Шадриков справедливо отмечает, что внешний мир во внутреннем пространстве разных субъектов представлен не тождественно [13]. Репрезентация внешнего мира наделена личностным смыслом и переживаниями. Конечная цель отражения различных сторон объективного мира состоит в формировании единой картины мира у человека. Репрезентация внешнего мира не ограничивается ощущениями и восприятиями. Содержание картины мира связано с потребностями человека и насыщено личностными смыслами и переживаниями, а также может включать в себя различные виды деятельности, быть представлена в знаниях и символах, имеющих различные смыслы и эмоциональное содержание, различное словесное описание.

В течение последних десятилетий интерес к интеллектуально одаренным детям ощутимо возрос как в нашей стране, так и за рубежом. Бесспорно, что реализация творческого потенциала одаренной личности – залог благополучия и благосостояния государства.

Цель данного исследования состояла в выявлении особенностей картины мира интеллектуально одаренных учащихся. Исследование проводилось на базе муниципальных образовательных учреждений «Лицей Иркутского государственного университета» и «Гимназия № 44 г. Иркутска». Использовались комплексная программа идентификации интеллектуально одаренных учащихся; различные источники информации об одаренных детях (экспертные оценки учителей и родителей, наблюдение, беседа, анализ реальных достижений учащихся в различных предметных олимпиадах, конференциях, творческих конкурсах); валидные методы психодиагностики.

На первом этапе было организовано диагностическое обследование с применением теста интеллекта Р. Кеттелла. По результатам исследования были отобраны учащиеся с коэффициентом интеллекта от 120 IQ. На втором этапе эти респонденты участвовали в комплексном психологическом обследовании с применением модифицированного варианта набора креативных тестов Ф. Вильямса; оценивались реальные их достижения – победы на различных интеллектуальных конкурсах и олимпиадах. На третьем этапе, опираясь на положения, представленные в «Рабочей концепции одаренности» [11], из контингента интеллектуально одаренных учащихся были сформированы две группы: учащиеся с явной формой одаренности (I группа) и учащиеся со скрытой формой одаренности (II группа). Кроме того, была сформирована III группа, в которую вошли обычные учащиеся.

Для изучения особенностей картины мира интеллектуально одаренных учащихся была применена разработанная в соавт. с Т.А. Климонтовой графическая методика [6]. В таблице представлены данные, отражающие различия в содержании картины мира у учащихся с явной и скрытой формой интеллектуальной одаренности личности, а также обычных детей.

	Параметр	Средние значения в группе			Н	Р
		I	II	III		
1	Абстрактные понятия	2,448	4,055	3,406	6,865	0,03
2	Взаимобратные связи	13,758	6,861	7,187	8,115	0,017
3	Прямые связи	1,206	6,472	5,03	10,029	0,007

Примечание. Н – значение критерия Крускала–Уоллиса; р – вероятность допустимой ошибки.

Статистически достоверными (Н = 6,865 при р = 0,03) являются различия по количеству выделенных учащимися разных групп абстрактных понятий, при этом анализ средних значений позволяет говорить о том, что испытуемые со скрытой формой одаренности выделя-

ют больше абстрактных понятий в сравнении с испытуемыми, имеющими явную форму одаренности, и среднеинтеллектуальными детьми.

Обращают на себя внимание различия, установленные по количеству взаимобратных связей между объектами картины мира у испытуемых. Принимая во внимание среднестатистические значения и установленные достоверные различия, можно констатировать, что интеллектуально одаренные учащиеся, выделяя большее количество связей между объектами картины мира, осознают: окружающая действительность сложна и многомерна, мир обладает свойствами системы, где все явления находятся по отношению к друг другу если не в прямой, то в опосредованной зависимости. В доказательство можно привести комментарий одной испытуемой из группы интеллектуально одаренных учащихся, которая, работая с методикой, сказала, что если все объекты связаны между собой в мире, то объект «я» связан со всеми ними опосредованно.

Обсуждаемый факт согласуется с различиями, выявленными по параметру «прямые связи». Анализ среднестатистических значений позволяет утверждать, что наименьшее количество связей такого рода между объектами наблюдается в группе интеллектуально одаренных с явной формой, в отличие от испытуемых других выделенных групп. Это говорит о том, что учащиеся с явной интеллектуальной одаренностью осознавая сопряженность явлений и событий мира не используют односторонние связи для отражения существующих между объектами отношений, в отличие от обычных учащихся и учащихся со скрытой формой одаренности, в картине мира которых преобладают односторонние связи.

Картина мира респондентов I группы имеет более целостный характер – все взаимосвязано, но все отдельно и четко обозначено. При этом можно говорить о большей вариативности объектов – они взаимно связаны друг с другом и обуславливают, обогащают друг друга. Актуализация одного из объектов картины мира неизбежно влечет за собой актуализацию взаимосвязанных с ним в той или иной степени объектов. Высокая степень ассоциативности есть следствие преимущественного наличия взаимобратных связей. При этом категоризация – необходимое условие для четкого восприятия носителя такой обогащенной картины мира. Сталкиваясь с реальной действительностью, респонденты I группы соприкасаются с ней не только той стороной своего внутреннего мира, которая необходима в данный момент для решения насущных задач; благодаря взаимосвязям между объектами картины мира актуализируются все объекты внутренней модели мира. Картина мира интеллектуально одаренных учащихся с явной формой одаренности в большей степени вариативна – объекты взаимосвязаны и четко классифицированы.

Картина мира респондентов II группы имеет более абстрактный, разрозненный характер. Объекты меньше дифференцированы. Больше

сил и времени они затрачивают на обработку поступающей из окружающего мира информации. Можно предположить, что испытуемые оценивают картину мира как набор абстрактных объектов, не связанных друг с другом или связанных напрямую – линейно. Картина мира имеет фрагментарный характер, т.е. признаки калейдоскопичности.

Данное исследование подтвердило гипотезу о том, что существуют особенности картины мира интеллектуально одаренных учащихся в сравнении со среденеинтеллектуальными. Полученные результаты изначально имели практическую направленность и легли в основу разработки и апробации программы по развитию картины мира одаренных учащихся.

Литература

1. *Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М., 1999. 350 с.
2. *Берулава Г.А.* Образ мира как мифологический символ. М. : Педагогическое общество России, 2001. 46 с.
3. *Величковский Б.М.* Образ мира как гетерархия систем отсчета // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. статей памяти А.Н. Леонтьева / под ред. А.В. Запорожца. М., 1983. С. 155–162.
4. *Зинченко В.П.* Миры и структура сознания // *Вопр. психол.* 1991. № 2. С. 15–36.
5. *Климов Е.А.* Конфликтующие реальности в работе с людьми. Воронеж : МОДЭК, 2001. 192 с.
6. *Климонтова Т.А., Лола Е.В.* Графическая методика изучения картины мира одаренных учащихся // *Психология детской одаренности и творческих способностей.* Иркутск : ВСАГАО, 2009. Ч. 2. С. 86–93.
7. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // *Избранные психологические произведения* : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.
8. *Мухина В.С.* Картина мира: индивидуальные различия // *Феноменология развития и бытия личности* : избр. психол. тр. Москва ; Воронеж: МОДЭК, 1999. 562 с.
9. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005. 480 с.
10. *Петухов В.В.* Образ мира и психологическое изучение мышления // *Вестн. Мос. ун-та. Сер. 14. Психология.* 1984. № 21. С. 13–21.
11. *Рабочая концепция одаренности* / под ред. Д.Б. Богоявленской. М. : Магистр, 1998. 68 с.
12. *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // *Вестн. Мос. ун-та.* 1981. Сер. 14. № 3. С. 15–29.
13. *Шадриков В.Н.* Мир внутренней жизни человека. М. : Университетская книга, Логос, 2006. 392 с.

THE STUDY OF THE PICTURE OF THE WORLD INTELLECTUALLY GIFTED STUDENTS

Lola E.V. (Irkutsk)

Summary. The Article is devoted to studying the picture of the world intellectually gifted students. Acknowledges the differences picture of the world intellectually gifted and regulatory students.

Key words: intellectual talent; the picture of the world; gifted students.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫМИ ПОДРОСТКАМИ

И.А. Шишкина (Иркутск)

Аннотация. Анализируется специфика восприятия людей интеллектуально одаренной личностью в подростковом возрасте. Автором рассматривается восприятие других людей в контексте самоотношения субъекта. Констатируются различия восприятия людей одаренными подростками и подростками со средним уровнем интеллекта.

Ключевые слова: интеллектуальная одаренность; восприятие другого человека; самоотношение.

Проблемы интеллектуальной одаренности, психологических особенностей одаренных, их отличий от других людей, а также способов и условий организации образовательного пространства для одаренных учащихся обсуждаются в настоящее время в психологии достаточно часто. Одаренные подростки обладают высоким интеллектуальным потенциалом, особым складом мышления, креативностью, высокими достижениями в учебной или специальной деятельности. В то же время их характеризует неравномерность развития различных сфер личности, узким кругом социальных контактов, эмоциональной незрелостью. В подростковом возрасте происходит перестройка самосознания личности, на основе соотнесения себя с другим человеком подросток начинает строить собственное представление о себе, формируются собственные критерии самооценки. Однако одаренные подростки отстают зачастую в эмоциональном развитии и оказываются некомпетентными в сфере социальных отношений в первую очередь со сверстниками, они пытаются компенсировать это отставание преимуществами в интеллектуальной сфере [4]. Среди факторов успешного общения выделим особенности восприятия другого человека.

Восприятие другого человека представляет собой восприятие физических и поведенческих характеристик объекта, формирование представления о его намерениях, мыслях, способностях, эмоциях, установках и т.д. По мнению А.А. Бодалева [1], В.А. Барабанщикова [2], восприятие другого человека – это взаимопроникновение партнеров по общению друг в друга, которое охватывает индивидуально-психологические, эмоциональные, этнические, гендерные и другие характеристики. На основе этой информации коммуниканты строят свое поведение относительно партнера по общению.

Познание и взаимодействие с другими людьми строятся на основе характера развития самоотношения личности одаренных учащихся.

ся. В процессе восприятия другого человека всегда присутствует сознание, которое оказывает влияние на формирование того или иного отношения к нему. По мнению В.В. Столина [3], самоотношение личности и восприятие другого человека взаимосвязаны и имеют общую точку соприкосновения. В самоотношении проявляется его эмоционально-оценочное отношение к другим людям. Восприятие другого происходит через призму отношения к себе.

Недостаточный объем научно обоснованных, эмпирических данных о специфике развития самоотношения одаренной личности, специфике восприятия ею других людей, с одной стороны, и потребность практиков в научно обоснованных рекомендациях по работе с одаренными детьми – с другой, и определило цель нашего исследования. Нами был использован комплекс методик: авторская методика «Восприятие другого» [5]; тест-опросник самоотношения В.В. Столина и Р.С. Пантеева; «Культурно-свободный тест интеллекта» Р. Кеттелла.

Исследование проводилось на базе Лицея-интерната № 1 г. Иркутска, специализирующегося на обучении одаренных учащихся. Выборку составили 50 подростков в возрасте 14–17 лет. Группа испытуемых была разделена на одаренных подростков (50%) и подростков со средним уровнем интеллекта (50%). Идентификация одаренных испытуемых проводилась на основе результатов диагностики уровня интеллекта, анализа реальных достижений и наблюдения. В группу одаренных вошли испытуемые с уровнем интеллекта от 120 и выше, имеющие высокие достижения в учебе, а группу испытуемых со средним уровнем интеллекта составили подростки с IQ 90-110, имеющие средние достижения в учебе.

Остановимся на интерпретации основных результатов исследования. На первом этапе мы изучали особенности восприятия другого человека и самоотношения личности респондентов. Исследования показали, что незнакомый человек вызывает у одаренных подростков недоверие, безразличен для них, превосходит их по каким-либо параметрам, в то же время имеет больше достоинств и может быть приятен для окружающих людей. Результаты исследования самоотношения свидетельствуют о том, что для большинства одаренных подростков характерно общее недифференцированное позитивное принятие себя, уважение и интерес к собственной личности, своим действиям и мыслям; высокая степень уверенности в собственных силах и способностях.

Подростки со средним уровнем интеллекта чаще одаренных видят в другом человеке больше достоинств. Вместе с тем они воспринимают другого человека неоднозначно, наряду с доверием проявляют недоверие к нему. Подростки данной группы, воспринимающие другого человека с симпатией, считают, что он может превосходить их по другим параметрам и быть приятным для других людей. Испытуемые со средним уровнем интеллекта проявляют высокое принятие, пони-

мание, уважение к собственной личности, интерес к своему внутреннему миру, своей личности, действиям и мыслям, уверенность в своих силах и способностях управлять событиями собственной жизни.

Далее исследование предполагало выявление взаимосвязи восприятия другого человека с самооценкой личности в группе одаренных испытуемых и испытуемых со средним уровнем интеллекта. Соотнесение параметров восприятия другого человека и самооценки с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена показало, что между исследуемыми параметрами существует достоверная связь. В группе одаренных связь между параметрами восприятия и самооценки имеет сложный характер (рис. 1). Многие параметры восприятия у одаренных испытуемых связаны более чем с одним параметром самооценки. Можно сказать, что одаренные подростки имеют многоаспектную сложную структуру взаимосвязей с восприятием другого человека, при этом особое значение для положительного восприятия имеет личность испытуемых, их самооценка.

Имея высокий уровень по интегральной шкале, одаренные подростки при восприятии доверяют другому человеку ($r = -0,54$; $p = 0,007$) и в сравнении с собой считают его физически сильнее ($r = -0,47$; $p = 0,021$). Низкие показатели шкал «Самоуважение» ($r = -0,48$; $p = 0,018$), «Аутосимпатия» ($r = -0,48$; $p = 0,018$), «Ожидание положительного отношения других» ($r = -0,48$; $p = 0,018$) и «Самопонимание» ($r = -0,43$; $p = 0,036$) соотносятся с восприятием одаренными подростками в другом человеке преимущественно недостатков. Высокие значения по шкале «Самоинтерес» в группе одаренных подростков опосредуют безразличное отношение к другим ($r = 0,57$; $p = 0,004$), которые в то же время обладают достоинствами ($r = 0,44$; $p = 0,034$), превосходят испытуемых по каким-либо другим параметрам ($r = 0,51$; $p = 0,011$) и могут быть приятными для окружающих людей ($r = -0,41$; $p = 0,05$).

Высокий уровень самопонимания также связан с восприятием одаренными подростками в другом человеке большего числа достоинств ($r = 0,52$; $p = 0,011$) и представлении о нем как о приятном для других людей ($r = 0,47$; $p = 0,023$). Низкий уровень шкалы «Ожидаемое отношение других» опосредует восприятие другого человека физически более привлекательным, чем испытуемые ($r = -0,44$; $p = 0,033$). Высокий уровень по шкале «Самопоследовательность» способствует восприятию другого человека как симпатичного ($r = 0,50$; $p = 0,013$), приятного для окружающих ($r = 0,42$; $p = 0,042$), превосходящего испытуемых по другим параметрам ($r = 0,43$; $p = 0,039$). Восприятие другого человека как несимпатичного ($r = 0,41$; $p = 0,048$) и превосходящего одаренных подростков по физической привлекательности ($r = 0,44$; $p = 0,032$) соотносится с высоким уровнем по шкале «Самообвинение». Низкий уровень интереса одаренных подростков к себе ($r = -0,41$; $p = 0,046$) опосредует восприятие другого человека неприятным для

окружающих. Чем чаще одаренные подростки проявляют интерес, принятие себя и своей личности, тем чаще незнакомого человека они воспринимают позитивно, видят в нем положительные стороны.

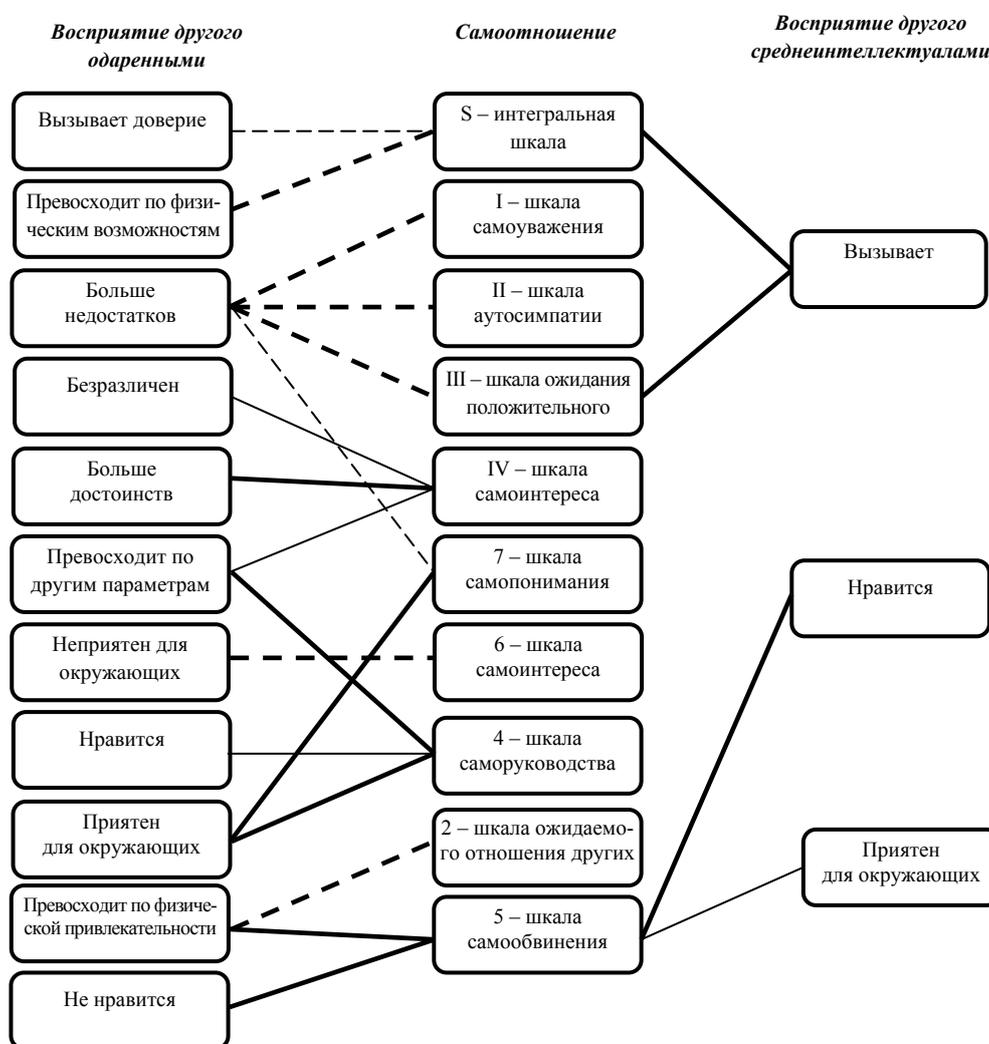

Рис. 1. Статистически значимые связи восприятия другого человека с самоотношением личности в группе одаренных и среднеинтеллектуальных подростков:
 ————— – положительная связь ($p \leq 0,05$), - - - - - – отрицательная связь ($p \leq 0,05$),
 ————— – положительная связь ($p \leq 0,001$), - - - - - – отрицательная связь ($p \leq 0,001$)

В отличие от одаренных подростков их сверстники со средним уровнем интеллекта имеют достаточно малое количество связей между изучаемыми параметрами (см. рис. 1). Высокий уровень самообвинения у подростков со средним уровнем интеллекта опосредует восприятие другого человека симпатичным как для испытуемых ($r = 0,47$; $p = 0,018$), так и для окружающих людей ($r = 0,58$; $p = 0,003$). Неверие к другому человеку у подростков этой группы возрастает с повы-

шением показателей шкал «Глобальное самоотношение» ($r = 0,45$; $p = 0,026$) и «Ожидание положительного отношения других» ($r = 0,44$; $p = 0,027$). Чем чаще они относятся к себе негативно, тем чаще другой человек воспринимается ими с положительной стороны.

Статистический анализ показал существование значимых корреляционных связей параметров восприятия другого человека с показателями самоотношения как у одаренных подростков, так и у подростков со средним уровнем интеллекта. При этом одаренные подростки обнаруживают более богатый спектр опосредования восприятия другого через самоотношение в отличие от сверстников со средним уровнем интеллекта, которые имеют единичные связи между отношением к себе и восприятием другого человека. Выявленная структура взаимосвязи параметров восприятия человека и параметров самоотношения у одаренных подростков свидетельствует о более сложном характере опосредования восприятия человека через самоотношение личности.

Литература

1. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
2. *Барабанищikov В.А.* Психология восприятия: организация и развитие перцептивно-го процесса. М. : Когито-Центр ; Высшая школа психологии, 2006. 240 с.
3. *Столин В.В.* Самосознание личности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.
4. *Холодная М.А.* Психологические механизмы интеллектуальной одаренности // *Вопр. психол.* 1993. № 1. С. 32–39.
5. *Шшишкина И.А.* Особенности самоотношения и восприятия других людей подростками с разным уровнем интеллекта // *Психологические исследования интеллекта и творчества : матер. науч. конф., посвящ. памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина.* М. : Ин-т психол. РАН, 2010. С. 269–271.

FEATURES OF PERCEPTION OF OTHER PERSON INTELLECTUALLY GIFTED TEENAGERS

Shishkina I.A. (Irkutsk)

Summary. The article is devoted to studying of specificity of perception of people by intellectually gifted person at teenage age. The author considers perception of other people in a context of the self-attitude of the subject. Distinctions of perception of people by the gifted teenagers and teenagers with an intelligence average level are ascertained.

Key words: intellectual endowments; perception of another person; the self-attitude.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9 : 614.8

СМЫСЛОВАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЖАРНЫХ

Т.И. Шевченко (Санкт-Петербург)

Аннотация. Проведено психологическое обследование 57 специалистов Государственной противопожарной службы МЧС России Санкт-Петербурга с целью изучения их жизненных целей как критерия адаптивной саморегуляции жизнедеятельности. Выделены три группы пожарных по адапционным возможностям саморегуляции (группа эффективной саморегуляции, группа прогнозируемого риска, группа риска). Наибольшая целеустремленность выявлена у пожарных, не указавших ни одной цели избегания в общем списке формулируемых жизненных стремлений. Установлена слабая прямая связь показателей связности целей с общим количеством сформулированных стремлений и абстрактных целей, а также прямая слабая взаимосвязь доли конкретных целей избегания со стажем работы.

Ключевые слова: пожарные; жизненные цели; абстрактные и конкретные цели, целеустремленность; связность целей; саморегуляция.

Введение

В феноменологическом аспекте «...смысл жизни представляет собой концентрированную описательную характеристику наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого» [10. С. 250]. Деятельностный аспект смысла жизни выражается в динамике жизнедеятельности, определяемой смысловыми структурами. Личностно-профессиональное становление в условиях реальной жизнедеятельности пожарного проявляется в конструировании профессионального образа мира, определяемого решением задач на смысл и ценность выполняемой экстремальной деятельности для общества и самого себя. В деятельности происходит постепенное преобразование мышления человека со свойственными ему индивидуальными особенностями в профессиональное мышление, которое, оставаясь формой познания, участвует в обеспечении целостности и системности профессиональной картины мира и в саморазвитии личности.

Деятельность специалистов Государственной противопожарной службы (ГПС) МЧС России имеет многофункциональный характер. На фоне возрастания общественной значимости профессии пожарного происходит модификация иерархии личностных качеств специалиста.

На первый план выходят уже не узкопрофессиональные особенности человека, а его способность быстро реагировать на изменения – творчество, инициативность и разносторонность.

Ценности и ценностные ориентации имеют фундаментальное значение в жизнедеятельности личности и общества. Люди испытывают потребность в ценностной системе, в системе ориентации и привязанностей [12]. Ценностные ориентации понимаются нами как относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысложизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов, способов поведения и являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций. Понятие ценностной ориентации личности занимает центральное место в многочисленных исследованиях видных российских и зарубежных ученых [4, 10–13].

Формирование ценностных ориентаций личности отвечает ее высшим социальным потребностям в саморазвитии и самовыражении [11]. Наиболее существенными потребностями личности, определяющими систему ценностных ориентаций, являются потребности в общении, познании, в признании со стороны других людей, в дружбе, любви, труде, желании занять достойное место в коллективе [5].

На основе сложившихся ценностных ориентаций осуществляется саморегуляция деятельности, заключающаяся в способности человека сознательно решать стоящие перед ним задачи, осуществлять свободный выбор решений, утверждать своей деятельностью те или иные социально-нравственные ценности. Часто в ситуации выбора приходится выбирать из множества альтернативных потребностей, интересов, возможных переживаний и способов, путей их реализации: что предпочесть, как установить очередность предпочтения. Иными словами, возникает необходимость сравнения разных мотивов возможных действий и выбора с опорой на определенную внутреннюю шкалу. В данном случае роль ориентира в выборе начинают играть ценности [4, 10, 12, 13]. В нашем исследовании ценностно-смысловые конструкты выступают определяющими особенностями эффективности и продуктивности профессиональной деятельности, сопряженной с экстремальными ситуациями.

Цели и стремления служат организующими принципами мотивации, которые придают согласованность и последовательность каждодневному преследованию целей и устойчивым во времени состояниям сознания, таким как «возможные Я» [11]. Они являются валидными показателями того, как люди структурируют и проживают свою жизнь.

В исследованиях мотивации часто используется самоотчет испытуемых. Предполагается, что человек способен открыто рефлексировать и точно сообщать свои цели, делая это правдиво и без психологи-

ческих защит, что цели находятся на таком уровне абстракции, когда могут легко быть сформулированы, хотя стремления могут и не осознаваться актуально в тот момент, когда человек занят их достижением. Можно также предположить, что успешное достижение цели требует от человека скорее сосредоточенности на стратегиях достижения цели, нежели на постоянной рефлексии содержания цели. Замечено, что чрезмерное внимание к актуальной цели как таковой может затормозить соответствующее этой цели адаптивное решение [8].

Цели, являясь мотивационными конструктами, становятся важными источниками личностных смыслов и придают жизни человека структуру, единство и целенаправленность [2, 3, 5], а наличие успеха в достижении поставленных целей тесно связано с субъективным благополучием.

В литературе по стрессиндуцированному росту личности большая роль принадлежит конструкту «смысл», обеспечивающему связь между стрессом и позитивными изменениями. Личностный рост возможен в той мере, в какой человек способен сублимировать страдания и невзгоды в новые позитивные смыслы жизни [1, 6, 7]. Сильное ощущение смысла жизни сопряжено с удовлетворенностью жизнью, тогда как нехватка смысла предвещает депрессию.

Мы посчитали важным рассмотреть личные цели пожарных как мотивационные конструкты, осуществляющие эффективность их саморегуляции жизнедеятельности в экстремальной профессии.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено в Научно-исследовательском секторе «Медицинский регистр МЧС России» Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова. Обследовали 57 специалистов ГПС МЧС из пожарных частей № 7, 9, 18 и специализированной части МЧС Санкт-Петербурга, непосредственно участвующих в тушении пожаров и ликвидации других чрезвычайных ситуаций. Все пожарные – мужчины, проживающие в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Основные показатели качества жизни обследованных оказались близки (заработок, обеспечение жильем, состав семьи). Возраст обследуемых колебался от 22 до 46 лет, в среднем $31,8 \pm 0,8$ года, стаж работы по специальности варьировал от 1,5 до 26 лет, средний стаж работы – $12,3 \pm 0,7$ года.

Методологической основой исследования явилась системная концепция психики человека [2, 3, 9], в рамках которой деятельностный подход [10] позволяет особое внимание уделить тому, как человек пытается достичь определяемых им целей, конструирует повседневно свои возможности и регулирует поведение (деятельность) для достижения лично значимых целей, определяющих, в конечном счете, его собственное «Я».

Для изучения иерархии целей пожарных и выявления феномена конфликта целей использовали метод Р. Эммонса «Пакет оценки личностных стремлений» (ПОЛС) [13] и методику изучения целей и стремлений (МИЦС) [4], позволяющую оценить связность целей. Из полного пакета оценки личностных стремлений применили только руководство по кодированию личностных стремлений по категориям 1 (приближение – избегание), 3 (достижение) и 13 (уровень абстрактности – конкретности) [13].

Эффективность деятельности определялась при помощи метода экспертных оценок по 5-балльной системе. В качестве экспертов выступал руководящий состав отряда (начальники пожарных частей и их заместители, начальники караулов). Оценивались дисциплинированность, коммуникативность, состояние здоровья, перспективность, специальные навыки и умения сотрудника ГПС, на основании которых выставлялась средняя оценка профессиональной эффективности.

Обработку и анализ полученных данных проводили методами параметрической и непараметрической статистики с помощью программы Statistica 6.0 for Windows.

Результаты и их анализ

Анализ сформулированных пожарными целей позволяет сделать вывод, что респонденты выбирали свои цели из различных возможностей, упорядочивая так, чтобы достичь максимальной осмысленности и удовлетворения жизнью и минимизировать конфликт между ними.

По содержанию сформулированные пожарными цели можно разделить на три типа: а) абстрактные (например, «Стремлюсь к счастью»); б) конкретные позитивные («Стремлюсь дать своему ребенку наилучшее образование», «Моя цель – построить свой дом»); в) конкретные цели избегания («Стремлюсь избегать конфликтов в семье», «Стремлюсь избегать неприятностей на работе») (таблица).

Распределение пожарных по вариантам сочетания сформулированных ими целей

Вариант сочетания целей	Число пожарных	
	n	%
Конкретные цели достижения	16	28,1
Абстрактные цели	1	1,8
Сочетание конкретных целей достижения и избегания	25	43,8
Сочетание конкретных и абстрактных целей	7	12,3
Сочетание конкретных, абстрактных целей и целей избегания	8	14
Всего	57	100

В ряде работ описаны уровни конкретизации целей (абстрактные, конкретные) в терминах высокого и низкого уровня [7, 10, 13]. Стрем-

ления высокого уровня оцениваются как абстрактные, рефлексивные, самокритичные и содержащие упоминания внутренних состояний (настроений, мотивов, мыслей). Стремления низкого уровня описываются как более поведенческие, более конкретные и специфичные и менее рефлекслируемые. Стремления высокого уровня часто сопряжены с психологическим дистрессом, в особенности с тревогой и депрессией.

Психологу в индивидуальной работе с каждым специалистом опасной профессии необходимо искать баланс между целями высокого уровня, исполненными труднодостижимого смысла (более абстрактными) из-за присущей им неопределенности критериев достижения успеха, и целями низкого уровня (конкретными) как наиболее адаптивной формой саморегуляции поведения.

Анализ самоотчетов показал, что почти все пожарные сформулировали конкретные цели, при этом 72% опрошенных (41 человек) указали только конкретные цели достижения и цели избегания. У 3 пожарных, все или почти все цели абстрактны: один пожарный сформулировал всего 1 абстрактную жизненную цель: «Хочу быть счастливым»; другой из 3 сформулированных стремлений представил два абстрактных: «Стремлюсь к интересной жизни», «Стремлюсь самореализоваться»; третий из 4 жизненных целей сформулировал 3 абстрактных: «Хочу взять от жизни все», «Стремлюсь исполнить свои мечты», «Хочу быть полезным обществу». Можно предположить, что широта конструкта целей (абстрактный) и позиция в иерархии действий (высокая) этих респондентов привели к тому, что конкретные цели для них стали динамически менее доступными, а это может стать причиной снижения саморегуляции [10–13].

Сформулированные пожарными конкретные цели различаются по направленности: стремление к позитивным, притягивающим их целям (цели достижения) и стремление избежать негативных, отталкивающих целей (цели избегания). Различия между этими двумя группами обусловлены тем, что позитивные или негативные события берутся в качестве критериев саморегуляции («Стремлюсь сделать карьеру на службе» или «Стремлюсь избежать травм на работе»; «Стремлюсь наладить отношения в семье» или «Стремлюсь избежать конфликтов с женой» и т.п.). Понятно, что эти различающиеся ориентации приводят к совершенно различным поведенческим паттернам и последствиям, даже если содержание целей при этом сходно.

Результаты исследований показывают, что стремление к избеганию – менее эффективная форма саморегуляции по сравнению со стремлением к достижению [4, 11, 13]. Так, Р. Эммонс считает, что люди с большим количеством стремлений к избеганию испытывают более выраженный психологический дистресс, тревогу, чем люди с противоположной направленностью стремлений [13]. Аналогичные результаты были получены и в ходе нашего исследования при оценке

эмоционального состояния пожарных: частота и выраженность тревоги у них прямо пропорционально зависела от числа сформулированных целей избегания.

28% респондентов (16 человек) указали только конкретные цели достижения, что позволило выделить эту группу как самую эффективную в плане саморегуляции. Эти специалисты в целом удовлетворены межличностными отношениями и, как правило, не имеют внутриличностных конфликтов.

57,9% (33 человека) обследованных сформулировали конкретные цели избегания (от 1 до 7), причем чаще формулировали 2 конкретные цели (12 человек, или 21,1%). Можно предположить, что у пожарных, сформулировавших цели избегания, помимо психологических расстройств, наличествуют также и проблемы с физическим здоровьем.

Согласно Р. Эммонсу [13], чтобы достичь конкретного позитивного результата действия, необходим хотя бы один доступный способ, тогда как для избегания или предотвращения нежелательного последствия нужно распознать и заблокировать все доступные способы. Можно полагать, что пожарные при формулировке конкретных стремлений достижения и избегания используют разные механизмы переработки информации. Работа в условиях витальной угрозы порождает у пожарных цели избегания негативных последствий. Например, наиболее часто встречающееся стремление избежать травм на работе требует постоянно отслеживать ситуацию на предмет опасностей и заблокировать их. Задача психолога – помочь пожарному сузить область формулируемых избеганий до узкопрофессиональной, направляя остальные избегания на поиск позитивных свойств и способов приближения позитивной цели.

Среди пожарных с обозначенными целями избегания наибольшую настороженность вызвали 3 специалиста (5,3% всех респондентов): у одного из 7 сформулированных целей 4 отнесены к целям избегания, у второго эти цифры составили 7 и 5, а у третьего – 10 и 7 целей соответственно. При этом у 2 пожарных отсутствуют абстрактные цели (цели высокого порядка), и поэтому они отнесены к группе риска дезадаптивного поведения в опасной ситуации.

Статистически значимых различий в экспертных оценках профессиональной эффективности между группами пожарных по адапционным возможностям саморегуляции (группа эффективной саморегуляции, группа прогнозируемого риска, группа риска) в нашем исследовании не выявлено.

Анализ выявил, что чем больше список формулируемых целей, тем больше в нем стремлений избежать чего-либо (рис. 1).

Экспертные оценки профессиональной эффективности пожарных имеют распределения, существенно отличающиеся от нормальных, поэтому в анализе применялись в основном ранговые статистики. Из все-

го ряда экспертных оценок оценка перспектив пожарного отличается наибольшей вариабельностью (наибольшее стандартное отклонение) и наименьшим средним и медианой, поэтому коэффициент связи именно с этой оценкой наиболее интересен и значим. Ранговая γ -корреляция, значимая на уровне 0,05, между конкретными целями достижения и экспертными оценками профессиональных перспектив респондентов представлена на рис. 2 ($\gamma = 0,35$): наиболее перспективен в профессиональном плане тот пожарный, который в общем списке жизненных стремлений формулирует наибольшее количество конкретных целей достижения.

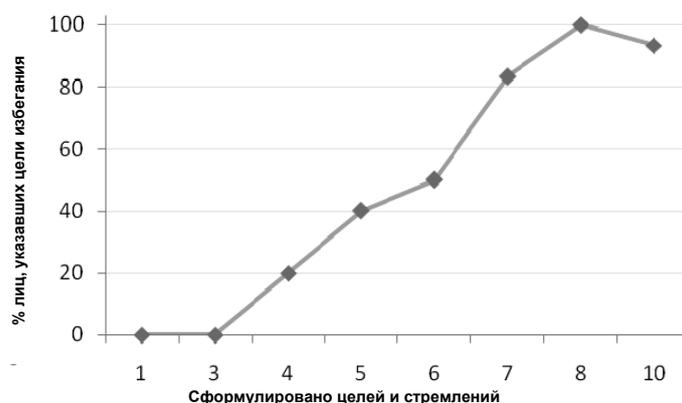

Рис. 1. Зависимость доли лиц с целями избегания от числа формулируемых пожарными целей

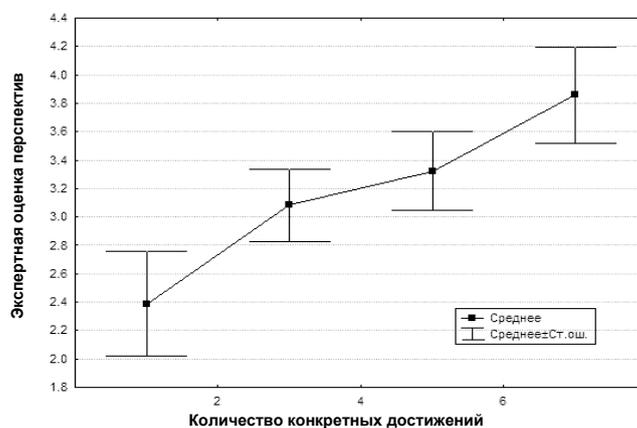

Рис. 2. Зависимость экспертной оценки профессиональной успешности пожарных от конкретных целей достижения

Выявлены статистически значимые связи экспертных оценок пожарных с их возрастом и стажем работы. При более подробном исследовании с помощью и рангового (Краскела – Уоллеса), и параметрического (Фишера) дисперсионного анализа экспертных оценок в возрастных группах (1-я группа – 18–26 лет, 2-я – 27–35 лет, 3-я – 36 лет и

более) выяснились значимые статистические различия по оценке здоровья и оценке профессиональных перспектив. Экспертная оценка здоровья 1-й возрастной группы (4,4 балла) значительно выше, чем 2-й (3,7 балла) и 3-й (3,7 балла) групп ($p = 0,023$). Экспертная оценка профессиональных перспектив 2-й возрастной группы (3,6 балла) значительно выше, чем 1-й (3,2 балла) и 3-й (2,6 балла) групп ($p = 0,022$).

Дисперсионный анализ экспертных оценок в группах по стажу работы (1-я группа – 0–6 лет, 2-я – 7–15 лет, 3-я – более 16 лет) выявил значимое отличие экспертной оценки здоровья пожарных 1-й группы (4,4 балла) от оценки 2-й (3,8 балла) и 3-й (3,6 балла) групп ($p = 0,018$).

В методике Р. Эммонса [13] используется понятие «степень интеграции целей», которое в модификации С.А. Богомаза [4] представлено показателем «связность целей» (СЦ) как более адекватным и информативным для интерпретации результатов исследования личных стремлений человека. Показатель СЦ отражает способность человека оперативно трансформировать иерархию собственных целей под воздействием меняющейся ситуации. Среднее значение Ц в нашей выборке составило $19,9 \pm 0,6$ балла, нижний и верхний квартиль – 16,8 и 23,0 балла соответственно. Среднее значение СЦ обследованных пожарных составило $4,1 \pm 0,5$ балла, нижний и верхний квартиль – 1,6 и 5,5 балла соответственно.

Показатели Ц пожарных фактически совпадают с показателями, полученными автором модифицированной методики Р. Эммонса МИЦС [4] (среднее значение $19,6 \pm 0,29$ балла, нижний и верхний квартиль – 17,8 и 21,8 балла соответственно). В отличие от этого, СЦ пожарных оказалась ниже, чем у автора модифицированной методики (среднее значение $6,96 \pm 0,35$ балла, нижний и верхний квартиль – 4,17 и 9,83 балла соответственно), что характеризует меньшую мобильность пожарного оперативно трансформировать свою систему иерархии целей в случае возникновения новых жизненных ситуаций.

Выявлена обратная связь слабой силы показателей Ц с количеством сформулированных пожарными конкретных целей избегания ($\gamma = -0,233$; $p < 0,05$). При этом наибольший показатель Ц установлен при полном отсутствии целей избегания, а низкая Ц пожарных выявлена при наличии 4 и более целей избегания в общем списке формулируемых стремлений.

Показатели СЦ имеют прямую слабую связь с общим количеством сформулированных стремлений и абстрактных целей ($\gamma = 0,272$ и $\gamma = 0,271$ соответственно) (рис. 3).

Чем больше целей и стремлений, в том числе и абстрактных, формулирует пожарный, тем большую связность этих целей он демонстрирует. Статистически значимых связей возраста пожарных с их способностью создавать и формулировать жизненные цели и стремле-

ния не обнаружено. Отсутствует также статистически значимая связь Ц и СЦ с экспертными оценками пожарных.

Ранговые корреляции γ ($p \leq 0,05$) позволили выявить прямую слабую связь доли конкретных целей избегания в общем списке формулируемых целей со стажем работы пожарных ($\gamma = 0,30$) (рис. 4).

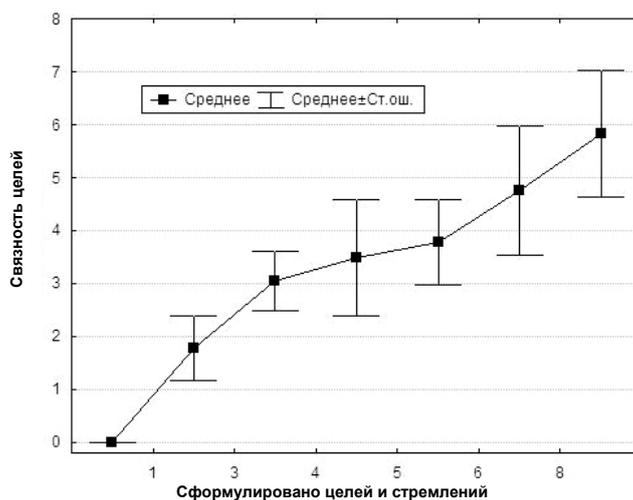

Рис. 3. Зависимость СЦ от общего количества целей

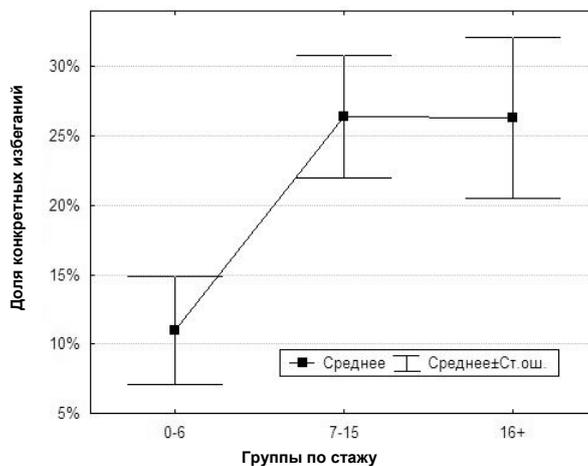

Рис. 4. Зависимость доли конкретных целей избегания от стажа работы пожарных

Можно согласиться с исследователями, полагающими, что с увеличением стажа работы по специальности система торможения становится более чувствительной и пожарный больше озабочен избеганием нежелательных последствий.

Таким образом, по результатам выполненного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Результаты исследования смысловой саморегуляции жизнедеятельности пожарных позволили выделить три группы:

– группа эффективной саморегуляции (28%, или 16 обследованных пожарных), удовлетворенная межличностными отношениями и не имеющая внутренних психологических конфликтов (сформулировали только конкретные цели достижения);

– группа риска (5,3%, или 3 обследованных пожарных) по развитию дезадаптивного поведения в опасной ситуации и потери здоровья (в списке сформулированных целей большинство составили цели избегания);

– группа прогнозируемого риска (57,9%, или 33 обследованных пожарных) с тенденцией прогрессирования редукции профессиональных обязанностей.

– статистически значимых различий между этими группами по экспертным оценкам профессиональной эффективности в нашем исследовании не выявлено.

2. Наибольшая целеустремленность характерна для пожарных, не указавших ни одной цели избегания в общем списке сформулированных стремлений.

3. Способность пожарного оперативно трансформировать иерархию своих целей под воздействием меняющейся ситуации в слабой степени зависит от общего количества сформулированных стремлений и абстрактных целей ($\gamma = 0,272$ и $\gamma = 0,271$ соответственно).

4. Характеристика типов жизненных целей не зависит от возраста пожарных, а доля конкретных целей избегания имеет слабую прямую связь со стажем работы по специальности ($\gamma = 0,30$).

5. Чем больше конкретных целей достижения формулирует для себя пожарный, тем выше оцениваются его профессиональные перспективы.

6. С увеличением возраста и стажа работы здоровье пожарных ухудшается ($p = 0,023$ и $p = 0,018$ соответственно).

7. Профессиональные перспективы пожарных средней возрастной группы (27–35 лет) оцениваются экспертами как самые высокие ($p = 0,022$).

Таким образом, настоящее исследование позволяет в психологическом сопровождении профессии пожарного использовать его личные цели как психологическую составляющую смысловой саморегуляции жизнедеятельности для выявления группы риска возможного нарушения профессиональной эффективности.

Литература

1. Абабкова В.А., Пере М. Адаптация к стрессу. М. : Речь, 2004.
2. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии / под ред. М.М. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Яницкого // Сибирская психология сегодня : сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. Вып. 2. С. 82–90.

3. Алимova М.А. Проявление личностной ригидности в динамике становления профессиональных установок : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул : Барнаул. гос. пед. ун-т, 2002. 24 с.
4. Богомаз С.А. Целеустремленность и связность целей в структуре индивидуальности // Сиб. психол. журн. 2008. № 30. С. 56–63.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М. : Смысл, 1984.
6. Выходцева В.Н. Динамика развития эмоциональной сферы ригидной личности в процессе групповой работы : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль : Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2004. 26 с.
7. Залевский Г.В. «Принцип экономии энергии» в объяснении психической ригидности // Сиб. психол. журн. 1996. Вып. 3. С. 21–23.
8. Залевский Г.В. Дифференциальная диагностика психической ригидности при основных нервно-психических расстройствах. Томск : Том. гос. ун-т, 1987.
9. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 37 с.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, становление и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2007. С. 510.
11. Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева. М., 1999.
12. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / под общ. ред. Г.А. Балла, А.Н. Киричука, Д.А. Леонтьева ; пер. с англ. Г.А. Балла, А.П. Погребской. М. : Смысл, 1999. 425 с.
13. Emmons R.A. The Psychology of Ultimate Concern: Motivation and Spirituality in Personality. New York ; London : The Guilford Press, 1999.

PERSONAL OBJECTIVES AS A PSYCHOLOGICAL COMPONENT
OF MEANINGFUL SELF-REGULATION OF LIFE ACTIVITY OF THE STATE
FIRE-FIGHTING SERVICE PROFESSIONALS, EMERCOM OF RUSSIA
Shevchenko T.I. (Saint-Petersburg)

Summary. Psychological examination of the professionals of the St. Petersburg State Fire-Fighting Service was performed to evaluate their life objectives as a criterion of adaptive self-regulation of activity. A system conception of human psyche served as a methodological base of the study, and an activity approach was used to pay special attention to how an individual tries to reach his determined objectives, how he designs his everyday capabilities and regulates his behavior (activity) to reach personally important objectives which all in all determine his personal «Self». Three groups of fire-fighters were identified according to their adaptation capabilities for self-regulation (group with effective self-regulation, predicted risk group, and risk group). The strongest purposefulness was revealed in fire-fighters who mentioned no avoidance objective in the list of formulated life urges. A weak direct correlation was established between variables of objective cohesion and total number of both formulated urges and abstract objectives, along with a weak direct correlation between proportion of avoidance objectives and working experience of fire-fighters.

Key words: fire-fighters; life objectives; abstract and specific objectives; purposefulness; objective cohesion; self-regulation.

ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОК ВУЗА

Н.И. Айзман (Новосибирск), Ю.П. Зинченко (Москва)

Аннотация. Анализируются особенности сексуальности студенток вуза 17–18 и 21–22 лет в зависимости от профиля обучения и личностных характеристик. Показано, что девушки старшего возраста характеризуются более сформированной сексуальностью, эмоционально положительными самоописаниями как представителя своего пола. Студентки, получающие гуманитарное образование, характеризуются более выраженной способностью к установлению отношений привязанности, интимности при соблюдении личных границ партнеров по общению. Высокую значимость в развитии женской сексуальности имеют эмоциональная устойчивость, экспрессивность, искренность, активность и готовность к риску. Выявленная структурная модель сексуальности студенток вуза в большей степени имеет маскулинную ориентацию.

Ключевые слова: сексуальность; гендерная идентичность; психологический пол; профиль обучения; личностные особенности.

В современном мире происходят серьезные социально-экономические изменения, которые оказывают существенное влияние на личность. Эти процессы приводят к трансформации семейных ценностей, традиционных стереотипов репродуктивного поведения, изменению паттернов семейных отношений, в результате чего увеличивается количество заболеваний, передающихся половым путем, отмечается рост сексуальных нарушений, распушенности, стремление к незарегистрированному сожителю [4–6, 9, 11]. В представлении молодежи современная российская женщина не воспринимается носителем феминных традиций, тогда как основой психического благополучия любой женщины является женственность [8, 14]. Новая психосоциальная модель несет в себе искаженный образ женщины, вынужденной в силу чрезмерных требований, предъявляемых к ней обществом, демонстрировать в семье и социуме маскулинные модели поведения с целью адаптации к сложным средовым условиям [14, 25–27].

Отсутствие социальных институтов, призванных сопровождать женщину в процессе становления ее сексуальности как основы психологического здоровья, затрудняет процесс развития гармоничной личности и ее профессиональной и личностной самореализации [8, 13].

Развитие сексуальности продолжается на протяжении жизни, проходит ряд стадий и зависит от того, насколько успешно были выполнены задачи, которые стояли перед личностью на предшествующей стадии развития [10, 16, 18, 24].

Особенно актуальны вопросы становления сексуальности в период юности, поскольку данный возрастной этап характеризуется фор-

мированием гендерной, сексуальной и других видов идентичности личности, половой поляризацией в формах поведения, переосмыслением отношения к семье и семейной жизни [2, 10, 12–14, 24]. У современной молодежи недостаточно сформированы специальные компетенции семейного функционирования: построение супружеских отношений на основе духовно-нравственных ценностей, формирование родительской позиции, продуктивного поведения в ситуации конфликта, гармонизация интимных отношений, традиционная организация семейного быта [3]. Их несформированность наиболее остро проявляется у девушек [15, 19, 21]. Учитывая, что в педагогических вузах и школах обучаются и работают преимущественно женщины, психосексуальное здоровье которых является профессионально важной составляющей личности, а более половины детей воспитывается в неполных семьях, транслирующих женские модели поведения, которые могут приводить к искажению гендерных ролей, функций, отношений в их будущих семьях, исследование психологической сущности женской сексуальности приобретает особое значение.

В этой связи исследование особенностей сексуальности студентов вуза представляет актуальность для личности и общества.

Организация и методы исследования. В эксперименте приняли участие 96 студенток в возрасте 17–18 лет (1-й курс) и 100 студенток 21–22 лет (5-й курс), получающих гуманитарное и естественнонаучное образование в Новосибирском государственном педагогическом университете.

В качестве *психодиагностических* методик использовались: многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С), адаптированный А.Н. Капустиной [22]; методика «Исследование маскулинности – феминности личности» С. Бем [25]; шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, адаптированная Ю.Л. Ханиным [18]; методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона [18]; методика изучения гендерной идентичности (Л.Б. Шнейдер) [23]; тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т.В. Румянцевой) [20]; «Висбаденский опросник к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии» Н. Пезешкиана и Х. Дайденабаха [22]; «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в модификации М.А. Падун, А.В. Котельниковой [17].

Обработка результатов осуществлялась методами количественного анализа и математической статистики (корреляционный анализ Пирсона, U-критерий Манна – Уитни, ф-критерий Фишера, t-критерий Стьюдента).

Результаты. В науке существует несколько подходов к изучению сексуальности: медико-биологический, социокультурный, культурно-исторический и психологический [5, 7]. Мы остановимся только на психологической сущности этого феномена. *Сексуальность*

рассматривается нами как психологическое образование, обладающее признаками высшей психической функции, характеризующееся иерархическим строением, прижизненным, социальным характером формирования, знаково-символическим опосредованием и произвольностью [5, 7]. На основе анализа литературы и собственных данных нами разработана структурная модель сексуальности, состоящая из следующих компонентов: *семейные отношения, когнитивный, телесный, эмоциональный и экзистенциальный*; определены три уровня их развития [1]. Это позволило изучить содержательные характеристики указанных компонентов у студенток в зависимости от возраста (табл. 1, 2).

Выявлено, что студентки 17–18 лет в меньшей степени ориентированы на обращение к другим людям за помощью в проблемных ситуациях, отличаются менее сформированными убеждениями относительно доброжелательности и контролируемости окружающего мира, чаще отмечают субъективное ощущение одиночества. В этой группе чаще регистрируются нейтральные описания Я как представителя пола, чаще, чем у испытуемых более старшего возраста, диагностируется диффузная идентичность. В этой группе девушек выявлены более терпимые, позитивные отношения между родителями обследуемых, открытое, внимательное отношение к окружающему миру.

Т а б л и ц а 1

Сравнение уровня развития структурных компонентов сексуальности у девушек 17–18 и 21–22 лет по U-критерию Манна – Уитни, %

Компонент модели сексуальности	Методика, шкалы измерения	Группа 17–18 лет	Группа 21–22 лет	Значение U-критерия
Семейные отношения	Висбаденский опросник «Контакты в проблемных ситуациях»	9,0	10,0	499,0*
	Висбаденский опросник «Ты»	9,2	8,2	542,0*
	Висбаденский опросник «Мы»	9,5	8,6	541,0*
Когнитивный	Шкала базовых убеждений «Доброжелательность окружающего мира»	31,0	36,0	368,0**
	Шкала базовых убеждений «Убеждение о контроле»	26,8	31,3	319,0**
Телесный	Висбаденский опросник «Сексуальность»	8,2	10,1	375,0**
	Висбаденский опросник «Тело – ощущения»	7,5	6,2	472,0**
Экзистенциальный	Уровень одиночества по тесту Д. Рассела и М. Фергюсона	24,7	19,3	468,0**

Примечание. В данной и последующих таблицах представлены только результаты, имеющие достоверные отличия: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Т а б л и ц а 2

**Сравнение уровня развития структурных компонентов сексуальности
у девушек 17–18 и 21–22 лет по ϕ -критерию Фишера, %**

Компонент модели сексуальности	Методика, шкалы измерения	Группа 17–18 лет	Группа 21–22 лет	Значение ϕ -критерия
Семейные отношения	Показатели прямого обозначения пола из опросника «Кто Я?»: нейтральные	56,7	33,3	2,07*
	Показатели прямого обозначения пола из опросника «Кто Я?»: эмоционально положительные	25,4	48,7	2,13*
Когнитивный	Методика изучения гендерной идентичности: диффузная идентичность	81,1	59	2,13*
	Методика изучения гендерной идентичности: достигнутая позитивная идентичность	2,7	15,4	2,08*
	Методика изучения гендерной идентичности: псевдопозитивная идентичность	0	5,1	1,99*
	Анкета Бем: маскулинность	0	5,1	1,99*
	Уровень рефлексии («Кто Я?») высокий	29,7	51,3	1,93*

В свою очередь, студентки в возрасте 21–22 лет отличаются более выраженной сексуальностью, принятием физических контактов, меньшей предрасположенностью к психосоматическим нарушениям и ипохондрии. Для них более характерны эмоционально положительные самоописания как представителей своего пола, достигнутая позитивная и псевдопозитивная идентичность, выше уровень рефлексии. Они чаще осознают свои маскулинные качества.

Итак, анализ уровня развития каждого компонента в структурной модели женской сексуальности у студенток разного возраста показывает, что компоненты семейных отношений, когнитивный, телесный и экзистенциальный находятся на более высоком уровне развития у девушек 21–22 лет.

Получаемое образование (гуманитарное и естественнонаучное) в меньшей степени влияет на уровень развития женской сексуальности: в сравниваемых группах диагностируется средний уровень развития всех компонентов. Однако девушки, получающие гуманитарное образование, отличаются более выраженной способностью к установлению отношений привязанности, интимности при соблюдении личных границ партнеров по общению, благополучной семейной ситуацией. В этой группе, с одной стороны, чаще выявляются позитивная достигнутая идентичность и высокая рефлексия, с другой – чаще проявляются отчужденные самоописания и негативные описания физического Я, что свидетельствует о низком уровне принятия гендерной идентичности у части респонденток (табл. 3, 4).

Т а б л и ц а 3

Сравнение уровня развития структурных компонентов сексуальности у девушек, получающих гуманитарное и естественнонаучное образование по U-критерию Манна – Уитни, %

Компонент модели	Методика, шкалы измерения	Группа с гуманитар. образов.	Группа с технич. образов.	Значение U-критерия
Семейные отношения	Висбаденский опросник «Ты»	9,0	7,9	459,0*
	Висбаденский опросник «Мы»	9,3	8,2	438,0*
Экзистенциальный	Шкала Висбаденского опросника «Контакты – свобода»	9,6	8,3	403,5**

Т а б л и ц а 4

Сравнение уровня развития структурных компонентов сексуальности у девушек, получающих гуманитарное и естественнонаучное образование по ф-критерию Фишера, %

Компонент модели	Методика, шкалы измерения	Группа с гуманитар. образов.	Группа с технич. образов.	Значение ф-критерия
Семейные отношения	Показатели прямого обозначения пола из опросника «Кто Я?»: отчужденные	9,3	0	2,58**
Когнитивный	Методика изучения гендерной идентичности: достигнутая позитивная идентичность	4,6	0	1,8*
	Уровень рефлексии («Кто Я?») средний	27,9	72,4	3,84**
	Уровень рефлексии («Кто Я?») высокий	53,5	20,7	2,9**
Телесный	Отрицательные самоописания физического Я из опросника «Кто Я?» Куна и Макпартленда	18,6	3,4	2,17*

Важнейшим фактором, определяющим психологическую сущность сексуальности студенток вуза, являются личностные особенности. В процессе исследования установлено (рис. 1):

– компонент семейных отношений в большей степени взаимосвязан с такими качествами, как выраженность интеллектуальных интересов, склонность к экспериментированию, аналитичность мышления;

– когнитивный компонент взаимосвязан с эмоциональной зрелостью личности, независимостью, ориентацией на социальные контакты, готовностью к риску и установками на контролируемость окружающего мира и событий жизни, собственную удачливость. Обратную взаимозависимость эти установки имеют с выраженной тревожностью и неуверенностью в себе. Высокая активность, склонность к риску связаны с принятием в себе как мужской, так и женской составляющей, что может рассматриваться как характеристика андрогинности личности. Высокая маскулинность и самоописания в терминах мужского пола более свойственны испытуемым, проявляющим подозрительность, замкнутость, раздражительность, направленность на себя. Высокая маскулинность развивается прямо пропорционально эмоциональной

стабильности, независимости, конфликтности, склонности к риску, социальной активности. Обратные пропорциональные зависимости выявлены между маскулинностью личности и творческим потенциалом;

– телесный компонент, выражающийся в ориентации на принятие своего либидо, желание и умение принимать физические контакты, связан с независимостью личности, социальной смелостью, активностью. Эмоциональная зрелость, постоянство интересов, выдержанность препятствуют развитию психосоматических нарушений и ипохондрии. «Благоприятным» качеством, определяющим «бегство в тело», является высокая тревожность;

– эмоциональный компонент в модели сексуальности включает в себя уровень реактивной и личностной тревожности и способность к проявлению любви в межличностных контактах. Низкий уровень тревожности связан с социальной смелостью и эмоциональной устойчивостью индивида. В свою очередь высокая тревожность связана с ориентированностью на собственный внутренний мир, низкой уверенностью в себе. Способность к любви зависит от эмоциональной зрелости личности, чувствительности, способности к симпатии, что традиционно связывается в культуре постмодернистского общества с женственностью и романтизмом. Обратная пропорциональная связь обнаружена между способностью к любви и высоким самоконтролем; расчетливостью и дипломатичностью;

– экзистенциальный компонент связан с такими качествами, как общительность, доброжелательность, экспрессивность и динамичность отношений, социальная смелость.

Низкий уровень субъективно воспринимаемого одиночества опосредован экспрессивностью контактов, социальной смелостью, эмоциональной устойчивостью и зрелостью личности.

Анализ показал, что высокую значимость в развитии женской сексуальности имеют следующие личностные качества: эмоциональная устойчивость, экспрессивность, искренность, активность и готовность к риску, что свидетельствует о маскулинной ориентации, усвоенной и принятой девушками в социальных условиях мужского доминирования [4].

Характеризуя структуру сексуальности студенток вуза, следует отметить, что в общей совокупности респонденток чаще выявляется диффузная гендерная идентичность при высокой андрогинии как варианте полоролевого поведения. Взаимосвязь между этими составляющими сексуальности проверена с помощью коэффициента корреляции Пирсона, значение которого составляет 0,256 ($p \leq 0,01$).

Таким образом, выявлена интересная закономерность: высокий уровень андрогинии (т.е. гармоничное и взаимодополняющее использование как типично женских, так и типично мужских черт характера) связан с диффузной гендерной идентичностью, выражающейся в полоролевой неопределенности и размытости целей, ценностей и убеждений, отнесенных к гендерному самоопределению.

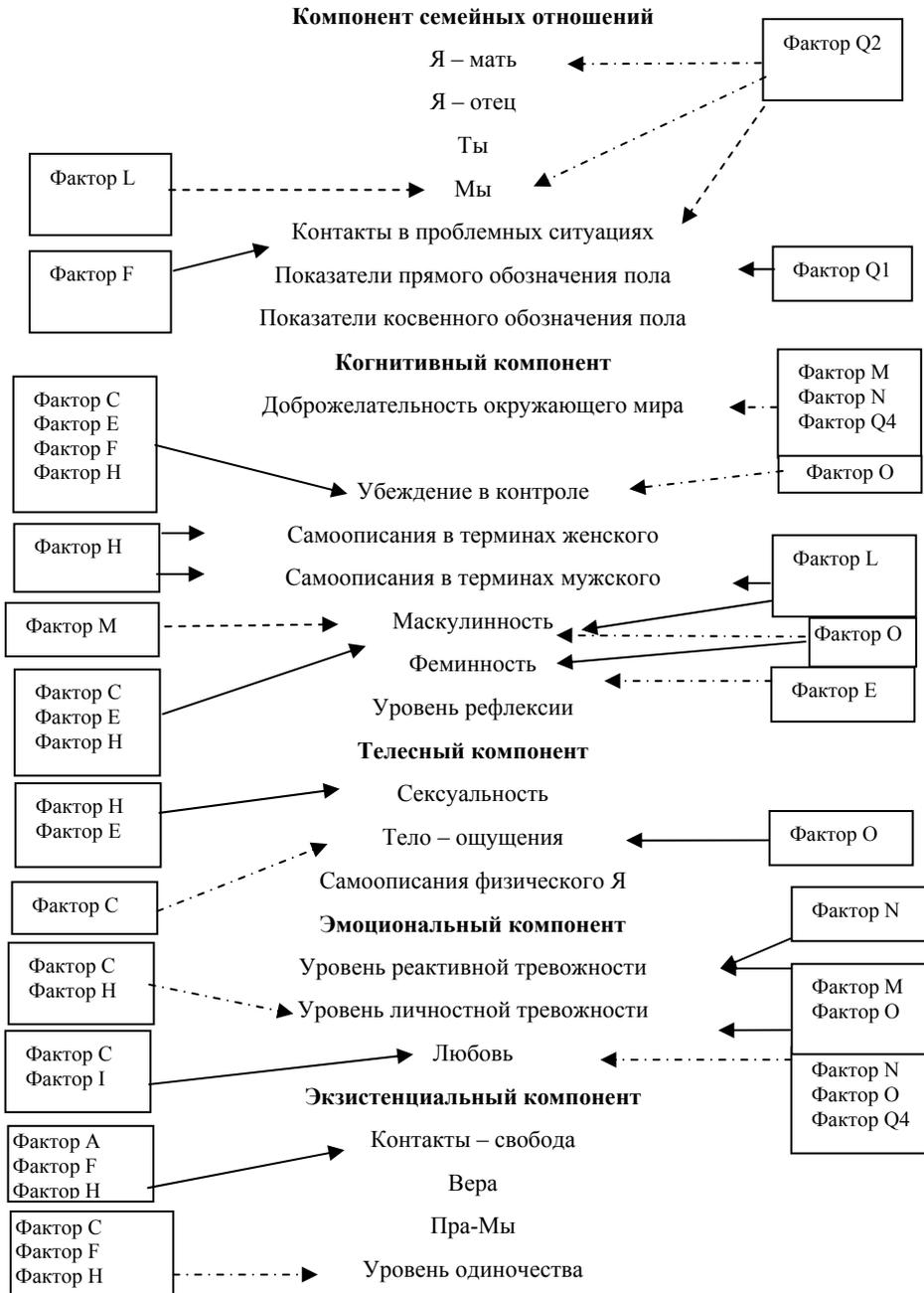

Рис. 1. Корреляционная матрица, отражающая взаимосвязь личностных качеств и психологических характеристик сексуальности у студенток вуза. Сплошная линия – положительные связи, пунктирная – отрицательные. Представлены только достоверные связи с коэффициентом корреляции $\geq 0,4$. Факторы: А – замкнутость – общительность; С – эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность; Е – подчиненность – доминантность; F – сдержанность – экспрессивность; G – низкая нормативность – высокая нормативность поведения; Н – робость – смелость; I – жесткость – чувствительность; L – доверчивость – подозрительность; М – практичность – мечтательность; N – прямолинейность – дипломатичность; О – спокойствие – тревожность; Q1 – консерватизм – радикализм; Q2 – конформизм – неконформизм; Q4 – расслабленность – напряженность

В юношеском возрасте, одной из основных задач которого является формирование половой идентичности, андрогинная ориентация не позволяет выработать определенную мотивационно-ценностную структуру, систему установок и поведенческих паттернов, отличающих женское полоролевое поведение. На более поздних этапах возрастного развития гармонизация структуры сексуальности в сторону андрогинии позволяет повысить адаптационные способности субъекта, тогда как в юношеском возрасте препятствует становлению гендерной идентичности.

Это свидетельствует о необходимости проведения целенаправленной работы по формированию женской идентичности с испытуемыми данной возрастной группы. Ориентация на сочетание женского и мужского в содержании женской сексуальности приводит к размытым полоролевым границам, безразличию к собственному Я, развитию внутрилличностных конфликтов и самоотчужденности.

Таким образом, на основе проведенного исследования сформулированы следующие проблемы студенток вуза, которые нуждаются в коррекции: осознание и принятие своего женского и физического Я, традиционно женских сексуальных ролей, связанных с принятием, любовью и пассивной позицией в отношениях с мужчиной, статус гендерной идентичности, уровень тревожности.

Литература

1. Айзман Н.И. Структурно-функциональный анализ сексуальности // Сиб. педагогич. журн. 2009. № 9. С. 275–285.
2. Билич Г.Л. Справочник по сексологии. М. : Оникс, 2007. 624 с.
3. Демидова Т.П. Формирование компетенций семейной жизни у студентов в ходе профессионального становления // Социально-психологические проблемы семьи в современном обществе : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / сост. О.В. Панфилова. Ишим : Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2009. С. 111–115.
4. Дмитриева Н.В., Четвериков Д.В. Психология аддиктивного поведения. Новосибирск : НГПУ, 2002. 278 с.
5. Зинченко Ю.П. Знаково-символическое опосредствование сексуальной функции в норме и патологии : дис. ... д-ра психол. наук. М. : РГБ, 2003 (Из фондов Российской государственной библиотеки).
6. Зинченко Ю.П. Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода. М. : Проспект, 2003.
7. Зинченко Ю.П. Методологические аспекты изучения сексуальности // Вестник Моск. ун-та. Сер. Философия. 2003. № 1. С. 49–61.
8. Зинченко Ю.П., Тхостов А.Ш. Сексуальное «культурное тело» // Психология телесности. М. : Смысл, 2002. С. 91–100.
9. Зинченко Ю.П. Произвольная регуляция при функциональных сексуальных расстройствах (на модели психогенной импотенции) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М. : МГУ, 1998. 25 с.
10. Зинченко Ю.П. К вопросу о понятии нормы в сексопатологии // Материалы Международной конференции молодых ученых «Ленинские горы». М. : МГУ, 1993. С. 107.

11. *Зинченко Ю.П.* Сексуальность человека в контексте культурно-исторического подхода : учеб. пособие / под ред. В.В. Николаевой. М. : Академический Проект, 2009. С. 177–197.
12. *Келли Г.Ф.* Основы современной сексологии. Сер. Учебник нового века. СПб. : Питер, 2000. 896 с.
13. *Кон И.С.* Сексология. М. : Академия, 2004. 384 с.
14. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Homo Postmodernicus. Психологические и психические нарушения постмодернистского мира. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2009. 230 с.
15. *Котенева В.И.* Психическое состояние и эффективность деятельности. Психическая травматизация у студентов // Мир психологии. 1998. № 2. С. 50–57.
16. *Лоуэн А.* Любовь и оргазм // Психология и психоанализ сексуальности : учеб. пособие / сост. Д.Я. Райгородский. Самара : БАХРАХ-М, 2002. 688 с.
17. *Падун М.А., Котельникова А.В.* Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман в модификации М.А. Падун, А.В. Котельниковой // Психол. журн. 2008. Т. 29, № 4. С. 104–105.
18. *Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие / ред.-сост. Д.Я. Райгородский.* Самара : БАХРАХ-М, 2004. 672 с.
19. *Ребеко Т.А.* Гендерная идентичность и репрезентация тела у женщин // Психол. журн. 2010. Т. 31, № 1. С. 15–31.
20. *Румянцева Т.В.* Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб. : Речь, 2006. С. 82–103.
21. *Шакирова Г.Ф.* Межполовые различия проявления внутриличностного ролевого конфликта // Образование и саморазвитие. Казань : Центр инновационных технологий, 2009. № 1(11). С. 202–206.
22. *Шапарь В.Б.* Практическая психология. Инструментарий. Сер. Учебники для высшей школы. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 768 с.
23. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 32 с.
24. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. М. : Прогресс, 1997. 340 с.
25. *Bem S.L.* The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. P. 165–172.
26. *Erlich H.S.* Being and Doing in psychoanalysis and psychotherapy // Read to Israel Psychoanalytic Society, and Sigmund Freud Institute. Frankfurt, 1989. S. 263–274.
27. *Travis C.B., Moore P.L.* Women and health psychology: Mental health issues. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1988. 587 p.

FEATURES OF SEXUALITY AT STUDENTS OF HIGH SCHOOL DEPENDING ON AGE, THE PROFILE OF TRAINING AND PERSONAL CHARACTERISTICS
Aizman N.I. (Novosibirsk), Zinchenko Ju.P. (Moscow)

Summary. In article the features of sexuality at students of high school of 17–18 and 21–22 years depending on a profile of training and personal characteristics have been analyzed. It is shown, that girls of advanced age differ more generated sexuality, acceptance of physical contacts, emotionally positive self-descriptions as representative of the gender. The students receiving arts education, differ more expressed ability to an establishment of relations of attachment, intimacy at observance of personal borders of partners in dialogue. The following personal qualities have the high importance in development of female sexuality: emotional stability, expression, sincerity, social boldness, activity and readiness for risk. The revealed structural model of sexuality at students of high school in higher degrees has male orientation.
Key words: sexuality; gender identity; a psychological gender; a training profile; personal features.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕНТАЛЬНОСТИ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

С.В. Колесникова (Омск)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №11-06-90709

Аннотация. Раскрываются сущность понятия «ментальность», его содержательные характеристики. Рассматриваются социально-психологические аспекты ментальности больших социальных групп; социальная установка личности как основной компонент ментальности.

Ключевые слова: ментальность; менталитет; архетипическое пространство; установка; национальных характер.

В настоящее время особую актуальность приобрели социально-психологические проблемы, связанные с разработкой и изучением различных аспектов ментальности личности или менталитета группы в целом. Это обусловлено общемировой динамикой развития современного общества с его знаковостью, технологичностью, наконец, с тенденцией к глобализации, где личность как социокультурный фактор становится высшей экзистенциальной ценностью и мерой всех вещей. В то же время в российском обществе, как и на всем постсоветском пространстве, продолжаются кардинальные изменения социального, политического и экономического слоев, что не могло не отразиться на формировании принципиально иной картины видения мира у различных этнических и социальных групп россиян.

Личность осваивает мир, опираясь на важнейшие составляющие мировоззренческого комплекса, представленные мироощущением, которое локализуется на границе сознания и реализуется в социальном и эмоционально-духовном самоощущении; миропониманием как более рациональным фактором; мироотношением, реализуемым в принципах поведения личности, основанных на мироощущении и миропонимании [7].

Стиль мышления характеризует особенности мировосприятия человека той или иной эпохи, что находит отражение в языке. В свою очередь слово, язык в концентрированном виде отражают традиции, привычки, нормы, ценности, верования эпохи. Их адекватная интерпретация в другое эпохальное время зависит не только от радикального осмысления текста, но и от проникновения в контекст, постижения его ментальной сущности.

Ментальность как коллективно-личностное образование представляет собой устойчивые духовные ценности, глубинные аксиологические установки, навыки, латентные привычки, долговременные стереотипы, рассматриваемые в определенных пространственно-времен-

ных границах, выступающие основой поведения и образа жизни [7]. Это особая «психологическая оснастка» (М. Блок), «символические парадигмы» (М. Элиаде), «господствующие метафоры» (П. Рикер), «архаические остатки» (З. Фрейд), «архетипы» (К. Юнг), присутствие которых проистекает из первобытных врожденных и унаследованных источников человеческого разума. Коллективное бессознательное как наследие предков (по К. Юнгу) не является индивидуальным, а представляет собой истинную основу индивидуальной психики.

В сущности, ментальность и представляет собой исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности: пространства, времени, искусства, политики, экономики, религии, а шире – культуры, цивилизации [8]. Рассмотрение ментальных особенностей сознания той или иной социальной группы позволяет проникнуть в «скрытый слой» общественного сознания, понять восприятия, образные представления, скрытые за идеологией. Таким образом, основной характерной чертой ментальных структур выступает устойчивость [2]. Образцы поведения, ценностные ориентиры закрепляются в ментальности народа на десятилетия и века. Социальная дифференциация ментальности отражает существующее в обществе разделение на общественные группы с присущими им материальными интересами, образом жизни и т.д. Например, крестьянской, сельской ментальности присущ больший консерватизм, чем жителям городов. В рамках ментальности представления изменяются в форме колебаний различной амплитуды и вращений вокруг некой центральности. В основе подобного движения ментальности лежит образ жизни [6]. Так, в сельской местности ритм жизни и сегодня во многом зависит от сельскохозяйственного календаря, т.е. он менее динамичен в плане трансформации жизненных устоев.

Итак, ментальность отражает образ мышления, духовную настроенность мировосприятия человека (социальной группы), принадлежащего к определенной культуре. Это понятие неотрефлексировано или недостаточно осознано. Ментальность всегда конкретна, представлена как формообразующая единица. Ментальность – это явление, которое выражает свое сущностное содержание посредством культуры, т.е. через определенный культурный код, имеющий временные, социальные, национально-пространственные характеристики. Именно ментальность лежит в основе рационально построенных и логически осмысленных теорий, концепций, систем.

Например, русскому крестьянину было присуще осознание своего особого «Я», напряженное восприятие соотношения вечности и временности бытия при общей ориентации на христианские ценности. Образ жизни на селе, духовный и материальный мир селянина позволяют представить крестьянскую ментальность. При этом консерватизм как признак крестьянской ментальности сохраняет национальные особенности русской культуры.

Ментальность может быть рассмотрена в темпоральном аспекте, в связи с типологией исторического времени. Так, например, Ф. Бродель выделяет три типа исторического времени – время большой протяженности, время средней протяженности и краткий срок [3]. Развитию политики соответствует «краткий срок», «экономики» – «время средней протяженности». Ментальность же существует во «времени большой протяженности» как наиболее устойчивая и малоподвижная структура сознания.

Социальная установка личности может быть рассмотрена как основной компонент ментальности. Установка есть любое состояние, диспозиция или тенденция организма реагировать определенным образом. В контексте ментальности она может быть позиционирована как неосознанное состояние готовности человека воспринимать, оценивать и действовать определенным образом по отношению к окружающим его людям или объектам. Установка функционирует наряду с интересом, целью, потребностью. Некоторые исследователи определяют социальную память как систему установок [6].

Итак, установка в частности и ментальность в целом характеризуют предрасположение, предуготовленность человека к активности в определенном направлении и включают когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Представляется интересным рассмотрение механизма становления ментальности личности как системы внутренних установок в процессе развития личности. Человек постепенно входит в окружающую его среду, приспособляясь к ней. Осваивая ряд социальных ролей и функций, усваивая воздействие обстоятельств, природных факторов, других людей, человек постепенно входит в разнообразные социальные группы. Однако человек (хотя и в разной мере) осуществляет отбор поступающей извне информации. Фильтрация внешних воздействий есть первый этап становления системы установок личности. В результате отбора внешней информации личность формирует собственную ментальность, принадлежащую исключительно данной личности. Очевидно, что это ментальное становление личности не может проявляться явно, как определенного рода рефлексия, не могут быть математически точно определены, рассчитаны этапы становления личности в ментальном плане. И здесь наиболее интересным представляется установление соотношений ментальности социальной группы людей, принадлежащих к определенной культуре и социальной детерминации личности.

Свобода выбора человеком цели, поведения, сферы деятельности детерминирована внешней необходимостью, т.е. системой факторов, на которых базируется общество. Эти ограничения накладывают определенный отпечаток на характер личностного выбора и систему внутренних установок, обусловив тот факт, что ментальность личности представляет собой сравнительно устойчивое мировоззренческое, нравственно-психологическое преобразование. Содержание внутренней ментальности подвижно, ибо человек как субъект активности представляет собой сложную

динамическую систему, характеризующуюся взаимосвязью различных компонентов, отражающих многоплановый характер взаимодействия человека с окружающей действительностью. То есть динамика социальной направленности личности обуславливает динамику ментальности личности в плане ее становления и развития [2]. Таким образом, социальная направленность личности потенцирует ее развитие, выступая проявлением ментальности и придавая ей необходимое динамическое ускорение.

Итак, осмысливая ценностно-смысловую сущность понятия «ментальность» относительно социальной группы, можно сделать некоторые выводы:

– ментальность есть коллективно-личностное образование, представляющее собой устойчивые духовные ценности, глубинные аксиологические установки, навыки, долговременные стереотипы, рассматриваемые в определенных пространственно-временных границах, т.е. ментальность может быть рассмотрена с точки зрения темпоральности в соотношении с типологией исторического времени;

– ментальность осуществляет функцию сохранения личностью целостности, являясь сложной объективирующей духовностью личности, проявленной в нравственно-характеристических началах национального идеала;

– проявлением ментальности выступает социальная направленность личности, потенцирующая динамику ее становления и развития.

Литература

1. *Гуревич А.Я.* Проблема ментальности в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М. : Наука, 1989. Вып. 1. С. 75–89.
2. *Дубов И.Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
3. *Душков Б.А.* Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург : Деловая книга, 2002. 440 с.
4. *Кабрин В.И.* Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум образования человека ноэтического. Томск, 1999.
5. *Клочко В.Е.* Ментальное пространство личности как предмет профессионально-психологического осмысления // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность – коммуникация – толерантность. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 30–44.
6. *Крокинская О.К.* Ментальные характеристики социальной субъектности // Тезисы II Российской конф. «Философия познания: от метафоры к концепции». М., 1998. С. 12–15.
7. *Ребеко Т.А.* Ментальная репрезентация как формат хранения информации // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М. : ИП РАН, 1998. 319 с.
8. *Юнг К.* Сознание и бессознательное. СПб. ; М. : Университетская книга; АСТ, 1997. 536 с.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF MENTALITY OF LARGE SOCIAL GROUPS

Kolesnikova S.V. (Omsk)

Summary. The essence of the concept «mentality» and its substantial characteristics are revealed. Social-psychological aspects of mentality of large social groups are examined. Individual's social attitude as the main constituent of mentality.

Key words: mentality; archetypical space; attitude; national character.

ПРОБЛЕМА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Н.В. Шайдакова, Н.К. Радина (Нижний Новгород)

Аннотация. Рассматриваются основные направления развития экономической психологии в XX–XXI вв. Особое внимание уделено теме социально-психологических аспектов потребления в зарубежных и российских психологических исследованиях. Раскрываются основные перспективы и ограничения деятельностного подхода для объяснения феномена потребительского поведения.

Ключевые слова: экономическая психология; социально-психологические аспекты потребления; деятельностный подход.

Конец XX – начало XXI в. – время интенсивного развития экономической психологии, обусловленное в первую очередь рядом практических потребностей общества (Т.В. Гусева, О.С. Дейнека, Х. Дитмар, А.Л. Журавлев, А.И. Китов, П.К. Лунт и С.М. Ливингстоун, В.П. Позняков, Б.Г. Ребзуев, А.А. Савельева, В.А. Хащенко, А.Б. Фенько, Е.В. Щедрина и др.). Тем не менее психологическая наука длительное время не уделяла специального внимания изучению поведения человека в сфере экономики.

Первые попытки учета психологических факторов были связаны с невозможностью объяснения экономических феноменов в рамках представлений об «экономическом человеке» А. Смита и Д. Рикардо и были выполнены в рамках экономической науки [4]. Представители маржиналистов австрийской (К. Менгер, Ф. Визер, Э. Бем-Баверк) и математической (У. Джевонс, Л. Вальрас) школ заложили основы современной микроэкономики, где экономическое поведение человека определяется балансом субъективно оцениваемых издержек, связанных с приобретением экономических благ, и субъективно оцениваемым удовольствием, получаемым от их потребления [17. С. 67].

Однако последователи этого направления не опирались на идеи современной им психологии, а использовали наблюдения и интерпретации здравого смысла, а также некоторые идеи философии и этики. Современные представления о роли психологических факторов на макроэкономическом уровне разрабатывались в трудах американского экономиста Дж. Кейнса. Однако Кейнс уделял внимание лишь тем психологическим аспектам человеческой природы, которые не подвержены изменению в краткосрочном периоде; изменения же долгосрочного характера его не интересовали [13].

Постепенно все больше экономических направлений признавали необходимость учета более широкого спектра психологических факто-

ров, понимая, что иначе невозможно объяснить и предсказать реальное поведение человека в хозяйственной деятельности.

Как самостоятельная отрасль психологического знания экономическая психология начала формироваться в начале XX в. и связана с именем Г. Тарда, впервые употребившего термин «экономическая психология» в 1881 г. Однако говорить о формировании экономической психологии как самостоятельного направления в психологической науке можно только ближе к середине XX в. в связи с работами Дж. Катона, Г. Саймона, П.-Л. Рейно, П. Альбо [10].

Переход западного общества в эпоху постмодерна (середина 1970-х гг.), сопряженные с этим социокультурные и экономические изменения послужили толчком в развитии исследований, посвященных социально-психологическим аспектам явлений в экономике. В этот период получили свое развитие многие темы экономической психологии: собственность (Д.А. Принтайс, Л. Ферби, Н.Л. Камптнер), сбережения и долг (К.Э. Ворнерд, П.К. Лунт и С.М. Ливингстоун), повседневные экономические решения (А. Тверски, Д. Канеман), деньги, семейный бюджет (Х. Дитмар) и т.д. [9].

Развитие экономической психологии в XX в., по мнению В.П. Познякова [11], идет по двум направлениям:

– изучение психологического содержания экономических феноменов, таких как деньги, собственность, труд (Х. Дитмар, П.К. Лунт и С.М. Ливингстоун, О.С. Дейнека, А.Л. Журавлев, А.Д. Карнышев, А.И. Китов, А.Б. Фенько и др.);

– исследование феноменов, традиционно выступающих предметом социально-психологических исследований, однако акцент ставится на их экономическое наполнение (Х. Дитмар, Т.В. Гусева, Н.А. Журавлева, Б.Г. Ребзуев, А.А. Савельева, Т.В. Фоломеева, В.А. Хашенко, Е.В. Щедрина и др.).

В рамках обоих подходов к изучению психологических аспектов экономики ряд тем получил наибольшее внимание и развитие в трудах экономических психологов. Проблема владения и собственности вызывает большой интерес как среди зарубежных (Х. Дитмар, Н.Л. Камптнер, Д.А. Принтайс, П.К. Лунт и С.М. Ливингстоун), так и среди отечественных психологов (А.И. Китов, В.Д. Попов, Я.И. Жукова).

Тема отношения к деньгам в отечественной науке отражена в работах О.С. Дейнеки, А.Б. Фенько, С.Ю. Бурениной и др.

За рубежом тема денег представлена изучением психологических аспектов задолженности (С.Э. Ли, Р. Бертод, Э. Кемпсон, П.К. Лунт и С.М. Ливингстоун).

В иностранной психологии активно разрабатывалась тема безработицы (А. Фенем, А. Люис, П.К. Лунт) и нищеты (А. Фенем, П.К. Лунт, С.М. Ливингстоун).

В российской экономической психологии большой блок исследований посвящен проблемам адаптации к изменившимся экономическим условиям (О.С. Дейнека, Т.Л. Готлиб, К. Муздыбаев), а также психологическим проблемам российского предпринимательства (А.Л. Журавлев и В.П. Позняков, А.Б. Купрейченко, А.Л. Журавлев и Е.В. Шорохова, В.П. Позняков, О.И. Титова, Е.Б. Филинкова).

Многие исследователи отмечают яркий междисциплинарный характер исследований в экономической психологии. Так, на стыке с возрастной и педагогической психологией активно разрабатываются проблемы экономической социализации детей и подростков, экономического обучения и образования детей и взрослых (П. Вэбли, С.Э. Ли, Д. Лэйзер и К. Ролан-Леви, Н. Эмлер и Дж. Дикинсон, Е.В. Щедрина, Т.В. Дробышева, И.М. Осипенко, Т.В. Гусева, Б.Г. Ребзуев, А.А. Савельева). Ряд тем пользуется особой популярностью среди исследователей, в том числе тема психологии потребителя.

Зарубежная экономическая психология уделяет особое внимание теме потребительского поведения, что во многом обусловлено социокультурными и экономическими изменениями в западном обществе. Концептуальное понимание потребления не только в качестве экономического феномена было заложено в работах К. Маркса, Т. Веблена, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, М. Вебера.

Долгое время потребление рассматривалось как сугубо экономический феномен, как одна из стадий экономического круговорота [3. С. 13].

В конце XX в. потребительское поведение было переосмыслено в работах П. Бурдье, Ж. Бодрийяра в связи с концепцией «общества потребления». Потребление стало рассматриваться не как утилитарный экономический процесс, а как обмен символами, коммуникация, посредством которой человек стремится сообщить некоторую информацию о себе. Акцент в изучении потребления был перенесен со структуры потребления, его объемов, влияния на него изменений в способе производства на анализ представлений, смыслов и образов, формирующихся в сознании потребителя.

В рамках исследования потребительского поведения в психологии большое внимание на Западе было уделено теме принятия потребительского решения. До 80-х гг. прошлого века экономическая модель человека была рациональной, а психологическая – нерациональной [14].

Понимание нерациональности поведения человека было заложено в работах Г. Саймона. Согласно его взгляду, человек вместо оптимизации выбора руководствуется принципом достаточности, поскольку ограничен собственными когнитивными способностями и структурой задачи [14].

Позиция Саймона близка теории восприятия Э. Брунsvика. Обе традиции породили вероятностные модели сознания – концепции индуктивного вывода в условиях ограниченного знания. Г. Гигеренцер и Д. Голдстейн в серии экспериментов попытались обосновать новые подходы к исследованию поведения потребителей и порвать с многолетней традицией противопоставления рационального и психологического [14].

В работах Д. Канемана и А. Тверски внимание сместилось на поиск психологических механизмов переработки информации и выбора, реконструкцию ментальных моделей принятия решения [5].

В ранних работах они привлекают внимание психологов к субъективным искажениям информации (предвзятостям) и упрощенным, нерациональным механизмам принятия решений (эвристикам), к которым люди прибегают при необходимости принять решение в состоянии неопределенности. Основная идея их исследовательской программы состояла в том, что задача, с которой сталкивается индивид, претерпевает изменения – переформулируется и перекодируется. Одна из концептуальных основ, объясняющих принятие решений в условиях неопределенности в зависимости от описания задачи, получила название теории перспективы (prospect theory). Подход Канемана и Тверски сегодня доминирует в исследованиях процессов принятия решений и вынесения суждений.

Другим направлением исследований потребления стало изучение установок, влияющих на поведение потребителя. Большинство исследователей придерживаются одномерных моделей установок. Так, М. Фишбейн и И. Адзен рассматривают «теорию субъективной ожидаемой полезности», а Дж. Гутман, Дж. Олсон и Т. Рейнолдс, а также А. Ауденаэрт и Дж. Стинкамп – теорию «от средств к цели» [16].

В 80–90-е гг. XX в. в исследовании потребления наметился переход к культуральным подходам: внимание ученых привлекают связи экономической психологии с другими дисциплинами – антропологией, кросскультурными исследованиями и социологией. Х. Диттмар, А. Фенэм и А. Люис, П. Лунт используют новые методы исследования субъекта в его отношении к потреблению, происходит отход от экономических оснований объяснения явлений потребления и постепенный охват все новых пластов культурного контекста.

В России инициативы о необходимости учета психологических факторов в экономике выдвигали ведущие экономисты и социологи, в частности Л.И. Абалкин, П.Г. Бунич, А.Г. Аганбегян, Т.И. Заславская, В.В. Куликов, Г.Х. Попов. Основы отечественной экономической психологии заложили в 1980-е гг. работы А.И. Китова, В.П. Попова, А.В. Филиппова, сконцентрированные на психологии производителя, человеческом факторе в производстве, проблемах управления. Столь высокий интерес к сфере производства связан с доминировавшим в то

время марксистским пониманием политэкономии и запросами государственной экономической политики [17. С. 71].

Одним из перспективных направлений в области объяснения потребительского поведения в отечественной науке можно назвать деятельностный подход, разработанный С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, источники становления которого находятся в трудах Л.С. Выготского. К числу отечественных психологов, придерживавшихся деятельностного подхода, относятся такие известные представители психологической науки, как Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, А.Р. Лурия, В.Н. Мясищев, Д.Б. Эльконин, К.А. Абульханова-Славская и др. [6].

Согласно этому подходу деятельность – это специфически человеческая целенаправленная активность, развивающаяся во времени, социальная, т.е. вызывается общественно значимыми целями, подчинена общественным нормам и корректируется ими, конституируется общественными средствами и орудиями [12. С. 121]. Потребление мы рассматриваем как один из видов деятельности, оно включает в себя все характеристики деятельности в рамках этого подхода.

Анализ потребления с точки зрения деятельностного подхода можно провести, обратившись к структуре деятельности, предложенной А.Н. Леонтьевым. Иерархическая структура деятельности включает в себя три уровня.

Первый – особая деятельность, характеризуемая предметом и мотивом. А.Н. Леонтьев отмечает, что деятельности без мотива не может быть, а «немотивированная» деятельность – это деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом [8].

Второй уровень представлен действием – процессом, подчиненным сознательной цели. Действие выводится из деятельности, но вместе с тем деятельность и действие могут представлять собой подлинные и притом не совпадающие реальности. Одно и то же действие может осуществлять разные деятельности, может переходить из одной деятельности в другую.

Третий уровень деятельности – операция – способ осуществления действия. Если действия соотносительны с целями, то операции – с условиями.

А.Н. Леонтьев отмечает высокую подвижность структурных компонентов деятельности, их дробление или укрупнение, а также возможную трансформацию одного уровня в другой.

Как отмечают А.Н. Лебедев и А.К. Боковиков, в соответствии с деятельностным подходом окончательный выбор потребителем предметов удовлетворения потребностей осуществляется в условиях практической деятельности и согласно цели выполняемых им действий. Товар приобретает для некоторой деятельности, и на него переносятся требования, предъявляемые к самой деятельности [7].

Существующие с точки зрения данного подхода противоречия между сознанием и поведением устраняются в условиях выполнения деятельности. Если сознание подвержено влиянию различных факторов, характеризующих декларируемые мнения, предпочтения, установки человека, то действия могут вступать в противоречие с условиями жизни и реальным социальным окружением, а также осуществляться под влиянием неосознанных мотивов.

Все это формирует опыт, на основе которого осуществляется потребительское поведение в дальнейшем. А потребительская ценность вещи определяется ее системно-деятельностными характеристиками, т.е. включенностью во всевозможные отношения с действительностью [7].

В рамках деятельностного подхода факторы любой модели поведения потребителя будут проявляться только в соответствии с требованиями, задаваемыми деятельностью человека, а воздействие на сознание потребителей носит менее устойчивый характер, чем условия жизни человека.

Тем не менее изучение потребления с точки зрения деятельностного подхода имеет ряд ограничений. В первую очередь сильное влияние марксизма, служившего методологической базой для отечественной науки, на трактовку понятия деятельности [18].

Понимание деятельности в рамках воздействия субъекта на объект ограничивало ее предпоследним звеном – осуществлением человеком производительной деятельности с акцентом на изменениях во внешнем, объективном мире, а потребление не входило в поле зрения психологии.

Кроме этого, по мнению С.Д. Смирнова [15], попытки распространить деятельностный подход на описание процессов, непосредственно реализующих деятельность, наталкиваются на определенные трудности.

В человеческом потреблении – даже не нагруженном какими-либо дополнительными мотивами (самоутверждение, общение, экономия и пр.) – сложно точно выделить структурные компоненты. Потребление может быть самостоятельной деятельностью либо рассматриваться в качестве подготовительного компонента – генезиса себя в качестве субъекта некоторой новой деятельности.

Критику деятельностного подхода только предстоит преодолеть. Выявленные сложности в его применении для изучения потребления доказывают необходимость исследований в этой области.

Итак, подведем итоги анализа социально-психологических исследований потребительского поведения, неразрывно связанного с развитием экономической психологии в целом.

1. Приобретая самостоятельность в середине XX в., экономическая психология в эпоху постмодерна (начиная с 1970-х гг.) продемонстри-

ровала устойчивое положение среди отраслей психологического знания. Основными темами исследований стали психологические аспекты собственности, деньги, сбережения и долг, безработица и нищета, экономическая социализация и т.д.

2. В отечественной экономической психологии большее внимание уделялось сфере производства. Кроме того, значительное внимание, особенно со стороны российских психологов, было уделено вопросам предпринимательства и адаптации к изменяющимся экономическим условиям.

Центральной темой в западной экономической психологии в связи с множественными социокультурными изменениями стала тема потребительского поведения, основные аспекты изучения – принятие потребительского решения, роль установок, влияние культурного контекста.

3. В качестве одного из наиболее перспективных подходов к объяснению феномена потребления в российской психологии можно назвать теорию деятельности.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности. М. : Изд-во МГУ, 1990.
2. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. М. : Академический Проект, 2007.
3. *Борисов Е.Ф.* Экономическая теория. М. : Юрайт Издат, 2005.
4. *Дейнека О.С.* Экономическая психология: социально-политические проблемы. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999.
5. *Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психол. журн. 2003. Т. 24, № 4. С. 31–42.
6. *Котова И.Б., Леценко Ю.Е.* Исследование личности в отечественной психологии: деятельностный и персоналистический подходы // Сб. науч. тр. Сер. Гуманитарные науки / Северо-Кавказский гос. техн. ун-т. Ставрополь, 2001. № 6. С. 60–64.
7. *Лебедев А.Н., Боковиков А.К.* Влияние ролевой установки на экономическое поведение российских потребителей // Вопр. психол. 1995. № 3. С. 46–52.
8. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. С. 76.
9. *Лунт П.* Психологические подходы к потреблению: вчера, сегодня, завтра // Иностранная психология. 1987. № 9. С. 8–16.
10. *Малахов С.В.* «Экономический человек» и рациональность экономической деятельности (обзор зарубежных исследований) // Психол. журн. 1990. № 6. С. 38–47.
11. *Позняков В.П.* Экономическая психология в XXI веке. Опыт и перспективы взаимодействия. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/publikacii/rossijskie4/n14poznyako.html
12. *Радзиховский Л.А.* Деятельность: структура, генез, единицы анализа // Вопр. психол. 1983. № 6. С. 121–127.
13. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М. : Прогресс, 1968.
14. *Сивуха С.В.* Экономическая психология на пороге тысячелетий (анализ зарубежных исследований) // Проблемы экономической психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М. : Ин-т психол. РАН, 2004. Т. 1. С. 83–106.

15. *Смирнов С.Д.* Общепсихологическая теория деятельности: перспективы и ограничения (к 90-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 94–101.
16. Социальная психология потребителя : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ричард П. Багоцци, Цейнеп Гёрхан-Канли, Йозеф Р. Пристер ; пер с англ. А.В. Александровой, С.А. Семеновой ; науч. ред. рус. текста Т.В. Фоломеева. М. : Академия, 2008.
17. *Спасенников В.В.* Экономическая психология. М. : ПЭРСЭ, 2003.
18. *Ярошевский М.Г.* Марксизм в советской психологии // Репрессированная наука. СПб. : Наука, 1994. Вып. 2. С. 24–44.

THE ISSUE OF CONSUMER BEHAVIOR IN RUSSIAN AND FOREIGN ECONOMIC PSYCHOLOGY

Shaidakova N.V., Radina N.K. (Nizhniy Novgorod)

Summary. The main concepts of economic psychology of XX–XI century are presented in this paper. Social-psychological aspects of study of consumer behavior in foreign and Russian psychological studies are intimately examined. The main perspectives and limitations of theory of activity in relations of interpreting consumer behavior are shown.

Key words: economic psychology; social-psychological aspects of consumption; theory of activity.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ

И.В. Габер (Новосибирск)

Аннотация. Удовлетворенность качеством жизни рассматривается как интегральный показатель психологического здоровья работников образования. Представлен анализ взаимосвязи психологических факторов (копинг-стратегии, уровень субъективного контроля, психологическая ригидность, аффилиация и чувствительность к отвержению, мотивация достижения успеха, потребность достижения цели, способность воспринимать социальную поддержку) с уровнем удовлетворенности качеством жизни работников образования.

Ключевые слова: удовлетворенность качеством жизни; психологические факторы.

Феномен «удовлетворенность качеством жизни» имеет ярко выраженное психологическое содержание, поскольку выступает важным психологическим регулятором жизнедеятельности человека в целом и показателем состояния процессов социально-психологической адаптации личности к изменяющимся социально-экономическим условиям [5, 11]. Успешная адаптация личности, в свою очередь, лежит в основе целеполагания при организации здоровьесберегающей и профилактической деятельности в образовательной среде.

Если учесть, что образовательная среда, характеризуясь высокой степенью подвижности и изменчивости в современных условиях, требует от работников образования высокого уровня развития адаптационных процессов и психической гибкости, то становится понятно, насколько значимым является постижение природы тех психологических изменений, которые сопровождают процессы трансформации педагогической профессиональной деятельности. Ведь работник образования находится в постоянном взаимодействии с детьми и подростками, являясь для них примером адаптивного поведения в изменяющихся обстоятельствах современной жизни. В противном случае, когда в результате дезадаптации у педагога развивается синдром профессионального «выгорания», наблюдается негативное влияние на личностные характеристики и успешность деятельности школьников. Одним из индикаторов выраженности синдрома выгорания является сниженная удовлетворенность качеством жизни, которая может быть как его причиной, так и следствием [2, 12, 13].

Выявление и развитие психологических факторов, определяющих удовлетворенность качеством жизни работников образования в изменяющихся условиях профессиональной деятельности, и составляет проблему психологии здоровья работника образования, которая стала центральной в данном исследовании.

Решение этой проблемы актуально как для психологии личности, так и для педагогики, поскольку позволяет расширить научные знания не только об особенностях восприятия личностью собственной жизнедеятельности, но и об особенностях профессионально важных качеств педагога при осуществлении здоровьесберегающей и профилактической деятельности в образовательной среде. В практическом плане такое знание является основой для разработки различных технологий коррекционно-развивающей работы.

Теоретический анализ научных исследований субъективной удовлетворенности качеством жизни позволяет рассматривать ее как интегральный показатель психологического здоровья и, в частности, как индикатор стрессоустойчивости. Однако если психологические механизмы совладания со стрессом нашли отражение в теории копинг-поведения и копинг-ресурсов, основанной на работах Р. Лазаруса и С. Фолькмана [14, 16, 18, 19], то психологические механизмы, детерминирующие субъективную удовлетворенность качеством жизни работников образования, рассматриваются весьма ограниченным кругом авторов [7, 11].

Основная гипотеза данного исследования заключается в том, что удовлетворенность работников образования качеством своей жизни зависит от комбинации предпочитаемых ими копинг-стратегий, выбор которых опосредован такими системными личностными конструктами-континуумами, как «интернальность – экстернальность», «ригидность – гибкость», «мотивация аффилиации – страх отвержения», «мотивация достижения успеха – избегание неудачи», а также связан с выраженностью потребности в достижении цели и способности воспринимать социальную поддержку.

Целью исследования явилось установление частоты встречаемости среди работников образования разных уровней удовлетворенности качеством жизни и изучение особенностей проявления указанных выше психологических факторов.

В исследовательскую выборку были включены слушатели курсов повышения квалификации по теории и методике здоровьесберегающей и наркопрофилактической деятельности среди детей и подростков. Возраст исследованных был в диапазоне от 23 до 62 лет, стаж работы – от 1 до 18 лет. В изучаемую группу вошли психологи, социальные педагоги, воспитатели групп продленного дня и методисты. Исследование проводилось на кафедре охраны здоровья и ОБЖ Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Предметом исследования явились психологические факторы, определяющие субъективную удовлетворенность качеством жизни работников образования.

В проведенном исследовании были использованы следующие методики: «Шкала оценки качества жизни» Н.Е. Водопьяновой в модификации Н.П. Фетискина, Т.И. Мироновой [17. С. 536–540], копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолькмана в модификации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой [10. С. 93–112], диагностика уровня субъективного контроля Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинды [15. С. 104–109], измерения психологической ригидности [1. С. 42–44], оценка мотивации аффилиации А. Мехрабяна, Н. Эпштейна [6. С. 373–375], «Потребность в достижении цели» Ю.М. Орлова [6. С. 414–415], опросник Реана для оценки мотивации успеха [6. С. 382–383], многомерная шкала восприятия социальной поддержки Д. Зимета в модификации В.М. Ялтонского и Н.А. Сирота [8]. Проведена математико-статистическая обработка эмпирических данных: вычисление описательных статистик, ранжирование, корреляционный анализ, сравнительный анализ показателей по t-критерию Стьюдента.

Методика «Шкала оценки качества жизни» содержит 36 вопросов, относящихся к удовлетворенности в следующих сферах индивидуальной жизни: работа, личные достижения, здоровье, общение с близкими людьми, поддержка (внутренняя и внешняя – социальная), оптимистичность, напряженность (физический и психологический дискомфорт), самоконтроль, негативные эмоции (настроение). Вследствие этого она может выявить сферы жизнедеятельности, вызывающие наибольший дискомфорт или неудовлетворенность.

Анализ полученных данных позволил разделить всю исследовательскую выборку на несколько групп, отличающихся друг от друга индексом качества жизни (ИКЖ): 1-я группа – высокий ИКЖ (36% испытуемых), 2-я группа – средний (46% испытуемых), 3-я группа – низкий ИКЖ (18% испытуемых). Показатели между группами имели статистически значимые различия (рис. 1).

Наибольший дискомфорт в исследуемой выборке работников образования вызывает сфера самоконтроля и самообладания (трудности в принятии решений, объем возлагаемых на себя обязательств, способность справляться с тревогой в новой ситуации), а также сфера негативных эмоций (вина, стыд, гнев, страх, тревога, обида), особенно в 3-й группе.

Дальнейший анализ показал отсутствие корреляционной зависимости между уровнем удовлетворенности качеством жизни и возрастом, стажем трудовой деятельности или специальностью испытуемых. Было сделано предположение, что представители 3-й группы имеют меньшую удовлетворенность качеством жизни в связи с выбором определенных копинг-стратегий поведения и особенностями развития личностных ресурсов.

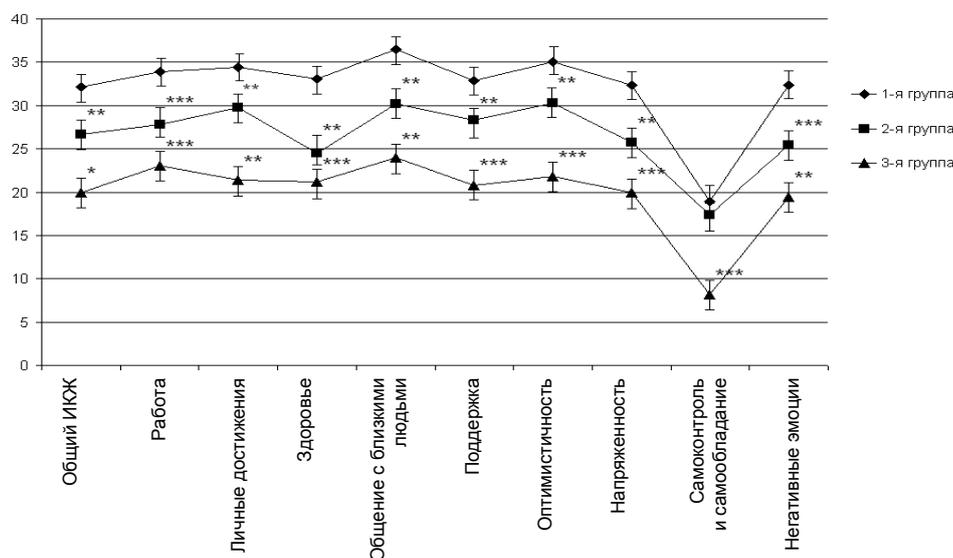

Рис. 1. Результаты оценки индекса качества жизни (ИКЖ) испытуемых в баллах.
* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$ по сравнению с 1-й группой

Среди базисных копинг-стратегий выделяют «планирование решения проблемы», «поиск социальной поддержки» и «избегание проблем». Стратегия планового решения проблемы состоит в выработке плана действий и следовании ему. Поиск социальной поддержки состоит из усилий индивида найти в обществе информационную, материальную и эмоциональную помощь. В работах Фолькмана и Лазаруса выделено еще 5 копинг-стратегий. «Конфронтация», или «противостояние» ситуации, выражается в агрессивных усилиях человека изменить ситуацию, проявлении неприязни и гнева в отношении того, что создало проблему. «Дистанцирование» заключается в попытках индивида отделить себя от проблемы, забыть о ней. «Самоконтроль» выражается в стремлении регулировать свои чувства и действия, контролировать негативные эмоциональные реакции. «Принятие ответственности» заключается в признании своей роли в порождении проблемы, признании вины, самокритике, попытке не повторять прежних ошибок. «Положительная переоценка» заключается в том, что любое событие, даже самое негативное, переоценивается в положительном ключе, человек пытается справиться с трудностями путем интерпретации обстановки в позитивных терминах [14, 18, 19].

В результате проведенного исследования получены данные, отражающие особенности применения копинг-стратегий в группах с разным ИКЖ. Среднегрупповые параметры выраженности копинг-стратегий представлены в табл. 1. При сравнении групп видно, что испытуемые, объединенные в 3-ю группу, достоверно реже используют стратегию «планирование решения проблемы» и чаще – «конфронтативный копинг», «дистанцирование» и «бегство – избегание».

Ранжирование копинг-стратегий в группах с разным ИКЖ позволило выявить предпочитаемые стратегии и их комбинации (табл. 2). Преобладающими стратегиями в 1-й и 2-й группах оказались стратегии «планирование решения проблемы», «положительная переоценка» и «поиск социальной поддержки». В самую последнюю очередь представители этих групп применяли стратегии «избегание», «конфронтация» и «дистанцирование».

Т а б л и ц а 1
Выраженность копинг-стратегий в группах с разным ИКЖ, %

Копинг-стратегии	Исследуемые группы			Нормы для оценки результатов теста		
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Конфронтативный копинг	38,3±4,1	53,5±4,6	58,0±5,2*	65–94	37–64	6–36
Дистанцирование	39,4±4,3	53,5±4,6	58,0±5,2*	65–94	37–64	6–36
Самоконтроль	58,6±3,4	65,1±3,4	53,6±3,4	79–100	55–78	19–54
Поиск социальной поддержки	68,8±4,7	69,5±5,4	64,8±9,0	75–100	42–74	0–41
Принятие ответственности	57,6±4,7	59,1±5,2	68,4±8,1	80–100	47–79	0–46
Бегство – избегание	36,5±3,5	43,7±5,0	57,6±5,5*	56–96	32–55	13–31
Планирование решения проблемы	83,7±3,8	79,4±3,1	56,6±10,2*	86–100	59–85	11–58
Положительная переоценка	74,7±4,3	67,6±4,2	72,4±2,7	74–100	46–73	14–45

* $p < 0,05$ (по сравнению с 1-й группой).

В 3-й группе предпочитаемые стратегии выглядели по-иному. В первую очередь представители этой группы прибегали к стратегии «положительная переоценка», затем «принятие ответственности» и «поиск социальной поддержки». В самую последнюю очередь в этой группе использовались стратегии «самоконтроль» и «планирование решения проблемы» (см. табл. 2).

Следовательно, одной из психологических детерминант, определяющих субъективное благополучие человека, является предпочтение копинг-стратегии «планирование решения проблемы» и сдержанное использование стратегий «бегство – избегание», «конфронтативный копинг» и «дистанцирование». Крайне неблагоприятным сочетанием является предпочтение стратегии «принятие ответственности» при сла-

бом использовании стратегий «планирование решения проблемы» и «самоконтроль».

Таблица 2
Ранжирование копинг-стратегий в группах с разным ИКЖ

Ранг	1-я группа	2-я группа	3-я группа
1	Планирование решения проблемы	Планирование решения проблемы	Положительная переоценка
2	Положительная переоценка	Поиск социальной поддержки	Принятие ответственности
3	Поиск социальной поддержки	Положительная переоценка	Поиск социальной поддержки
4	Самоконтроль	Самоконтроль	Дистанцирование
5	Принятие ответственности	Принятие ответственности	Конфронтативный копинг
6	Дистанцирование	Дистанцирование	Бегство – избегание
7	Конфронтативный копинг	Конфронтативный копинг	Планирование решения проблемы
8	Бегство – избегание	Бегство – избегание	Самоконтроль

В результате корреляционного анализа между параметрами качества жизни и копинг-стратегиями обнаружено следующее (табл. 3).

Таблица 3
Корреляционный анализ связей параметров качества жизни и копинг-стратегий

Показатели качества жизни: удовлетворенность	Конфронтативный копинг	Дистанцирование	Самоконтроль	Поиск социальной поддержки	Принятие ответственности	Бегство – избегание	Планирование решения проблемы	Положительная переоценка
Общий ИКЖ	-0,30	-0,33	-0,08	0,09	-0,26	-0,41*	0,65***	0,22
Работа	-0,46*	-0,36	0,10	-0,19	-0,15	-0,45*	0,32	0,05
Личные достиж.	-0,15	-0,32	0,09	0,22	-0,17	-0,33	0,65***	0,22
Здоровье	-0,2	-0,17	-0,15	-0,01	0,16	-0,09	0,20	0,08
Общение с близ.	-0,24	-0,09	0,21	0,25	-0,23	-0,26	0,66***	0,22
Поддержка	-0,3	-0,36	0,03	-0,06	-0,23	-0,50**	0,44*	0,15
Оптимистичность	-0,13	-0,20	0,28	0,05	-0,29	-0,31	0,72***	0,31
Напряженность	-0,34	-0,51**	-0,12	0,18	-0,38*	-0,41*	0,50**	0,14
Самоконтроль и самообладание	-0,20	-0,21	0,20	-0,02	-0,38*	-0,38*	0,68***	0,30
Нег. эмоции	-0,19	-0,19	-0,02	0,19	-0,26	-0,34	0,63***	0,14

Примечание. Приведены значения коэффициента линейной корреляции по Пирсону.
* p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

1. Повышение интенсивности стратегии разрешения проблем положительно влияет на удовлетворенность личными достижениями, общением с близкими людьми, внутренней и внешней поддержкой, повышает оптимистичность, снижает напряженность (выше устойчивость к различным стрессовым воздействиям), повышает удовлетворенность самоконтролем и самообладанием (способность к адаптации в новых условиях, эффективное распределение своих и чужих обязательств, уменьшение затруднений в принятии решений), снижает интенсивность разрывающих негативных переживаний.

2. Повышение интенсивности копинг-стратегии «бегство – избегание» отрицательно влияет на все параметры качества жизни.

3. Копинг-стратегия «конфронтативный копинг» отрицательно влияет на удовлетворенность профессиональной сферой жизнедеятельности.

4. Напряженность возрастает как в случае применения стратегий «бегство – избегание» и «дистанцирование», так и в случае использования стратегии «принятие ответственности». А вот «планирование решения проблемы» повышает комфортность по этому параметру.

5. Стратегия «принятие ответственности» снижает комфортность по параметру качества жизни «самоконтроль и самообладание». И вновь на помощь приходит стратегия «планирование решения проблемы», которая оказывает существенное положительное влияние на удовлетворенность этой сферой жизнедеятельности.

В соответствии с выдвинутой гипотезой выбор той или иной копинг-стратегии опосредован такими системными личностными конструктами-континуумами, как «интернальность – экстернальность», «ригидность – флексибельность», «мотивация аффилиации – страх отвержения», «мотивация достижения успеха – избегание неудачи», а также связан с выраженностью потребности в достижении цели и способности воспринимать социальную поддержку. Среднегрупповые параметры проявления этих психологических факторов представлены в табл. 4.

Личностный конструкт «интернальность – экстернальность» означает систему убеждений человека относительно источника собственной активности и определяет причину его жизнедеятельности в нем самом (интернальный локус контроля) или в различных внешних воздействиях окружающей среды (экстернальный локус контроля). При межгрупповом сравнении видно, что в 1-й группе имеет место явное преобладание интернальности в области достижений над показателями интернальности в области неудач на фоне общих невысоких показателей интернальности практически по всем шкалам.

Это свидетельствует о выраженной позиции искать причины неудач по преимуществу в действиях других людей, стечении обстоятельств и других внешних факторах, а причины жизненных успехов в

большей степени приписывать собственным заслугам. Такая позиция, вероятно, позволяет сохранять субъективное благополучие, особенно на фоне дискомфорта в сфере самоконтроля и самообладания.

Т а б л и ц а 4

Выраженность психологических факторов в группах с разным ИКЖ

Параметры оценки	1-я группа	2-я группа	3-я группа
1. Общая интернальность (стены)	3,0±0,26	3,45±0,28	4,2±0,2*
1.1. Интернальность в области достижений	5,1±0,18	5,0±0,33	5,0±0,45
1.2. Интернальность в области неудач	3,6±0,43	4,36±0,28	4,8±0,37*
1.3. Интернальность в семейных отношениях	5,0±0,33	5,0±0,38	5,4±0,24
1.4. Интернальность в производственных отношениях	4,4±0,67	4,09±0,25	4,4±0,68
1.5. Интернальность в межличностных отношениях	4,9±0,28	5,36±0,20	5,0±0,32
1.6. Интернальность в отношении здоровья и болезни	4,5±0,40	4,55±0,28	5,6±0,51
2. Психологическая ригидность (баллы)	16,3±1,24	20,54±1,12	22,60±1,44**
3. Мотивация аффилиации (баллы)	0,97±0,19	1,55±0,24	1,19±0,42
4. Чувствительность к отвержению (баллы)	0,16±0,39	0,89±0,31	0,97±0,31
Корреляция между п. 3 и 4	$r = -0,346$	$r = 0,502$	$r = 0,933*$
5. Потребность в достижении цели (баллы)	14,9±0,57	14,6±0,65	12,6±0,98*
6. Мотивация успеха (баллы)	14,6±1,10	14,77±0,51	13,00±1,70
7. Восприятие социальной поддержки (баллы)	3,93±0,04	3,67±0,16	3,19±0,38
Корреляция между п. 6 и 7	$r = 0,699*$	$r = 0,190$	$r = -0,648$

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$ (по сравнению с 1-й группой).

В 3-й группе общая интернальность, а также интернальность в области неудач достоверно выше, чем в 1-й. Кроме того, в 3-й группе обнаружена достоверная отрицательная корреляция между интернальностью в области неудач (признание ответственности за свои неудачи) и копинг-стратегией «планирование принятия решения» ($r = -0,860$, $p < 0,05$). Очевидно, что такое сочетание механизмов регуляции вызывает дискомфорт и неудовлетворение. При этом по мере снижения удовлетворенности качеством жизни обнаружено увеличение психологической ригидности. Уровень психологической ригидности в 3-й группе на 40% выше, чем в 1-й.

Полученные данные согласуются с теорией фиксированных форм поведения [3, 4, 9], согласно которой психологическое содержание феномена ригидности проявляется в неспособности личности изменить свое поведение в связи с изменением ситуации (в данном исследовании – низкий уровень использования стратегии «планирование решения проблем»), в приверженности к однотипному образу действия, низком уровне поисковой активности (в данном исследовании – высокий уровень использования стратегии «бегство – избегание»), что приводит, как показано, к снижению удовлетворенности качеством жизни.

Интересно отметить, что психологическая ригидность прямо коррелирует с общей интернальностью ($r = 0,422$, $p < 0,05$) и чувствительностью к отвержению ($r = 0,572$, $p < 0,01$). Вероятно, снижение удовлетворенности качеством жизни связано с появлением деструктивных эмоций на фоне повышения интернальности в области неудач и чувствительности к отвержению при сниженной способности изменить свое поведение.

Согласно теории мотивации аффилиации выделяют две тенденции этого мотива: ожидание с надеждой на аффилиацию и ожидание со страхом отвержения. Авторы теории аффилиации показали, что лица, у которых она доминирует, воспринимают других людей более позитивно и более похожими на себя. Им нравятся те, кто их окружает, и они пользуются у них ответной симпатией и популярностью. То, что в социальных ситуациях они чаще используют позитивные межличностные признаки, побуждает незнакомых людей к позитивному общению. Так возникает цикл позитивных общений, порождающий при взаимодействии с незнакомым человеком ощущение доверия и комфорта. Доминирование ожидания со страхом отвержения (чувствительность к отвержению) отражает неудовлетворительное состояние навыков общения и тенденцию попадать в безвыходный круг общения, закрепляющий чувство неадекватности и неспособности справляться с межличностными отношениями [20].

В данной работе выявлено, что мотивация аффилиации и чувствительность к отвержению имеют тенденцию к усилению по мере снижения удовлетворенности качеством жизни. Однако если внутри 3-й группы эти психологические факторы положительно коррелируют между собой, проявляя стремление к амбивалентности, то в 1-й группе отмечается противоположная тенденция: при усилении мотива аффилиации ослабевает чувствительность к отвержению (табл. 4), что является признаком положительной аффилиации, повышает стрессоустойчивость и защищает от дискомфорта.

По мере снижения удовлетворенности качеством жизни статистически достоверно ослабевает потребность всегда достигать поставленных целей. Также ослабевает мотивация успеха и способность воспринимать социальную поддержку (см. табл. 4).

Корреляционный анализ между параметрами качества жизни и психологическими факторами показал, что наибольшее влияние на повышение удовлетворенности качеством жизни оказывают выраженность потребности в достижении цели ($r = 0,46$, $p < 0,05$) и способности воспринимать социальную поддержку ($r = 0,45$, $p < 0,05$). Психологическая ригидность и смещение локуса контроля в области неудач к полюсу интернальности отрицательно сказываются на удовлетворенности качеством жизни ($r = -0,54$, $p < 0,01$ и $r = -0,48$, $p < 0,05$ соответственно).

Обобщая характеристику группы с низким индексом качества жизни, можно говорить о свойственном для нее предпочтении использовать копинг-стратегии «положительная переоценка» и «принятие ответственности», более частом использовании копинг-стратегий «конфронтация», «дистанцирование» и «бегство – избегание» при низком уровне применения стратегий «планирование решения проблемы» и «самоконтроль». Проведенные исследования продемонстрировали, что удовлетворенность качеством жизни прямо зависит от выраженности потребности достигать поставленных целей, мотивации достижения успеха, способности воспринимать социальную поддержку. Снижение удовлетворенности качеством жизни сопровождается усилением психологической ригидности, интернальности в области неудач и чувствительности к отвержению. Очевидно, что повышение склонности обвинять самого себя в разнообразных неприятностях и страданиях на фоне сниженной способности личности изменить свое поведение в связи с изменением ситуации, приверженности к однотипному образу действия, низкого уровня поисковой активности являются психологическими детерминантами снижения устойчивости к стрессовым воздействиям и причинами низкой удовлетворенности качеством жизни, что наиболее ярко отразилось на сфере самоконтроля и негативных эмоций.

Таким образом, удовлетворенность качеством жизни оказывается зависимой от определенной комбинации копинг-стратегий. С другой стороны, выбор копинг-стратегий опирается на такие индивидуальные характеристики личности, как психологическая ригидность – гибкость, чувствительность – толерантность к отвержению, потребность в достижении цели, мотивация достижения успеха и способность воспринимать социальную поддержку.

Следовательно, в целях сохранения и развития психологического здоровья работников образования, повышения их стрессоустойчивости, а также развития профессионально важных качеств для осуществления здоровьесберегающей и профилактической деятельности в образовательной среде, проявляющихся в различном уровне удовлетворенности качеством жизни, необходимо внедрение в процесс профессионального дополнительного образования технологий коррекционно-развивающей работы.

Эти технологии направлены на оптимизацию использования копинг-стратегий совладающего поведения, развитие психологической гибкости, устойчивости к негативным эмоциям, мотива аффилиации и толерантности к отвержению, потребности достижения цели, мотивации достижения успеха и способности воспринимать социальную поддержку.

Полученные результаты являются основанием для переосмысления условий ценностно-профессионального самоопределения и про-

фессионального становления педагогов в условиях модернизации образования. Неотъемлемой частью программ подготовки педагогов в системе высшего профессионального и последипломного образования должно стать развитие личностных ресурсов, необходимых для становления профессионально важных характеристик, обеспечивающих требуемое качество педагогического процесса и достижение результатов образования, заявленных в федеральных государственных образовательных стандартах второго поколения. Кроме того, эти же личностные ресурсы необходимы для сохранения и развития психологического здоровья, оптимальной трудоспособности и социальной активности учителя.

Литература

1. Батаршев А.В. Методика измерения ригидности // Базовые психологические свойства и профессиональное самоопределение личности: практическое руководство по психологической диагностике. СПб. : Речь, 2005. С. 42–44.
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2008. 336 с.
3. Галажинский Э.В. Ригидность как общесистемное свойство человека и самореализация личности // Материалы конф. «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии» (20 апреля 2001 года). Караганда : Каргу, 2001. С. 38–48.
4. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. Томск : ТГУ, 2004. 458 с.
5. Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М. : Смысл, 2009. 320 с.
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2006. 512 с.
7. Казакова У.А. Ценностные приоритеты преподавателей высшей школы и их удовлетворенность качеством жизни // Казан. педагог. журн. Казань : Магариф, 2008. № 7. С. 13–22.
8. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология : учеб. М., 2004. 553 с.
9. Козлова Н.В. Развитие теории фиксированных форм поведения Г.В. Залевского // Сиб. психол. журн. 2008. № 27. С. 11–17.
10. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журн. практ. психолога. М., 2007. № 3. С. 93–112.
11. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью // Общество и политика / под ред. В.Ю. Большакова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 476–510.
12. Малярчук Н.Н. Здоровьесозидающая деятельность педагогов // Педагогика. 2009. № 1. С. 55–59.
13. Мерзлякова Д.Р. Пути воздействия синдрома выгорания учителя начальных классов на личностные характеристики и учебную деятельность учеников // Психол. наука и образование. 2011. № 2. URL: <http://www.psyedu.ru>. (дата обращения: 23.08.2011 г.).
14. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 100–111.
15. Практическая психология для менеджеров / под ред. М.К. Тутушкиной. М. : Филинь, 1996. 368 с. (С. 104–109).
16. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Профилактика наркомании и алкоголизма: учеб. пособие для студ. вузов. М. : Академия, 2008. 265 с.

17. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Психотерапия, 2009. 544 с.
18. *Folkman S., Lazarus R.S.* Coping as a mediator of emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984. Vol. 54. P. 466–475.
19. *Lazarus R.S., Folkman S.* Coping and adaptation // *The handbook of behavioral medicine*. N.Y. : Guilford, 1984. P. 282–325.
20. *Mehrabian A., Ksionzky S.* A theory of affiliation. D.C. Heath, Lexington, Mass, 1974.

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF CONTENTMENT BY QUALITY OF LIFE OF EDUCATORS

Gaber I.V. (Novosibirsk)

Summary. Contentment by quality of life is considered as a generalized indicator of psychological health of educators. The analysis of interrelation of psychological factors is presented (coping-strategies, level of subjective control, psychological rigidity, affiliation and sensitivity to a rejection, motivation of achievement of success, requirement of achievement of the purpose, ability to perceive social support) with level of contentment by quality of life of educators.

Key words: contentment by quality of life; psychological factors.

В ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГУ: ИССЛЕДОВАТЕЛЮ И ПРАКТИКУ

УДК 159

МЕТОД КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА В РАБОТЕ С ТЕСТОМ РИСУНОЧНОЙ ФРУСТРАЦИИ С. РОЗЕНЦВЕЙГА

II. Контроль и критичность, динамика, инструментальный аспект

М.Г. Виноградова, А.Л. Рыжов (Москва)

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Социально детерминированные формы нарушения самоидентичности» № 11-06-00257а

Аннотация. Авторы продолжают рассматривать возможности метода качественного анализа данных теста «Рисуночная фрустрация» С. Розенцвейга. Подробно описываются феномены, проявляющиеся при анализе контроля и критичности, динамики, а также инструментального аспекта деятельности испытуемого. Обсуждаются ограничения интерпретации результатов методики в терминах гипотезы фрустрации-агрессии.

Ключевые слова: метод рисуночной фрустрации Розенцвейга; качественный анализ; контроль и критичность; динамика ответов; средства коммуникации; управление агрессивными импульсами.

КОНТРОЛЬ И КРИТИЧНОСТЬ

Вероятно, ничто не проявляется так ярко в клинической практике использования теста Розенцвейга, как нарушения контроля и критичности. Методика носит «полупроективный» характер, т.е. подразумевается, что она дает достаточные возможности для того, чтобы испытуемый мог контролировать свое поведение.

Нормативное выполнение методики предполагает имманентную способность обследуемого к разграничению социальных шаблонов поведения и внутренних переживаний. Стимульный материал отсылает к ситуациям социального (межличностного) взаимодействия, при этом инструкцией задается лимит времени, что и провоцирует преобладание реакций на поверхностном (социальном) уровне, в отличие от других проективных методик, обращающихся к более «глубоким» внутриличностным конфликтам, интимным переживаниям. Способный к различению этих двух планов испытуемый не будет чрезмерно направленным на отражение в ответе нюансов своих переживаний, мотивов, что соответствует привычному повседневному социальному функционированию.

Испытуемому даже с невысоким интеллектуальным уровнем доступно понимание (пусть и ложное) направленности методики на исследование поведения, того, что его ответы будут оценены с точки зрения социальной приемлемости и могут иметь нежелательные последствия в плане режима и сроков пребывания в стационаре, решения экспертных вопросов, постановки диагноза и пр. Кроме тех случаев, когда мотивация испытуемого предполагает стремление давать неприемлемые, асоциальные ответы, мы можем ожидать появления социально одобряемых реакций. Определение нарушений критичности и контроля возможно только при учете особенностей мотивации: грубые, провокационные ответы могут отражать стремление к браваре, установку на симуляцию, дефицит социальной направленности поведения (нарушения на мотивационном уровне) или возникать спорадически, входя в противоречие с интересами самого испытуемого (нарушения контроля).

При выделении критериев оценки критичности и контроля требуется понимание специфики методики, в которой нет правильных и неправильных ответов. О нарушениях мы можем судить не по ошибкам и отношению к ним (что традиционно для патопсихологического эксперимента), а по недостаточному соотношению своих действий с их последствиями, недооценке ситуации, необдуманному, непосредственному реагированию.

Типичным проявлением недостаточности контроля и критичности являются грубые, нецензурные ответы, ответы, предполагающие физическую агрессию, нарушение социальных норм поведения. Плохо сдерживаемые импульсивные реакции, которые тут же исправляются испытуемым, также должны быть оценены. Наиболее яркие проявления мы встречаем у испытуемых с лобной патологией, при отягощенной олигофрении. Частой особенностью импульсивных ответов является то, что они отличаются не типом и направлением реакции, а интенсивностью, особенностями вербализации, т.е. кодированные по формальной схеме, они могут остаться без внимания (хотя едва ли будут незаметны клиницисту).

Недостаточная критичность может проявляться также в недооценке препятствия в воображаемой ситуации. Здесь важно внимательно рассмотреть ответы, в которых игнорируется наличие преграды, декларируется всемогущество персонажей, предлагаются неожиданные, «магические» разрешения. О недостаточной критичности может свидетельствовать и фрагментарный анализ ситуации, приводящий к предложению неадекватных реплик (ситуация 4, «Ехайте быстрее, а то опоздаете!»).

Другой класс проявлений – нарушения дистанции по отношению к экспериментатору: иногда это критика в его адрес («что за тупые картинки!», «за кого вы меня принимаете?!»), иногда отождествление экспериментатора с изображенным «фрустратором». Подобные реак-

ции могут отражать невозможность удержания напряжения, трудности контроля над аффектом (склонность к «отыгрыванию вовне») или аффективную лабильность.

Нарушаться может также дистанция по отношению к изображению с чрезмерной вовлеченностью и идентификацией («да ничего я не делаю!», «я не писаюсь, я давно не писался!!!»). Отметим, что в данном случае это отражает не особенности эмпатии, устойчивого эмоционального отношения (что было описано выше), а потерю контроля в эмоционально-значимой ситуации. Частые подобные ответы свидетельствуют о повышенной аффективной реактивности, например, у больных с аффективными расстройствами или с истерическими чертами, когда недостаточный контроль является, скорее, постоянной стилевой характеристикой поведения (ср. с обсуждением мотивационного аспекта).

Иногда могут возникать и нарушения инструкции (вместо ответа за персонажа испытуемый говорит, что бы он сделал или просто комментирует ситуацию: «козлы какие...»). Мы отмечали, что нарушения инструкции могут отражать несформированность или искажение мотивационного отношения, но они также могут отражать трудности удержания цели задания.

Можно выделить и группу нарушений, связанных с гиперфункцией контроля. Поскольку само содержание стимульных изображений в тесте Розенцвейга затрагивает преимущественно проблематику агрессии, мы сталкиваемся в первую очередь с проявлениями сверхжесткого, ригидного контроля над экспрессией агрессивных импульсов. В некоторых ситуациях («я не приглашу тебя на свой день рождения!», например) возмущенный, «экстрапунитивный» ответ, связанный хотя бы с минимальным отстаиванием собственных интересов, права на уважение и автономию, является допустимым и ожидаемым. Ригидный контроль будет проявляться в таких ситуациях через интрапунитивные, иногда самоуничижительные ответы, избыточные уточнения, в менее выраженных случаях – через введение условий, как бы оправдывающих агрессивное высказывание («ну, если он просто так решил его обидеть, если тот его до этого никак не спровоцировал...»). Модификация инструкции предоставляет возможность экспериментальной проверки данного положения. Так, нами при исследовании больных с ананкастным расстройством личности была использована дополнительная инструкция предложить справедливый ответ. Это приводило к появлению более агрессивных, требовательных ответов по сравнению с выполнением стандартной серии. Подобный феномен не был выявлен в группе больных с истерическим расстройством и в группе нормы. Полученные данные показывают, что использование моральных норм служит для смещения ответственности и оправдывает появление агрессивных ответов.

К другим проявлениям можно отнести колебания между более приемлемыми и более откровенными вариантами ответов на одну си-

туацию, а также неожиданную разрядку в некоторых стимульных ситуациях (обычно в ситуациях, позволяющих агрессию, или когда изображенные персонажи крайне непохожи на испытуемого), после в целом крайне сдержанного паттерна ответов. Все эти особенности позволяют качественно охарактеризовать особенности контроля испытуемого над импульсами прежде всего агрессивного характера. При их оценке важно учитывать, что способность к социально-приемлемому проявлению агрессии является, вероятно, одной из важных составляющих психологического здоровья, и это может быть именно тем аспектом патопсихологического обследования, который придает наибольшую ценность тесту Розенцвейга как диагностическому инструменту.

Хотелось бы подчеркнуть возможность продуктивного использования показателя GCR в несколько нетрадиционном ключе. На наш взгляд, его польза не в том, что он измеряет степень социальной адаптации (что крайне сомнительно), а в том, что он позволяет задать паттерн типичных ответов, выделив те ситуации, которые с большей вероятностью позволяют проявление агрессии, негодования, и те, для которых подобные проявления являются крайне неестественными. Его можно использовать как образец типичного паттерна ответов, обращая внимание на отклонения, которые, таким образом, приобретают особую значимость.

При оценке особенностей контроля особую значимость имеет также латентное время, которое мы рекомендуем хотя бы приблизительно фиксировать. Никакого специфического диагностического значения оно, разумеется, не имеет, однако является указанием на наличие (или отсутствие) определенной внутренней работы, предшествующей ответу. Небезынтересен тот факт, что среднее латентное время экстраагрессивных ответов меньше, чем среднее латентное время интра- и имагрессивных ответов [29].

НАРУШЕНИЯ ДИНАМИКИ

Динамика ответов, учет их последовательности является одним из необходимых аспектов интерпретации результатов теста Розенцвейга. Ее значение не должно недооцениваться: именно динамика ответов позволяет выделить лично значимые, вызывающие особую реакцию испытуемого ответы. Кроме того, анализ динамики ответов необходим для дифференцирования нарушений критичности, мотивации и инструментальной базы. Можно выделить, однако, и специфические нарушения динамического аспекта.

Ответы испытуемого в ходе теста, как правило, неоднородны. Эта неоднородность отчасти задается различиями в стимульных ситуациях, отчасти – изменениями, происходящими с самим испытуемым, который привыкает к ситуации, пресыщается, устает, сохраняет воспоминания о

своих предшествовавших ответах, пытается отвечать иначе или не может отвлечься. Об отклоняющихся вариантах последовательности ответов мы можем говорить в тех случаях, когда эта нормальная гетерогенность нарушается: мы видим либо резкое изменение характера ответов, либо излишнюю однородность, либо хаотичность, непредсказуемость.

Для того чтобы выделить значимые варианты динамики ответов, есть несколько возможностей. Прежде всего это определение «трендов», как предлагается в формальной схеме интерпретации, разработанной С. Розенцвейгом. Протокол разбивается на две половины, сравниваются частоты различных вариантов реакций в первой и второй частях. Другой подход заключается в выделении различных типов стимульных ситуаций и сравнении того, какие реакции они вызывают. Например, это эгоблокинговые и суперэгоблокинговые ситуации (иначе говоря, ситуации неуспеха и ситуации вины), выделенные С. Розенцвейгом и подробно исследованные Раухфлейшем [22], или ситуации «взрослый – ребенок» и «ребенок – ребенок» в детской версии теста. Как мы отмечали выше, основу для представления о некотором типичном паттерне ответов может также давать показатель GCR. Наиболее сложным, но одновременно гибким и оправданным с точки зрения качественного анализа является поиск переломных точек, поскольку тренды не всегда начинаются строго со второй половины теста. Обнаруженные ситуации, с которых начинается отклонение в паттерне реагирования испытуемого, становятся объектом внимания с целью выяснить причину данных изменений.

Рассмотрим теперь некоторые характерные варианты отклоняющейся динамики.

1. Два типичных варианта, наиболее легко фиксирующихся при помощи выделения трендов по предложенной Розенцвейгом модели, заключаются в усилении или ослаблении контроля к концу обследования. Их можно охарактеризовать как репрессивный и регрессивный тренды соответственно. Значение этих трендов различно: усиление контроля может говорить о накопившемся чувстве вины за проявление агрессии (особенно если речь идет о переходе от экстрапунитивных к интрапунитивным реакциям), в то время как его ослабление – о склонности к декомпенсации, слабости защитной структуры.

2. В основе крайнего однообразия ответов может лежать инертность психической деятельности. В этом случае ответ определяется не только наличной стимульной ситуацией, но и предыдущими (испытуемый продолжает находиться под действием некоторой установки, возникшей ранее). Изменения стимульного материала, такие как появление группы людей вместо двух персонажей, может приводить к замешательству и неспособности сразу ответить («а кто эти люди?», «а теперь что?»). Повторяемый ответ по содержанию или по форме может не полностью соответствовать новым условиям. Это может возникать

как в случае общей психической инертности, так и при возникновении сильного аффекта.

3. Достаточно характерный тренд наблюдается при утомлении, когда происходят постепенное упрощение и примитивизация ответов к концу методики: испытуемый дает формальные, стереотипные, не учитывающие нюансы ситуации ответы, торопясь завершить выполнение методики.

4. Непоследовательность, чрезмерная вариабельность направленности и формулировок ответов, неожиданная утеря инструкции в середине задания, производящие впечатление того, что испытуемый все время оказывается в новой для себя ситуации, должны в первую очередь ставить вопрос о мотивационных особенностях испытуемого и возвращать к анализу его отношения к заданию.

5. Особо следует выделить резкие изменения паттерна ответов после «травматичной» ситуации. Они сравнимы с понятием «шок» в тесте Роршаха. Задачей исследователя в этом случае является определение причин, вызвавших это отклонение (отметим, что «причиной» может быть не столько стимульная ситуация, сколько собственно ответ испытуемого).

Что же касается сравнения реакций испытуемого на ситуации разного типа (как суперэго- и эгоблокинговые, с участием взрослого или без участия взрослого и т.п.), то этот аспект является маркером особой избирательной чувствительности испытуемого. Речь идет не об отклоняющихся видах динамики, а о рассмотрении ответов испытуемого в последовательности, в зависимости от особенностей стимульного материала. Например, увеличение числа экстрапунитивных реакций в суперэгоблокинговых ситуациях может быть связано с несформированностью чувства вины (характерно для асоциальных подростков). Подобная селективность отражает то, как индивидуальный опыт, внутренние конфликты испытуемого находят свое проявление в текущем жизненном моменте, и, на наш взгляд, должна творчески исследоваться с поиском общих параметров в каждом случае (выявляется общее между ситуациями, вызывающими отклоняющиеся реакции у данного испытуемого). Но возможности использования материалов теста Розенцвейга здесь не полностью исследованы и, в сравнении с другими проективными методиками, ограничены.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

К инструментальному аспекту относится анализ сформированности средств, позволяющих перевести непосредственные реакции испытуемого на опосредованный уровень. Термин «инструментальный» дает возможность отразить связь данного аспекта с теоретическими представлениями о строении ВПФ и роли психологических орудий

(работы школы Л.С. Выготского). В отечественной патопсихологии традиционно используется термин «операциональный» при описании нарушений на данном уровне. Однако его употребление подразумевает точное определение отдельных операций, что едва ли возможно в отношении теста Розенцвейга. Мы комплексно рассматриваем набор присвоенных и выработанных психологических операций и представлений (знаков), которые и делают возможным порождение ответа.

Ни в коем случае не следует забывать, что интерпретации подлежат не собственно поведение в конфликтной социальной ситуации, а ответы в воображаемой сцене в ходе тестирования. Мы можем только предполагать, что испытуемый, подбирая подходящий ответ для изображенного персонажа, будет опираться на некоторые компоненты, участвующие в реализации деятельности социального общения. Однако, и это подтверждается в ряде эмпирических исследований (см. краткий обзор выше), прямой связи между ответами и поведением в реальной жизни ожидать не следует. В этом отражаются общие методологические трудности при попытках экспериментального моделирования жизненных ситуаций. В условиях эксперимента невозможно обеспечить буквальное воспроизведение структуры деятельности; соотношение и роль отдельных компонентов могут меняться. Это, к примеру, очевидно при намеренном искажении в ответах привычного спонтанного рисунка поведения, который обычно проявляется помимо воли субъекта.

При выполнении теста Розенцвейга можно прогнозировать меньший страх инициативы, меньшее подавление агрессии, соревновательных тенденций, чем при реальном взаимодействии, так как исключаются возможные последствия ситуации и нет противостояния с реальным человеком. Напротив, присутствие внешнего наблюдателя, письменная форма ответа могут приводить к использованию более сложных, зрелых представлений о социальных взаимодействиях, чем те, которые детерминируют поведение испытуемого в эмоционально насыщенной ситуации.

Кроме того, социальная коммуникация не может существовать без невербального компонента, паралингвистики, позволяющих ориентироваться в ситуации общения, учитывать ее эмоциональный подтекст, что полностью исключено благодаря схематичному изображению в Р-Ф. Естественная коммуникация неизбежно связана с системой личностных смыслов, значимых отношений. Р-Ф Study, представляя собой серию изолированных ситуаций, создает эффект неопределенности, характерный для проективных методик.

Неопределенность стимульных ситуаций в сравнении с реальным взаимодействием (заданная отсутствием изображения мимики, ограниченностью информации, лаконичностью обращенных фраз и пр.), отличая, с одной стороны, выполнение Р-Ф от реального взаимодействия, с другой стороны, дает возможность исследовать, выводить наружу

отдельные компоненты, недоступные для анализа в сложной реальной жизнедеятельности (которые могут подавляться, скрадываться другими особенностями поведения или проявляться только в узком кругу реальных взаимодействий).

Инструментальная основа при выполнении теста Розенцвейга достаточно неоднородна. Как и при выполнении любого другого экспериментального задания, в нее включены процессы суждения, восприятия и анализа ситуации и пр. Но есть и более специфичные компоненты: использование социальных представлений и норм; навыки анализа, оценки социальной ситуации и способность взглянуть на нее с разных точек зрения (перспектив); понимание логики и прогнозирование поведения другого человека, рефлексия собственных переживаний.

Нарушения, связанные с инструментальным аспектом выполнения методики, проявляют себя в ограничениях репертуара доступных ответов, его одностороннем развитии, а в более тяжелых случаях – в затруднениях или неспособности подобрать адекватную реплику. Сюда же относится использование неадекватных средств опосредования, встраивание «лишних», необязательных опосредующих звеньев. Причиной может быть как несформированность, недоразвитие сложных социальных форм реагирования, так и случаи вмешательства в произвольную сознательную деятельность процессов, лежащих вне сознательного контроля (например, эмоциональные реакции и непроизвольные формы саморегуляции – защитные механизмы). Иллюстрацией нарушений на инструментальном уровне может служить выполнение методики девочкой-подростком с идеями ущерба бредового характера. Эти патологические идеи хотя и отчетливо звучали в беседе, никак не проявлялись в других методиках (ТАТ, тест Роршаха, Дом – Дерево – Человек). Иная картина наблюдалась в тесте Розенцвейга, где все ситуации сводились девочкой к восприятию угрозы собственности и ущемлению интересов персонажа, а ответы отражали защитные реакции по типу «нападение или бегство».

Спектр выявляемых нарушений при анализе инструментального аспекта методики достаточно широк в соответствии с разнообразием процессов, составляющих инструментальную базу, необходимую для нормативного выполнения. Своеобразное или упрощенное толкование, несвязные ответы должны оцениваться с позиций традиционной патопсихологической диагностики, а не поспешно толковаться с точки зрения «фрустрационной толерантности». Напомним еще раз, что при качественном анализе методика выступает не как средство измерения какого-либо отдельно взятого аспекта психической деятельности, а позволяет выявить индивидуальные особенности, специфику возникающих ошибок и трудностей, определить, в какой сфере нарушения более выражены. Мы ограничимся перечислением вариантов нарушений, к выявлению которых методика наиболее чувствительна, т.е. тех, которые определяют ее направленность и полезность (уместность) в клинической диагностике.

Отметим, что когнитивные особенности не являются препятствием при выполнении методики для испытуемых, за исключением тех, умственное снижение которых достигает степени умеренной умственной отсталости.

Инструментальные нарушения, связанные с коммуникативной сферой

Целый ряд характерных ограничений репертуара реакций связан с особенностями, так или иначе характеризующими коммуникативную сферу личности.

На наиболее поверхностном уровне необходимо оценить знание социальных шаблонов, конвенциональных норм поведения. Обыденным языком это можно охарактеризовать как «культурный уровень» человека. Мы имеем в виду не столько тип реагирования, сколько его оформление, особенности вербализации. Самые агрессивные, цинично-жестокие ответы, могут быть тонко, даже изощренно сформулированы («как жаль, что в этой вазе был прах вашего дедушки!»). В противоположном случае следует обратить внимание на бедность, слабую дифференцированность словаря, относящегося к сфере социальных взаимодействий, иногда видимые затруднения в подборе точных слов для выражения желаемых нюансов. В трудностях подбора адекватной реакции и невозможности дать приемлемое оформление своему ответу отражается недостаточность средств опосредования.

Необходимо проанализировать, насколько ответы испытуемого отражают сформированность моральных норм и их интериоризацию. Здесь можно опираться на критерии, разработанные Л. Колбергом (как при использовании в анализе рассказов ТАТ шкалы «инвестиция в моральные ценности», входящей в SCOR-S Д. Уэстена). Различаются ответы, в которых проявляется озабоченность исключительно своими потребностями, нечувствительность к интересам других людей и отношение к ним как к средству достижения цели, стремление избежать любого, даже заслуженного, наказания, откровенные манипуляции («хорошо, мама, ты же мне купишь новую?») и ответы, отражающие ориентацию на универсальные ценности, подразумевающие признание ответственности за страдание другого человека. Не следует переоценивать сам факт апелляции к морали, общечеловеческим ценностям, так как они могут не столько опосредовать отношение к другому человеку, а использоваться как внешние ссылки, позволяющие избежать собственного суждения, оправдать или скрыть свои реакции, возвысить себя над другим (что указывает как раз на недостаточную интериоризацию этих норм).

Особенности суждений об отношениях, человеческих действиях и качествах, обуславливающие ответы испытуемого, могут быть более

подробно рассмотрены не только с точки зрения учета морального аспекта. Например, склонность к поспешным, поверхностным обобщениям, легкость обнаружения виновного можно противопоставить мысленной жвачке, избыточной интеллектуализации. Для объяснения здесь оправдано привлечение понятий когнитивного стиля или стиля атрибуции.

Так, исследование М.А. Холодной [7. С. 280–286] показало ряд корреляций между вариантами реагирования и когнитивными стилями, что может использоваться при интерпретации результатов, хотя, на наш взгляд, стилевые особенности будут в первую очередь проявляться в особенностях ответов, не подлежащих шифровке. Приведем основные результаты исследования: полезависимость оказалась связанной с потребностно-упорствующими реакциями, аналитичность – с интраагрессией и фиксацией на препятствии, синтетичность – с фиксацией на самозащите и экстраагрессией, а импульсивность – с фиксацией на препятствии и интраагрессией. Связь между направлением реакций и локусом контроля была показана в [32]. Для авторов, однако, локус контроля и реакции на фрустрацию выступают как две отдельные переменные, измеряемые разными инструментами, что отличается от предлагаемого нами подхода.

Доступный диапазон ответов может также определяться способностью точно и адекватно воспринимать социальный смысл изображенных ситуаций, правильно интерпретировать интенции и мотивы, лежащие за человеческими поступками. Здесь оправдано упоминание популярных в современной клинической психологии концепций рефлексивной функции, или способности ментализации (наиболее известных по работам П. Фонады). Созданные в результате синтеза идей психоаналитической теории объектных отношений, этологической теории привязанности и психологии развития, они описывают умение «читать психику другого» [11. С. 101], правильно и четко определять интенции, мотивы, внутренние состояния другого человека и собственные, наделять поступки значением, понимать и предсказывать их. Игнорирование социального содержания, упускание коммуникативного контекста, непонимание причин и природы той проблемы, которая возникла у изображенных персонажей, проявляются особенно ярко, когда возможная виновность, столкновение интересов оказываются недостаточно артикулированными в стимульном материале («мы ждем ее уже 15 минут» – «а кого они ждут?»). Иначе данный дефект может проявляться в своеобразной, эксцентричной или крайне упрощенной трактовке логики человеческих поступков, приводя к несвязным, неожиданным ответам, кодировка которых по формальной схеме не только затруднительна, но и заведомо не отражает их суть.

К сглаженным, более тонким проявлениям относят недостаточную дифференцированность реакций, уподобление персонажей друг другу, недоучет статусных и ролевых различий, нарушения способно-

сти к децентрации, заключающиеся в неспособности переключиться на другую точку зрения (например, когда интересы двух изображенных персонажей расходятся, испытуемый может не замечать этого: «Ты оборвала мои цветы!» «Но ведь они красивые!»). Подобное значение могут иметь и постоянные потребностно-упорствующие реакции, отражающие незрелое неприятие реальности фрустрации. Необходимость постоянного уточнения смысла изображенных ситуаций также может отражать дефицитарность способности к «считыванию» социального содержания.

Правомерен вопрос, не следует ли данные нарушения относить к мотивационным. Однако нередко «эксцентрический стиль» трактовки ситуаций взаимодействия, недостаточная тонкость, чувствительность, встречаются без отчетливо выраженных трудностей идентификации или измененного отношения к заданию и действительности вообще. В таком случае их целесообразно рассматривать как инструментальные. Обычно они менее грубы и менее постоянны: поскольку они отражают не тотальную неспособность, а только слабость, то и наблюдаться будут в сенсibiliзированных условиях.

Все описанные выше нарушения «инструментального аспекта» так или иначе связаны со сферой социальной коммуникации. Другую группу составляют нарушения, связанные с особенностями эмоциональной регуляции. Этот аспект, вероятно, более других интересовал С. Розенцвейга. В ранних работах авторская трактовка была более широкой: различные варианты реакции на фрустрацию соотносились с защитными механизмами и типами характера, понимаемыми в рамках психодинамической модели. В последующем автор практически исключительно говорил о методе как об исследовании вербального агрессивного поведения.

Нам кажется предпочтительным в отношении методики говорить об «управлении агрессией», подразумевая в первую очередь особенности переживания и экспрессии агрессивных импульсов. Безусловно, проблему управления агрессией неправильно сводить к инструментальному аспекту. Мы затрагивали ее при рассмотрении нарушений контроля и критичности, однако она требует развернутого анализа на всех четырех уровнях: мотивационном, инструментальном, динамическом и уровне контроля и критичности. С точки зрения инструментального аспекта представляет интерес, какими механизмами социализации, личностной интеграции агрессивных импульсов располагает испытуемый.

Интегрированность агрессии обеспечивает возможность при формулировании ответа учитывать разнообразные детерминанты ситуации, а не только ее «агрессивный аспект». Это верно и по отношению к тем случаям, когда агрессивное содержание ситуаций, объективно им присущее, упорно избегается испытуемым. Здесь также аг-

рессивный аспект исключительно детерминирует ответ (обладает прерогативой в детерминации ответа, имеет приоритетные права в детерминации ответа). Иначе реакции испытуемого ограничивались бы привычными способами избавления от агрессивных импульсов, например через их подавление, обращение на себя или проекцию вовне.

Нормативным можно считать:

1. Возможность для испытуемого выразить агрессивные побуждения (гнев, негодование, стремление дать отпор) в ситуациях, когда нормы социального взаимодействия, личные границы и интересы нарушаются.

2. Способность модулировать интенсивность агрессии и находить социально приемлемые каналы для ее выражения.

3. От нормативного выполнения методики следует ожидать отсутствия крайней субъективности в трактовке ситуации с приписыванием персонажам злонамеренности, враждебности, потаенных мотивов.

При соблюдении этих условий испытуемому оказывается доступным широкий репертуар реакций, что и обеспечивает ту гетерогенность ответов, характерную для нормы, о которой мы говорили, обсуждая динамический аспект. Из наиболее часто встречающихся вариантов сокращения репертуара ответов, связанных с особенностями управления агрессией, можно выделить:

1. Подавление и избегание любых проявлений агрессии в ответах. В более грубых случаях искажается и игнорируется обвинительный, конфронтационный аспект содержания изображений, в других – преобладают импунитивные, формальные ответы.

2. Обращение агрессии на себя. Здесь наблюдается навязчивая тенденция испытуемого отрицать возможность занять агрессивную позицию. Решающее значение имеет чувство вины, с которым спаяны любые проявления агрессивности. При этом испытуемым свойственно занятие утрированной позиции личной ответственности, а в крайних проявлениях – заведомой собственной виновности и плохости. Их готовность услышать обвинение со стороны окружающих часто выглядит как тревожность. Соответственно будут преобладать интрапунитивные и импунитивные самоограничительные ответы, трактовки эгоблокинговых ситуаций как суперэгоблокинговых (т.е. препятствий как обвинений: «Я не виноват, что она надела такую большую шляпу»).

3. В некоторых случаях последняя из описанных тенденций (проекция враждебности) является настолько отчетливой, что может рассматриваться как самостоятельный вариант управления агрессией. Здесь будет характерным не столько тревожное ожидание обвинения, неприятия (в основе которого лежит предположительно чувство вины и направленная на себя агрессия), сколько настороженность, готовность к атаке извне, предвосхищение недоброжелательного, уничижительного отношения. Проявляться это может через нюансы ответа –

либо с выпячиванием негативных характеристик персонажа, либо с подчеркнутой вежливостью – через преобладание ответов с фиксацией на самозащите, часто с элементом возмущения, заострением конфликтного характера ситуации.

4. Направление агрессии вовне. Это случаи, когда спектр ответов испытуемого ограничивается экстрапунитивными реакциями преимущественно самозащитного типа (Е), осуждением и обесцениванием. Общим радикалом подобных ответов является легкость обнаружения объекта для «агрессивной разрядки». Это может отражать как стремление к проигрыванию подавленных агрессивных импульсов (к примеру, уже упоминавший «катартический эффект» у психоневротиков в исследовании Симоса), так и неспособность к принятию собственной «плохости», неправоты, униженности, пассивной позиции. Для более точной дифференциации этих случаев необходим учет особенностей мотивации (элемент игрового отношения, театральности должен быть представлен в первом случае).

Существуют и другие факторы, приводящие к ограничениям репертуара ответов испытуемого. Так, нарциссическая уязвимость подталкивает к специфической, односторонней трактовке изображенных ситуаций, с невозможностью отвлечься от унижительного, болезненного, оскорбительного характера, а иногда и привносит его в нейтральные условия. Нам приходилось наблюдать характерные протоколы, например у депривированных детей и у эпилептиков, которые можно оценить как проявление липкости контакта, сверхсоциальности. В данных случаях, судя по всему, в ситуациях фрустрации акцентируется угроза связи, отношениям с другим. В ответах эта связь, напротив, укрепляется через указание на существование личного измерения в отношениях (ситуация 18 детской версии: «А ведь я тебя любила, а ты не приглашаешь!»), постоянное использование личных обращений («папа», «мамочка»), ответы с фиксацией на препятствии или удовлетворении потребности, содержащие элемент манипуляции («мне о-очень больно!»). Во взрослой клинике могут возникать попытки сведения всех фрустрирующих ситуаций взаимодействия к сценам заигрывания, флирта (ситуация 11, ошибочный ночной звонок по телефону: «У вас такой приятный голос!»).

Наконец, сложности выбора, склонность к сомнениям, амбивалентные установки затрудняют выполнение заданий, приводя к противоречивым ответам, содержащим противоположные суждения («Ничего страшного. Хотя мне это было очень неприятно»).

Таким образом, качественный анализ в применении к данным R-F Study позволяет, по сравнению с использованием формальной схемы, рассматривать более широкий спектр нарушений, что происходит за счет внимания к особенностям деятельности испытуемого в ходе выполнения задания. Такой подход способствует интеграции теста Ро-

зенцвейга в батарею методик патопсихологического исследования. Это актуально в связи с малым числом экспериментально-психологических методик, направленных на изучение эмоционально-личностной сферы. И хотя возможности Р-F Study не столь богаты по сравнению с такими проективными методиками, как ТАТ, тест Роршаха, при решении определенных задач методика может быть полезной. Немаловажно, что Р-F Study не требует такой высокой компетентности и специального обучения, как более сложные в проведении и интерпретации проективные методики, что позволяет рекомендовать его широкому кругу специалистов. Очевидные рекомендации для включения методики в патопсихологическое обследование – это наличие трудностей социального функционирования в жалобах или симптомах больного, необходимость уточнения характерологических особенностей, оценка критичности испытуемого.

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб. : Питер, 2007. 688 с.
2. Данилова Е.Е. Детский тест «Рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга. М., 1997.
3. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 287 с.
4. Лубовский Д.В. О применении теста фрустрации Розенцвейга в школьной психодиагностике // *Вопр. психол.* 1990. № 3. С. 151–154.
5. Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. О метакоммуникации в процессе проективного исследования пациентов с пограничными личностными расстройствами // *Моск. психотерапевтич. журн.* 1997. № 3. С. 15–38.
6. Тарабрина Н.В. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций : метод. рекомендации. Л., 1984.
7. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб. : Питер, 2004.
8. Basu J. The influence of gender stereotype on projection of aggression in the Rosenzweig Picture-frustration study // *Sex roles.* 1991. Vol. 25, № 5–6. P. 301–309.
9. Coché E., Meehan J. Factor and Cluster Analyses with the Rosenzweig Picture Frustration Study // *Journal of Personality Assessment.* 1979. Vol. 43, № 1. P. 39.
10. Duncan B. The founder of common factors: A conversation with Saul Rosenzweig // *Journal of Psychotherapy Integration.* 2002. № 12. P. 10–31.
11. Fonagy P., Target M., Gergely G. Psychoanalytic perspectives on developmental psychopathology // *Developmental Psychopathology* / eds. by D. Cicchetti, D. Cohen. 2-d Edition. NJ : John Wiley and Sons, 2006. Vol. 1. P. 701–749.
12. Graybill D., Heuvelman L.R. Validity of the Childrebn's Picture-Frustration Study: A Social-Cognitive Perspective // *Journal of Personality Assessment.* 1993. Vol. 60, № 2. P. 379–389.
13. Graybill D., Peterson S., Williams P. Variability of Responses Withing the Aggression Categories on the Rosenzweig Picture-Frustration Study, Children's Form // *Journal of Personality Assessment.* 1989. Vol. 53, № 3. P. 472.
14. Graybill D., Williams P., Bodmer B., Peterson S. Relationship of the children's form of the Rosenzweig Picture-Frustration Study to children's behavior, gender, and fantasies // *Psychological Reports.* 1991. Vol. 68, № 3, pt 1. P. 747–753.
15. Kinard E. Aggression in Abused Children: Differential Responses to the Rosenzweig Picture-Frustration Study // *Journal of Personality Assessment.* 1982. Vol. 46, № 2. P. 139.

16. *Lindzey G.* An experimental test of the validity of the rosenzweig picture-frustration study // *Journal of Personality*. 1950. Vol. 18, № 3. P. 315.
17. *Lindzey G., Goldwyn R.* Validity of the Rosenzweig Picture-Frustration Study // *Journal of Personality*. 1954. Vol. 22, № 4. P. 519–547.
18. *Lockwood J., Roll S.* Effects of fantasy behavior, level of fantasy predisposition, age, and sex on direction of aggression in young children // *The Journal of Genetic Psychology*. 1980. № 136. P. 255–264.
19. *Mc Donough L.* Inhibited aggression in essential hypertension // *Journal of Clinical Psychology*. 1964. Vol. 20, № 4. P. 447.
20. *Mehlman B., Whiteman S.* The relationship between certain pictures of the Rosenzweig picture-frustration study and corresponding behavioral situations // *Journal of Clinical Psychology*. 1955. Vol. 11, № 1. P. 15–19.
21. *Rapaport D., Gill M., Schafer R.* Diagnostic psychological testing / ed. by R.R. Holt. N.Y. : International university press Inc., 1968.
22. *Rauchfleisch U.* Diagnostic significance of ego and superego blocking situations in the Rosenzweig Picture-Frustration Test // *Zeitschrift Für Klinische Psychologie, Psychopathologie Und Psychotherapie / Im Auftrag Der Görres-Gesellschaft*. 1985. Vol. 33, № 2. P. 152–160.
23. *Rosenzweig S.* Basic manual for the Rosenzweig picture-frustration (P-F) Study. St. Luis : Dana House, 1978.
24. *Rosenzweig S.* The experimental measurement of types of reaction to frustration // *Explorations in personality* / ed. by H.A. Murray. N.Y. : Oxford University Press, 1938. P. 585–599.
25. *Rosenzweig S.* III. Need-Persistent and Ego-Defensive reactions to frustration as demonstrated by an experiment on repression // *Psychological review*. 1941. № 47. P. 347–349.
26. *Rosenzweig S.* The picture-association method and its application in a study of reactions to frustration // *Journal of personality*. 1945. № 14. P. 3–23.
27. *Rosenzweig S.* Some problems relating to research on the rosenzweig picture-frustration study // *Journal of Personality*. 1950. Vol. 18, № 3. P. 303.
28. *Rosenzweig S.* Aggressive behavior and the Rosenzweig picture-frustration (P-F) study // *Journal of Clinical Psychology*. 1976. Vol. 32, № 4. P. 885–891.
29. *Rosenzweig S., Adelman S.* Construct Validity of the Rosenzweig Picture-Frustration Study // *Journal of Personality Assessment*. 1977. Vol. 41, № 6. P. 578.
30. *Simos I.* The picture-frustration study in the psychiatric situation--preliminary findings // *Journal of Personality*. 1950. Vol. 18, № 3. P. 327.
31. *Spache G.* Sex differences in the rosenzweig p-f study, children's form // *Journal of Clinical Psychology*. 1951. Vol. 7, № 3. P. 235–238.
32. *Winefield H.* Anger Expression in the Picture-Frustration Study Under Stressful Conditions // *Journal of Personality Assessment*. 1981. Vol. 45, № 4. P. 370.

QUALITATIVE ANALYSIS IN WORK WITH PICTURESQUE FRUSTRATION
S. ROSENZWEIG. II. Control and Criticism, Dynamics, Instrumental aspect
Vinogradova M.G., Ryzhov A.L. (Moscow)

Summary. The article follows with the demonstration of the possibilities of a method of qualitative analysis of Rosenzweig's Picture-Frustration Study. The phenomena that are revealed when analyzing aspects of control and critical attitude, dynamics and instrumental repertory are described in details. Limitations of interpretation of results in terms of frustration-aggression hypothesis are discussed.

Key words: Rosenzweig's Picture-Frustration Study; qualitative analysis; control and critical attitude; analysis of dynamics; communication means; aggression management.

ПСИХОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ: ЭТО ИНТЕРЕСНО ВСЕМ

УДК 159

РАЗНОВОЗРАСТНЫЕ БРАКИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Г.В. Залевский, Ю.В. Кузьмина (Томск)

Наихудший из неравных браков –
это неравный брак двух сердец!

В популярном жанре обсуждаются психологические проблемы разновозрастных браков. Этих браков становится все больше, особенно, когда значительно старше мужчина, хотя и браков, в которых старше женщина, тоже достаточно много. Авторы статьи – супруги, состоящие в браке 10 лет (разница в возрасте 34 года).

Привычная ситуация, когда вступают в брак жених и невеста примерно одного возраста. А что если белое свадебное платье надето на молодой девушке, а жениху за сорок, а то и далеко за пятьдесят? Во все времена существовали разновозрастные браки. На Руси муж традиционно был старше и опытней жены. Но современные тенденции эмансипации и феминизации значительно изменили возрастные характеристики браков.

Любовь вполне взрослого мужчины и тринадцатилетней нимфетки очень хорошо описал Владимир Набоков в романе «Лолита». Про любовь юноши к старой и вполне уродливой даме по имени Маульташ написал Лион Фейхтвангер в романе «Безобразная герцогиня». И в том и в другом случае истории трагические.

Вертинский вылепил свою Галатею. «Отец, уезжая, каждый день писал маме письма – каждый божий день! Она его боготворила, он, собственно говоря, сделал ее личностью, незаурядной женщиной. Ведь она вышла за него замуж в 18 лет! (ему 52). Он вылепил и воспитал ее, как Пигмалион Галатею. Замуж, овдовев в 34 года, мама больше не выходила, хотя предложения были и очень хорошие. Но кого, скажите, она могла сравнить с Александром Николаевичем?» (Марианна Вертинская о своих родителях.)

Неравные браки... разновозрастные браки. В былые времена в семьях аристократов молодую девушку выдавали замуж за влиятельного, состоявшегося господина (см. картину «Неравный брак» В.В. Пукирева). Считалось, что в такой паре муж сможет чему-то научить

свою молодую, неопытную жену. Правда, прослеживался расчет. Люди отказывались поверить в большую и чистую любовь, которая возникала порой между зрелым мужчиной и юной девушкой.

Любви все возрасты покорны. И в этом можно найти объяснения разновозрастным бракам. Во времена феодалов и Средние века это было нормой, в советские времена это стало неприемлемо, сегодня это в порядке вещей. Буквально лет 20 назад будь ваш муж младше лет на 15, или старше на 35 лет, на вас смотрели бы искоса и перешептывались за спиной. В наше время это становится нормой, и число таких браков растет.

А счастливы ли супруги в таком браке, не чувствуется ли разница в возрасте? Почему некоторые люди вступают в неравный брак? Всегда ли в порыве великой любви или по каким-то более меркантильным соображениям, в которых они сами боятся признаться? Есть ли шанс у такого брака?

В крупных городах России у 13% супружеских пар разница в возрасте составляет 10 лет и более, причем в половине случаев (6%) эта разница достигает 15 лет и более. В Москве и Санкт-Петербурге в 2% зарегистрированных браков эта разница составляет 20 лет и более. Отмечается бурный рост числа браков «со значительной разницей в возрасте» или даже «чрезмерной разницей в возрасте».

Есть данные, что при разнице в возрасте 3–4 года доля разводов достигает 37%, 10 лет и более – 60% (меньше детей, меньшая степень удовлетворенности психологической и сексуальной). Кстати, если в группе семей с традиционной разницей в возрасте женских измен около 25% (мужских до 80%), то в семьях с нетрадиционной разницей в возрасте практически половина жен вступают во внесупружеские связи. И все-таки несмотря на все «но» с каждым годом все больше и больше людей вступают в разновозрастные браки.

Наблюдения показывают, что во времена экономических кризисов число разновозрастных браков значительно увеличивается. Так было в период Великой депрессии в США, потом в Европе во время войны и сразу после нее, в начале 1990-х – в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии. Это актуально сегодня и для нашей страны.

Итак, разновозрастные браки: за и против. Чего же ищут в таком браке молодые девушки и мужчины в солидном возрасте?

Психологов всегда интересовали эмоциональные, интимные, а затем и супружеские связи молодых женщин с партнерами, отстоящими от них на десятилетие и больше. Что притягивает их друг к другу? Почему притяжение это настолько сильно, что преодолевает и сопротивление родных и друзей, и здравый смысл?

Что влечет мужчин?

Мужчины в таком браке ищут признания, возможность доказать окружающим свою достаточную сексуальность и социальную привле-

кательность. А поскольку в каждом мужчине заложено «быть главой семьи», в таком браке это ему удастся реализовать как нельзя лучше, поскольку в глубине души он опасается, что в браке со зрелой женщиной достичь позиции лидера ему не удастся. Возможность «омолодиться», перенестись на 10–15 лет назад, забыть о своем истинном возрасте. Почему? Боятся наступающей старости, снижения активности, в том числе и сексуальной, беспомощности, болезней; часто боятся этого даже более, чем женщины, а жаловаться не принято. В связи с этим страхом каждый 4-й мужчина переживает в возрасте 40–45 лет настоящую депрессию – «депрессию двух третей жизни». Отсюда и нелепые поступки в этом возрасте: вдруг связь с молодой; это, скорее, не любовь, а разочарование в своей прежней жизни, неудачи в чем-то, а юное создание – лишь способ повысить самооценку...

Союз с молодой – это и вероятность, и возможность большей раскованности в интимной жизни. Группа английских психологов показала, что из 1000 англичан, жены которых на 15 лет моложе, почти 900 оказались сыновьями жестких и холодных матерей, воспитывающих их в пуританском духе. Интимная жизнь исследованных мужчин с их молодыми женами выглядела не только более интенсивной, но и более разнообразной, более яркой, чем их предыдущие сексуальные отношения (включая супружеские) со сверстницами. Кстати, треть мужчин изученной группы вообще никогда в сексуальные отношения со сверстницами не вступала.

Брак с молодой женщиной повышает престиж мужчины в глазах окружающих. Интересные данные одного эксперимента, в котором испытуемым предъявлялись фотографии мужчин с женами моложе на 2–3 года и на 15 лет. Так вот, внешность мужчин из второй группы оценена испытуемыми намного выше, чем внешность мужчин первой группы.

Некоторые специалисты считают, что только к 40 годам мужчина действительно хочет иметь детей. Олег Табаков называет это желание «потребностью продлиться». У Олега Табакова было уже двое детей, когда он заключил брак с Мариной Зудиной, которая была моложе его на 30 лет. Тем не менее он считал, что детей у него мало, только двое, и 70 лет – хороший возраст, чтобы стать отцом. Мы тоже считаем, что преимущество разновозрастного брака, во-первых, в возможности «продлиться», а во-вторых, «истинное ответственное отцовство» может наступить только после 40 и более лет. Отцовство в 17–20 лет – это «инфантильное отцовство», в 20–30 лет – «ювенильное отцовство», в 30–40 лет – период «карьерного отцовства» (отец делает или доделывает карьеру), 40–50 лет – это «растерянное отцовство», когда появляется большое желание быть отцом, но дети уже большие и появляются внуки.

Что движет женщинами? На что обрекает себя молодая жена: на снижение сексуальной жизни, на «стать сиделкой» при престарелом

муже? И тем не менее... Что же движет ими? Это остается во многом загадкой.

Девушка ищет в старшем друге покровителя и защитника, чего ей, возможно, не хватало в собственной семье. Если она выросла без отца или отец уделял ей мало внимания, а она так хотела этого внимания, любви отца, то потребность в добром папе, который ее приголубит и возьмет под свое крылышко, может в таком браке удовлетвориться полностью.

Больше половины молодых девушек и женщин, вступающих в неравный брак, выросли в семьях, где отец был значительно старше матери – как минимум на 10 лет. Почти 40% молодых жен выросли без отца, а 25% вообще никогда не видели отца. Лишь немногие выросли в «традиционных» семьях, где отец отличался добротой, заботливостью, надежностью. Между отцом и дочерью обнаруживалась особая привязанность. Те же девочки, что воспитывались одной матерью, проявляли повышенный интерес к отцу, в подростковом возрасте у них вспыхивал «синдром Кагэлье», когда они пытались найти отца, наладить с ним отношения – в подавляющем числе случаев безуспешно. Кстати, классический синдром Кагэлье наблюдался у знаменитой Мэрилин Монро: первый свой гонорар она отдала частному детективу, поручив ему найти отца, которого она никогда не видела. После долгих поисков отца нашли на другом конце страны, но он не захотел встречаться с дочерью и сломал детективу нос.

Абсолютное большинство таких женщин почувствовали тягу к мужчинам старше себя еще в подростковом и юношеском возрасте, и сексуальные отношения впервые случались даже с более старшими мужчинами, чем их мужья.

В чем достоинство такого брака и в чем его недостатки?

Мужчина старше. Преимущества

Молодая жена – показатель мужской состоятельности, предмет гордости, своего рода достижение, которым можно похвастать перед друзьями, независимо от реальных успехов в этой области, чтобы сложилось мнение: «А Иванов еще о-го-го! А мы думали, что из него песок уже сыплется!»

Возникающие в этом возрасте проблемы с потенцией вначале решаются очень удачно с юной и очаровательной красавицей. Очень часто, решая свои сексуальные затруднения за ее счет, мужчина предпочитает девственницу или женщину с незначительным или неудачным сексуальным опытом, чтобы не проигрывать в сравнении с другими мужчинами, потому что он не уверен в своих способностях. А с девушкой, обладающей еще не развитым сексуальным аппетитом, не имеющей опыта, он чувствует себя героем-любовником и относительно спокоен.

С молодой женщиной мужчина любого уровня интеллекта и развития легче чувствует себя значительным. Если с ровесницей он может казаться беспомощным и несостоятельным, то в этом случае преимущества возраста делают его едва ли не Господом Богом.

Мужчина возвращает себе утраченную молодость, подпитывается энергетически от юного создания. Влюбленность, порыв, вдохновение, то, чего ему так не хватало в жизни, вдруг вливаются мощным потоком в его серое существование и преображают все вокруг. Молодая партнерша очень часто становится мощным стимулом для роста и самосовершенствования разочаровавшегося в себе и в жизни мужчины. Иногда она превращается для него просто в спасательный круг от стресса и депрессии.

Мужчина старшего возраста относится к девушке трепетно и нежно, совсем не так, как ее грубоватые сверстники. Он знает цену красоте, умеет ухаживать. Он понимает ее потребности в ласке, внимании, поддержке, говорит именно те слова, которые она хочет услышать. Он пытается под нее подстроиться, прислушаться, исполнять ее желания. Иногда это далеко заходит и случается то, о чем пишет поэт А. Дементьев, живший какое-то время в Израиле:

У меня красивая жена,
К тому же молодая.
Когда у ней все хорошо,
То и я душою отдыхаю.
Когда ж ей что-то не в угоду,
То мне хана и
П-ц всему еврейскому народу!

Иногда, благодаря покровительству и связям мужа, молодая жена делает карьеру, получает блестящее образование, у нее появляются перспективы роста и развития. Такое плодотворное совместное сотрудничество значительно увеличивает шансы обоих. Юлия Высоцкая, жена Андрона Кончаловского, актриса и ведущая телепередачи «Едим дома», говорит о муже как об «учителе жизни».

При условии духовного родства, взаимопонимания, сильной половой конституции мужчины и относительной холодности женщины такой брак может быть достаточно успешным и долговечным.

Есть еще один мотив вступления в разновозрастный брак, когда муж значительно старше жены, о котором женщина, скорее, догадывается, чем знает. Об этом мотиве хорошо сказал И. Губерман в своих «Пожилых гариках»:

Не любят грустных и седых
Одни лишь дуры и бездарности.
Мы ведь лучше молодых,
У нас есть чувство благодарности.

Но... есть и *недостатки*...

Романтические отношения, заканчивающиеся браком, неизбежно приводят к совместному быту, где мужчине, чтобы соответствовать ритму молодости, придется напрягаться. Как бы ни казались близкими интересы людей разных поколений, они неизбежно будут находиться на определенном расстоянии друг от друга. Разные музыкальные предпочтения, разные фильмы, разные книги, разные ритмы жизни, вкусы, взгляды. Слишком велика бывает пропасть. Даже если на словах молодая женщина и будет стараться соответствовать уровню мужа, внутренне она сделать это не в состоянии. И в ее душе постепенно будет образовываться осадок от неудовлетворенных потребностей в понимании, сочувствии, соответствии и совпадении. В напряженных попытках супругов соответствовать друг другу окажется очень много точек несовпадения, на которые все труднее и труднее будет закрывать глаза, когда начнется совместная жизнь.

В сексуальной жизни такой пары проблемы неизбежны, как неизбежно увядание сексуальных возможностей мужчины и расцвет таковых у нормальной здоровой женщины. Ее темперамент, некоторая холодность на начальном этапе как нельзя лучше подходят потенциальным возможностям мужа. Поначалу секс с опытным мужем, не торопящимся получить удовольствие только для себя, будет привлекать ее, и она оценит его внимание, стремление доставить ей наслаждение, галантность, знание особенностей ее организма и психики. Но придет время пробуждения ее сексуальности и... это может повергнуть мужчину в еще большую депрессию... Жгучее желание и невозможность его удовлетворить, горькое осознание этого – вот такой неутешительный финал может быть у романтической истории разновозрастного брака. Леонид Филатов писал:

Ты, дружок, из тех мужей,
Что безвреднее ужей:
Егозят, а не кусают,
Не сказать ишо хужей.

Надо также помнить, что в «неравных браках» ревнивцев куда больше, чем в обычных. Муж может очень сильно опасаться конкуренции и стать настоящим Отелло.

Взрослеющий мужчина требует заботы и внимания, на которое юное создание может быть не способно, потому что само видит в нем воплощение своей мечты об идеальном папочке. Некоторые так и называют своих мужей – папочка. Им невдомек, что папочке тоже иногда нужна «мамочка», которая бы его радикулит правильно поняла, старческую дальновзоркость не высмеивала и спокойно бы относилась к его маленьким возрастным слабостям. Если бы рядом была ровесница или почти ровесница... А тут. Разве можно кряхтеть и жаловаться! Вот и держит он себя постоянно в ежовых рукавицах и не дает себе вздох-

нуть, а она все больше злится на его беспомощность и болезненность, не только про себя, но и вслух.

Минус такого положения и в том, что девушка ищет в браке защитника, а получает обратное. Следует учесть, что с возрастом мужчины еще больше, чем в молодости, нуждаются в опеке и заботе. Со временем муж-защитник превращается в слабого «ребенка», и постепенно все проблемы и заботы переваливаются на хрупкие девичьи плечи, что является нередко началом конфликта отношений. Быт, разность интересов и предпочтений, а также устоявшиеся годами привычки мужа постепенно могут и погубить такой союз.

Молодым женам можно порекомендовать в данном случае не напоминать мужу о возрасте, постараться найти общие интересы и темы для разговоров, а также общих друзей со стороны мужа. Не давайте ему повода чувствовать себя старым и ревновать. Они более ранимы, чем молодые. Мужу тоже не следует твердить «я старею», а стараться соответствовать. Но и не переборщить в этом.

С мужчиной значительно старше себя женщина стареет намного быстрее. Она невольно подстраивается под ритм его жизни и преждевременно угасает. Иногда опускается в своем развитии и самосовершенствовании. А зачем? У нее все есть, потребности чего-то достичь самостоятельно не возникает, так как добрый волшебник в лице мужа все за нее решит, достанет, додумает. А она? Она упивается ролью красивой игрушки, уверенная в своей обворожительности и вечной молодости, сексуальной привлекательности, не замечает, как превращается в ворчливую старуху, которая забывает за собой следить, развиваться.

Очень часто, чего греха таить, молодая женщина идет на подобный брак из материальных побуждений. Правда, нередко забывая, что за все надо платить. И за свою «упакованность» тоже. Еще больше проблем в таком случае возникает, когда появляются дети; вырваться жене из этих уз довольно сложно. Да и для мужчины тоже проблема, когда молодая, шустрая жена-красавица, пользуясь его «добротой», занимается только шопингом, накопительством, сорит деньгами налево и направо. То есть она любит в действительности не мужа, не его как личность, а его наличность. Здесь можно, перефразировав известного украинского поэта Ивана Франко, сказать: «Она любит мужа, как хлеб и кусок сала, а сама охотнее бы с молодым поспала».

Серьезные шутники говорят в этих случаях, что кроме возраста и любви следует учитывать марку машины, счет в банке и страну проживания.

А если все наоборот, и старше в брачном союзе жена?

Если семья, в которой муж намного старше, уже никого не удивляет, то к противоположной ситуации общество привыкло не до конца.

Просто потому, что таких случаев меньше. Сложно сломать стереотип: у молодого мужчины должна быть молодая жена, а не наоборот. К плюсам подобных браков можно отнести психологический комфорт мужчины, который чувствует себя взрослее и мужественнее рядом с опытной и красивой женщиной. Опыт помогает в построении семейного быта: умудренная опытом жена может избежать многих конфликтов. Считается, что плюс такого брака и в том, что молодой муж намного быстрее развивается: становится увереннее в себе, достигает определенных высот в карьере и постепенно роль «ученика» становится ему невыносимой, поскольку он желает быть «главой семьи». И этот период – шок для жены, начинаются непонимание, скандалы, женщина не желает превращаться в покорную жену. К минусам можно отнести то, что у молодого мужчины, который часто является отчимом взрослых детей, редко появляется возможность самому стать отцом.

Советы: меньше опекайте мужа, дайте ему больше свободы действий, самостоятельных решений, выбора. Оцените это.

А молодому мужу следует чаще напоминать жене о том, что она красива, иногда критиковать окружающих женщин в пользу жены, чтобы дать ей почувствовать, что она любима. Сохранить такой брак поможет мудрость жены и сдержанность обоих супругов.

Кризис настигает супругов, когда один из партнеров начинает терять жизненную силу, а другой еще полон ее. В этом случае нужно обговаривать возможные антикризисные меры.

Помните, что более 60% разновозрастных браков заканчиваются разводом, причем больше половины мужчин возвращаются к бывшим женам. Специалисты говорят о двух фазах в таких браках: первая представляет собой эмоциональный и сексуальный подъем, когда происходит омоложение мужчин, и длится от 3 до 5 лет; во второй фазе разница в возрасте, интересах, образе жизни, в интимной жизни порождает множество конфликтов и приводит либо к разводу, либо к крайне невысокому качеству отношений, не всегда мирных; более половины жен заводят «романы на стороне». Психологически окрепнув рядом со зрелым мужчиной, достигнув сексуального расцвета, подруги теперь готовы к романам и бракам со сверстниками; они уже не нуждаются в «муже-отце».

Короче говоря, оптимальна та ситуация, в которой супруги чувствуют себя спокойно, комфортно, равноправно, а разница в возрасте совершенно не ощущается ими, т.е. если супруги любят друг друга, а не придумывают красивую легенду для своих несбывшихся мечтаний и потаенных амбиций. Когда они не обманывают друг друга и себя, а осознают, что им этот брак действительно нужен. Когда их отношения согреты истинной близостью, любовью, взаимопониманием и стремлением сделать друг друга счастливыми, тогда вопрос о возрасте отпадает. А вообще, все очень индивидуально.

Не стоит думать, что в разновозрастных браках люди несчастны, когда старший из партнеров уже начинает стареть, а другой пока еще взрослеет. Как правило, факт наличия более молодого партнера заставляет другого постоянно держать себя в тонусе и заниматься собой.

Чаще всего в парах, где старше женщина, она переживает по поводу потери внешней привлекательности больше, чем ее супруг. Как правило, мужчины любят глазами лишь первое время, а далее приходит пора тактильных и обонятельных ощущений. Разница в возрасте – это не главный фактор. Следует прислушиваться к сердцу.

Олег Табаков: «Наши отношения длятся давно. Не хочу сказать, что наша жизнь с Мариной безоблачна и совсем не выпадают осадки. Но я вижу, что она меня любит, – и это самое главное». К его мнению присоединяются и другие знаменитые возрастные мужья: Владимир Шаинский (разница в возрасте с женой 42 года), писатель Леонид Жуховицкий (разница в возрасте 45 лет), режиссер Андрон Кончаловский (разница 36 лет). И авторы статьи того же мнения (разница в возрасте 34 года).

Из приведенных выше примеров следует, что женщину нужно покорять прежде всего личностью, а не наличием, что хороший брак покоится на таланте и дружбе (Ницше), что надо друг друга изучать, знать и взаимно-понимать, а не жить с фантомами и не питаться иллюзиями.

Можно сделать общий вывод: счастьем возраст не помеха!

MISALLIANCES (DIFFERENT AGE MARRIAGES): PSYCHOLOGICAL PROBLEMS
Zalevskij G.V., Kuzmina Y.V. (Tomsk)

Summary. In the article on popular genre the questions on actual theme today – the theme of misalliance are discussed. Such marriages are getting more and more. Especially the marriages with a man is older. Though the marriages with a woman is older is growing too. The authors – married couple be married 10 years (age different 34 years).

ИНФОРМАЦИЯ

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 30 мая 2008 г. № 937-801 открыт диссертационный совет Д 212.267.16 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии, 19.00.04 – медицинская психология.

Председатель диссертационного совета – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор В.Е. Ключко; ученый секретарь – доктор психологических наук Т.Г. Бохан.

21, 22 и 23 марта 2012 г. состоятся заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Неверовой Г.Ю. «Личностные ресурсы в реабилитации больных героиновой наркоманией» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – медицинская психология;

– Левиной Л.В. «Психологические возможности коррекции отклоняющегося поведения личности с учетом его специфических особенностей» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – медицинская психология;

– Филоненко А.Л. «Становление пренатальной психологической общности как условие здоровой беременности» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – медицинская психология;

– Магденко О.В. «Особенности деструктивных мотиваций у беременных женщин при формировании материнской ролевой идентичности» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – медицинская психология;

– Ивановой В.С. «Учет особенностей отношения родителей к заболеванию ребенка детским церебральным параличом в психологическом сопровождении семьи» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – медицинская психология;

– Штумф В.О. «Роль понимания обмана в формировании представлений и реализации здорового образа жизни у часто болеющих детей дошкольного возраста» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – медицинская психология;

– Худяковой И.С. «Психологические особенности переживания одиночества человека в закрытой среде (на примере мест лишения свободы)» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии;

– Твердохлебовой Н.В. «Особенности идентичности при формировании пивной аддикции (на примере лиц юношеского возраста) на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии;

– Нелюбина Н.И. «Осмысление в структуре познавательной активности (на примере работы студентов с научными текстами) на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии;

– Сметановой Ю.В. «Личностный потенциал как ресурсная составляющая инновационно-предпринимательской направленности» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии.

*Ученый секретарь совета
доктор психологических наук, доцент
Т.Г. Бохан*

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 30 мая 2008 года № 937-802 открыт диссертационный совет Д 212.267.20 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.13 – психология развития, акмеология (психологические науки); 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Председатель диссертационного совета – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой управления образованием ФП ТГУ Г.Н. Прозументова; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой психологии личности, декан факультета психологии ТГУ Э.В. Галажинский; ученый секретарь – доктор педагогических наук, доцент ФП ТГУ И.Ю. Малкова.

15 декабря 2011 г. состоялись заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Вержицкой Е.Н. «Особенности личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (научный руководитель – профессор Н.В. Козлова);

– Байгуловой Н.В. «Разработка и реализация модели разновозрастной сельской малокомплектной школы» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (научный руководитель – доцент Е.Е. Сартакова);

– Зубаревой Т.А. «Использование сетевого взаимодействия для инновационного развития образовательных учреждений» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (научный руководитель – доцент А.О. Зоткин);

– Ломоносовой Т.Г. «Динамика управленческого потенциала молодых специалистов в условиях акме-ориентированных технологий» на соискание

ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (научный руководитель – профессор Н.В. Козлова).

15 марта 2012 г. состоится заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Симаковой Т.П. «Формирование субъектной позиции семьи на основе социально-образовательного партнерства» на соискание ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (научный консультант – профессор Т.А. Костюкова);

– Мусихина И.А. «Педагогические условия дистанционного сопровождения образовательной деятельности обучающихся во время летних каникул (на примере использования иностранного языка)» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (научный руководитель – профессор В.Я. Синенко);

– Шабаловской М.В. «Взаимосвязь ментальности и произвольной активности личности в юношеском возрасте (на примере студентов вузов)» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (научный руководитель – профессор Л.Ф. Алексеева).

16 марта 2012 г. состоится заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Свиридовой Н.В. «Детский музей как форма организации жизнедеятельности детей и подростков в учреждении дополнительного образования» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (научный руководитель – профессор В.Я. Синенко).

– Колпакова С.Н. «Образовательное содержание совместного действия и его влияние на освоение учебного материала (на материале организации занятий по физике в общеобразовательной школе)» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (научный руководитель – профессор Г.Н. Прозументова);

– Айзман Н.И. «Особенности становления сексуальности у студенток вуза и ее гармонизация в условиях психологического воздействия» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология (научный руководитель – профессор Ю.П. Зинченко).

*Ученый секретарь совета
доктор педагогических наук, доцент
И.Ю. Малкова*

НАШИ АВТОРЫ

Айзман Нина Игоревна, директор Центра практической психологии ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск).

E-mail: nina.aizman@mail.ru

Виноградова Марина Геннадиевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

E-mail: mvinogradova@yandex.ru

Габер Ирина Владимировна, кандидат медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой охраны здоровья и основ безопасности жизнедеятельности ГБОУ ДППЦ НСО «Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования» (Новосибирск).

E-mail: irinagaber@yandex.ru

Грачев Виталий Викторович, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник отдела по изучению проблем подростковой психиатрии НЦПЗ РАМН (Москва).

E-mail: gratchev@mail.ru

Ениколопов Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель отдела клинической психологии НЦПЗ РАМН, доцент кафедры нейро- и патопсихологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

E-mail: enikolopov@mail.ru

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: usua9@sibmail.com

Зинченко Юрий Петрович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой методологии психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

E-mail: dek@psy.msu.ru

Иванов Михаил Владимирович, младший научный сотрудник отдела по изучению психической патологии раннего детского возраста Научного центра психического здоровья РАМН (Москва).

E-mail: ivanov-michael@mail.ru

Колесникова Светлана Викторовна, старший преподаватель кафедры истории и философии Омского экономического института (Омск).

E-mail: svet.kolesnikova@mail.ru

Кузьмина Юлия Викторовна, старший преподаватель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: usua9@sibmail.com

Лола Елена Вячеславовна, аспирант кафедры общей и прикладной психологии Сибирской академии права, экономики и управления (Иркутск).

E-mail: el.lola@mail.ru

Осинская Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций Гуманитарной школы Дальневосточного Федерального университета (Владивосток).

E-mail: 733825@mail.ru

Попова Людмила Александровна, ассистент кафедры клинической психологии психолого-социального факультета ГОУ ВПО РГМУ Росздрава, НЦПЗ РАМН, младший научный сотрудник отдела по изучению проблем подростковой психиатрии (Москва).

E-mail: la-popova@yandex.ru

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Нижегородского государственного педагогического университета (Нижний Новгород).

E-mail: rasv@yandex.ru

Рыжов Андрей Леонидович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

E-mail: andrey.ryzhov@gmail.com

Суховершин Александр Викторович, заслуженный врач России, главный врач санатория «Россия» (Белокуриха).

E-mail: sav@sanrussia.ru

Шайдакова Наталья Викторовна, аспирант кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета (Нижний Новгород).

E-mail: Natalia.kim1987@mail.ru

Шевченко Татьяна Ивановна, кандидат психологических наук, научный сотрудник отделения медицины труда НИО «Медицинский регистр МЧС России» ФГУЗ «Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова» МЧС России (Санкт-Петербург).

E-mail: Vektor-V@yandex.ru

Юсупов Павел Рафаэльевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии факультета психологии Алтайского государственного университета (Барнаул).

E-mail: yusupovpr@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не принимаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК).

Приводятся (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами, по центру);
- инициалы и фамилия автора (по центру), название города (в скобках);
- краткая аннотация (до 50 слов), которая предваряется словом «**Аннотация**», выделенным жирным шрифтом;
- список ключевых слов (5–7), предваряющийся словосочетанием «**Ключевые слова**» (с двоеточием, после которого перечисляются слова через точку с запятой).

Текст набирается шрифтом Times New Roman. Размер шрифта – 12, межстрочный интервал – полуторный, поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, абзацный отступ – 10 мм.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

При использовании дополнительных шрифтов необходимо представить их в редакцию в авторской электронной папке.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [9. Т. 2. С. 25]. **Список литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Литература», нумеруется (начиная с первого номера) и **оформляется в алфавитном порядке.**

Например:

1. *Вассерман Л. И.* Методологические основы психологической диагностики в клинике соматических расстройств [Текст] / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Е. А. Трифонова, О. Ю. Щелкова // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 38. – С. 24–29.
2. *Залевский Г. В.* Введение в клиническую психологию : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / Г. В. Залевский. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. – 224 с.
3. *Залевский Г. В.* Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ [Текст] / Г. В. Залевский // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / под ред. В. В. Знакова, Г. В. Залевского. – М. : ИП РАН, 2008. – С. 314–340.
4. *Морозов С. М.* Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л. С. Выготского : автореф. дис. ... канд. психол. наук [Текст] / С. М. Морозов. – М., 2002. – 24 с.

Под одним номером допустимо указывать только один источник. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

Примечания оформляются в виде **концевых** сносок.

После списка литературы приводятся на английском языке (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами);
- фамилия автора и инициалы, название города (в круглых скобках);
- аннотация (**Summary**);
- ключевые слова (**Key words**).

Объём статьи, включая аннотацию и список литературы: для авторов, имеющих учёную степень, **не более 12 стр.**, для авторов без учёной степени – **до 5 стр.**

Отдельным файлом (а также в распечатанном виде) обязательно предоставляются сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например:

Иванов Иван Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Энского государственного университета (Энск). E-mail: ivanov@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- ФИО, должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (**название** и номер по классификации ВАК);
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- телефоны (служебный, домашний, **сотовый**).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего автор оформляет и подаёт 2 электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи;
- 2) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например, Иванов1.doc, Иванов2.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Иванов). **При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Иванов.zip или Иванов.rar).**

Авторы должны представить в редакцию письмо, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой он работает или обучается.

В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Бумажные варианты статей направляются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии, редакция «Сибирского психологического журнала» и **обязательно** дублируются на сайте журнала в разделе «Регистрация»: <http://spj.tsu.ru>

Статьи, присланные по электронной почте, не рассматриваются.

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.) в своем личном профиле.

Не рекомендуется посылать статьи ценным письмом или бандеролью, так как это значительно задерживает получение вашего почтового отправления. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Публикации аспирантов осуществляются на некоммерческой основе.

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 43. 2012 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция «Сибирского психологического журнала».
Телефон редакции (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10.
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Корректор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки А.В. Бабенко

Подписано к печати 15.02.2012 г. Формат 70×108/16.
Бумага белая офсетная. Гарнитура Times.
Ризография. Усл. печ. л. 10,8. Тираж 1 000 экз.

Отпечатано на оборудовании
редакционно-издательского отдела
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011
Тел. 8+(382-2)–52-98-49